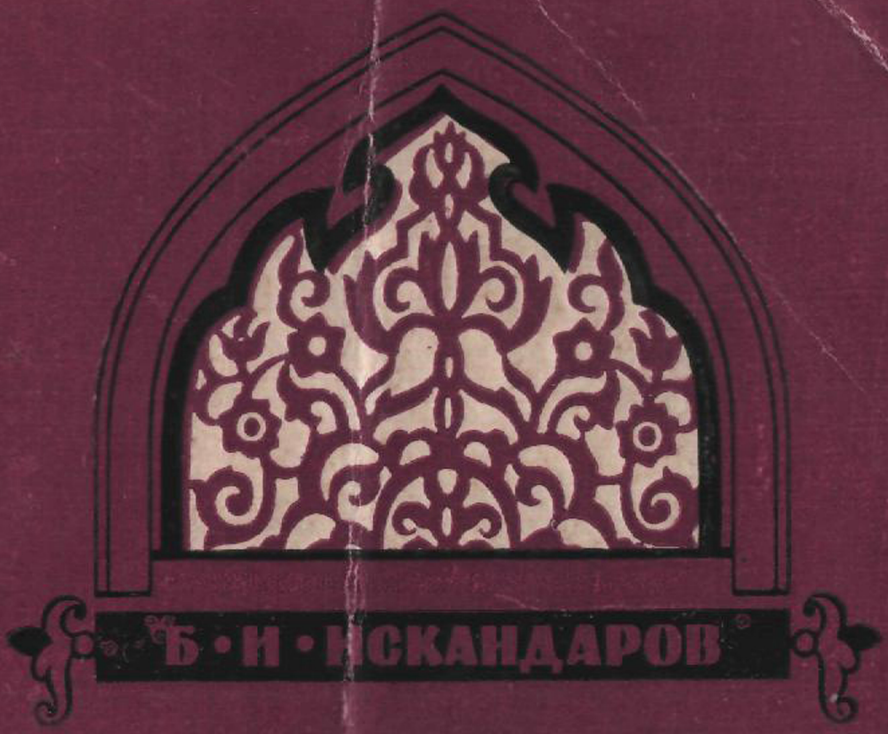

Б. И. ИСКАНДАРОВ

ИЗ ИСТОРИИ БУХАРСКОГО ЭМИРАТА

ИВЛ

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

Б. И. ИСКАНДАРОВ

ИЗ ИСТОРИИ БУХАРСКОГО ЭМИРАТА

(ВОСТОЧНАЯ БУХАРА И ЗАПАДНЫЙ ПАМИР В КОНЦЕ XIX ВЕКА)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва — 1958

Ответственный редактор

А. М. ДЬЯКОВ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эта книга — часть неопубликованной монографии о Восточной Бухаре и западных районах Памира в последней трети XIX в. Основное внимание автор уделяет истории, административному устройству, налоговой системе и положению населения Восточной Бухары и Западного Памира, а также взаимоотношениям царских и бухарских властей.

В основу работы положены сведения, почерпнутые из документов, хранящихся в Государственном историческом архиве Узбекской ССР в Ташкенте и Центральном государственном военно-историческом архиве в Москве. Среди материалов, находящихся в Государственном историческом архиве Узбекской ССР, особо отметим документы из канцелярии бухарских куш-беги, до сих пор почти не использованные историками Средней Азии [1]. Большинство этих документов на таджикском языке, но немало также на узбекском и туркменском языках. Привлеченные нами материалы из фонда куш-беги позволяют полнее, чем в появившихся ранее исследованиях, осветить положение трудящихся в Бухаре, охарактеризовать произвол эмира и его чиновников. Они содержат немало ценных данных о прошлом Восточной Бухары и Западного Памира.

[1] Часть материалов из этого фонда впервые опубликована О. Д. Чехович и А. К. Арендс («Документы к истории аграрных отношений в Бухарском ханстве, вып. I. Акты феодальной собственности на землю XVII—XIX вв.», подбор документов, перевод, введение и примечания О. Д. Чехович и А. К. Арендс, Ташкент, 1954). Во время написания работы фонд куш-беги находился в стадии разработки, поэтому автор лишен возможности дать точное библиографическое описание используемых им документов этого фонда и вынужден ограничиваться указанием, что документ находится в ЦГИА УзССР, в фонде куш-беги (ф. куш-беги).

Использованы также некоторые документы (в копиях) из личного собрания А. В. Станишевского, который любезно предоставил их автору. К ним относятся: документ, свидетельствующий о количестве населения и распределении земли и скота по районам Западного Памира; письма и донесения представителя политического агентства в Бухаре барона Черкасова, побывавшего на Западном Памире в 1904 г., и начальника Памирского отряда капитана Снесарева; документ, содержащий сведения о совещании царских чиновников, на котором было принято решение «негласно и без формальных передач» осуществить переход от бухарского правления к русскому.

История областей восточной части эмирата не одинаково полно отражена в архивных документах. Больше всего сохранилось материалов о западных районах Памира, которые в силу своего пограничного положения вызывали особый интерес царских властей. Гораздо меньше дошло до нас данных о Восточной Бухаре. Это отчасти объясняется неупорядоченностью хранения документов в эмирате, вследствие чего сохранились лишь немногие из многочисленных материалов, которые поступали в канцелярию эмира из Восточной Бухары и Западного Памира.

В дополнение к письменным источникам автором использованы сведения, сообщенные ему очевидцами описываемых событий. Ввиду недостаточности документального материала по ряду бекств Восточной Бухары устные свидетельства оказались весьма полезными.

Положение Восточной Бухары и западных районов Памира в конце XIX в. не впервые освещается в литературе. История этой части Бухары рассматривалась советскими учеными: Б. Г. Гафуровым в связи с историей таджикского народа [2], А. А. Семеновым в работе о земельном устройстве и налоговой системе эмирата в целом [3]. Опубликовано также несколько исследований по отдельным районам Восточной Бухары и Западного Памира, из которых следует назвать работу Н. А. Кислякова о прошлом Каратегина [4]. По мнению автора, вper-

---

[2] Б. Г. Гафуров, *История таджикского народа в кратком изложении*, т. 1, М., 1955.

[3] А. А. Семенов, *Очерк поземельно-податного и налогового устройства б. Бухарского ханства*, Ташкент, 1929.

[4] Н. А. Кисляков, *Очерки по истории Каратегина*, Сталинабад, 1954.

вые привлеченные им материалы позволяют глубже осветить ряд вопросов. К ним относится прежде всего крестьянское восстание в Восточной Бухаре под руководством бедняка Восе. Недостаток материала еще не дает возможности всесторонне исследовать это наиболее крупное восстание в Бухаре конца XIX в.; тем не менее обнаруженные документы позволяют установить некоторые новые подробности хода восстания и содержат дополнительные сведения о его руководителе. Есть основания полагать, что восстание закончилось не в 1885 г., как считали до сих пор. Документы выявляют колеблющуюся позицию царского правительства в отношении Западного Памира. Оно поддерживало своего вассала — эмира, но опасалось, что безудержная эксплуатация населения бухарскими чиновниками вызовет восстание или бегство части жителей за границу, что подорвало бы престиж царизма и нанесло бы ущерб его интересам в этой области.

Автор выражает благодарность сотрудникам Института востоковедения АН СССР и Института истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР, а также сотрудникам Центрального военно-исторического архива СССР и Государственного исторического архива Узбекской ССР, которые оказали ему помощь в работе над книгой.

ГЛАВА I

ПОЛИТИКО-АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО ВОСТОЧНОЙ БУХАРЫ ПОСЛЕ ПРИСОЕДИНЕНИЯ ЕЕ К БУХАРСКОМУ ЭМИРАТУ

Если западная часть эмирата считалась исконной территорией бухарских эмиров-мангытов, то территория Восточной Бухары до 70-х годов XIX в. состояла из самостоятельных или полусамостоятельных владений, возглавляемых наследственными правителями. В зависимости от политической обстановки некоторые из них временами вынуждены были подчиняться бухарским эмирам или другим феодальным правителям. В 70—90-х годах прошлого века все эти территории были покорены эмиром при поддержке русского царизма. Это, однако, мало изменило положение населения Восточной Бухары. На места отстраненных от прежних должностей представителей местной феодальной знати стали назначать эмирских чиновников. Как правило, в качестве правителей (миры, беки) в каждый из покоренных районов Восточной Бухары посылались люди, лично преданные эмиру.

Присоединение к Бухаре этих районов сопровождалось крайним их разорением.

Эмир, не уверенный в прочности своего положения в недавно присоединенном крае, поспешил ввести туда много войск. К 80-м годам численность бухарских гарнизонов в Восточной Бухаре была значительно увеличена, так как в высокогорных бекствах Каратегин и Дарваз происходили восстания.

После присоединения к эмирату в Восточной Бухаре были образованы Ширабадское, Сары-Джуйское, Бай-

сунское, Кулябское, Курган-Тюбинское, Бальджуанское, Каратегинское, Дарвазское, Гиссарское, Денауское и Кабадианское бекства; к Бухаре отошли также районы Западного Памира: восточная часть Шугнана и Рушана и северная часть Вахана (как компенсация эмиру за переданный Афганистану Запянджский Дарваз).

К моменту создания Туркестанского генерал-губернаторства (1867 г.) территория Бухары составляла приблизительно 184 500 кв. верст [1]. Присоединив Гиссар (3 тыс. кв. верст [2]), Куляб (4 650 кв. верст [3]), Каратегин (9800 кв. верст [4]), Дарваз (примерно 16 900 кв. верст [5]), а также западные районы Памира, площадь которых составляла около 30 тыс. кв. верст [6], эмир намного увеличил свои владения.

Капитан царской службы Покотило, обследовавший в конце прошлого столетия западные и восточные районы Бухары и Памир, описал природные условия этого края [7].

Меридианом, проходящим через Гузар-Чиракчи, эмират разделялся на две части, резко отличающиеся по климату, рельефу, богатству растительного и животного мира.

Западные районы Бухары — в значительной части безводная равнина с весьма жарким климатом и бедной растительностью. Исключение представляют оазисы, расположенные по берегам Аму-дарьи и речек, берущих начало в горах Памира, но теряющихся в песках. Восточная часть эмирата, заполненная отрогами Памира, сравнительно хорошо обеспечена водой и имеет более умеренный климат.

Восточную Бухару и западные районы Памира можно с полным правом назвать страной гор. Особенно это отно-

---

[1] А. Ф. Губаревич-Радобыльский, *Экономический очерк Бухары и Туниса*, СПб., 1905, стр. 145.

[2] Там же.

[3] М. А. Варыгин, *Опыт описания Кулябского бекства* («Известия Имп. русского географического общества», т. II, Пг., 1916), стр. 742.

[4] Васильев, *Краткое статистическое описание Каратегина* («Сборник материалов по Азии», вып. XXXIII, СПб., 1888), стр. 9.

[5] Кузнецов, *Дарваз. Рекогносцировка*, Новый Маргелан, 1893, стр. 9.

[6] А. Ф. Губаревич-Радобыльский, *Экономический очерк...*, стр. 8.

[7] Покотило, *Отчет о поездке в пределы центральной и восточной Бухары в 1886 году*, Ташкент, 1888, стр. 28.

сится к Шугнану, Рушану, Дарвазу и Каратегину, где едва сотая часть территории пригодна для земледелия. Памирский, Дарвазский, Каратегинский и Гиссарский хребты расчленяют этот район на несколько обособленных частей. Большая высота и недоступность горных хребтов и их главных отрогов были причиной длительной изоляции припамирских и памирских районов от внешнего мира. Хребты отделяются друг от друга широкими речными долинами. Основная из них — Гиссарская, имеющая 125 *км* в длину и 12—15 *км* в ширину. Она расположена вдоль южных отрогов Гиссарского хребта. Вторая по величине долина — Кулябская, вдоль рек Кызыл-су и Ях-су протяжением 87 *км*. Северная часть ее издавна густо заселена. Кулябская долина примыкает к Курган-Тюбинской, которая тянется от Явана до р. Пянджа на 125 *км* и соединяется с долиной Вахша.

О численности населения девяти бекств Восточной Бухары капитан Покотило приводит следующие данные (тыс. человек) [8]:

Бекство	Население
Байсунское	30
Денауское	50
Кабадианское	15
Курган-Тюбинское	10
Кулябское	80
Бальджуанское	60
Гиссарское	160
Сары-Джуйское	20
Ширабадское	45
Итого	470

По данным А. Ф. Губаревича-Радобыльского, относящимся к началу XX в., население эмирата составляло 2,5—3 млн. человек (из них около 10% — городские жители) [9].

В Восточной Бухаре наиболее крупными городами, являвшимися одновременно административными центрами бекств, были Куляб (25 тыс. жителей), Гиссар (8 тыс.), Денау (6 тыс.), Курган-Тюбе (4 тыс.), Калай-и-Хумб (центр Дарвазского бекства—3 тыс.), Кабадиан (1 тыс. жителей).

[8] Там же, стр. 63.
[9] А. Ф. Губаревич-Радобыльский, *Экономический очерк...*, стр. 32.

Кроме городов — административных центров беков, имелось несколько относительно крупных населенных пунктов, игравших определенную роль в хозяйственной жизни Восточной Бухары, среди которых в начале XX в. выделялись Дюшамбе (28 тыс. домов), Регар (7 тыс. домов) и некоторые другие [10].

Приведенные сведения недостаточно точны, но все же дают общее представление о размерах городских поселений Восточной Бухары.

В основном восточнобухарские города отличались от крупных кишлаков тем, что в них размещались бухарские чиновники во главе с беком. Кроме того, там проживали торговцы, крупные землевладельцы, духовенство, ремесленники. В некоторых городах были расположены бухарские войска. Проживавшие в городах крупные землевладельцы сдавали землю в аренду, а сами нередко занимались торговлей и ростовщичеством.

Бухарские чиновники, духовные и светские феодалы держали в кабале не только земледельцев и скотоводов, но и городских кустарей.

Характеризуя этнический состав населения Восточной Бухары, полковник Матвеев, побывавший там в конце 70-х годов XIX в., отмечал, что восточная часть эмирата населена преимущественно таджиками и узбеками. Кроме того, в Восточной Бухаре проживали туркмены, киргизы, афганцы, хазарейцы, индийцы и др.; некоторые из них поселились здесь несколько столетий назад, а многие — лишь в середине XIX в. Таджиков, коренных жителей, было большинство, но господствующее положение в стране занимали узбеки. Они делились на множество родов, имевших каждый своего бия, или старшину. По словам Матвеева, узбеки по образу жизни ничем не отличались «от остальных племен, населявших страну», а по воинственности далеко превосходили таджиков. Они считали себя «первенствующим народом уже по одному тому, что властвующая в ханстве династия происходит из их рода мангитов». Матвеев утверждает также, что все административные должности были заняты узбеками [11].

---

[10] С. И. Гулишамбаров, *Экономический обзор Туркестанского района, обслуживаемого Средне-Азиатской железной дорогой*, ч. 1, Асхабад, 1913, стр. 203.

[11] ЦГВИА, ф. ВУА, коллекция 445, д. 16, л. 49.

* * *

Сохранение эмирата отвечало интересам русского царизма, который, превратив Бухару в зависимое государство, в то же время оставил в неприкосновенности весь его внутренний строй. Этим царское правительство рассчитывало привлечь симпатии феодалов соседних стран с целью расширить сферу влияния России.

Рассматривая причины сохранения формальной самостоятельности Бухары и Хивы, дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе в своем отчете подчеркивал, что «одной из главных побудительных причин, заставивших нас (т. е. царское правительство. — *Б. И.)* в 1868 и 1873 гг. остановиться на автономном существовании Хивы и Бухары, было желание популяризировать благотворность нашего протектората среди соседних нам владений Афганистана и Индии».

В одном из документов Российского министерства юстиции от 11 декабря 1892 г. указывается: «Основным началом нашей (т. е. царского правительства. — *Б. И.*) политики по отношению к ханству было желание сохранить (его. — *Б. И.*) независимость, дабы этим способом предупредить случайности, которые преждевременно могли осложнять нашу роль в Средней Азии. Руководствуясь этой целью, правительство признало необходимым заботиться об обеспечении Бухары от внутренних потрясений и ради этого тщательно воздерживалось от всякого вмешательства, способного не только поколебать, но в чем бы то ни было видоизменить условия внутреннего быта этой страны» [12].

Русское правительство понимало, что господствующий класс Бухары в значительной степени был настроен враждебно по отношению к России и что наибольшие симпатии к ней питали народные массы Бухары. Так, генерал Кауфман в письме к полковнику Носовичу от 13 июня 1870 г. писал: «Наша партия в Бухаре состоит главным образом из всего без исключения торгового класса людей, из десятков тысяч рабов, евреев, индийцев, персиан и прочих угнетенных и бедных земледельцев, кои платят в казну и разным чиновникам три четверти своего урожая; все духовенство и чиновники, живущие

---

[12] ЦГИА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 265, л. 8.

без труда — на счет народа, — суть наши враги» [13]. Тем не менее, исходя из интересов своей политики на Востоке, а также будучи вынужденным считаться с Англией, царизм счел нужным сохранить в неприкосновенности эмират. По этим же соображениям в своих отношениях с Бухарой русское правительство руководствовалось принципом невмешательства в ее внутренние дела и стремилось найти опору в правящих кругах эмирата, мало беспокоясь о бедственном положении трудящихся Бухары, страдавших от произвола феодалов и чиновников. Во время народных волнений царское правительство оказывало прямую поддержку эмирским властям.

* * *

Во главе государства в Бухаре стоял эмир, осуществлявший светскую и духовную власть. Первым сановником страны был куш-беги, обычно отождествлявшийся с премьер-министром. Он ведал всеми административно-хозяйственными делами и замещал эмира во время его отсутствия [14]. Финансовыми делами эмирата занимался «нижний» куш-беги, иначе именовавшийся верховным зякетчи, или диван-беги. В его распоряжении находились все лица, ведавшие финансовыми вопросами в бекствах.

Ближайшим помощником эмира был также кази-калян (верховный судья), которому подчинялись судьи в бекствах, считавшиеся независмыми от беков и не подлежавшие их контролю. Следующим по значению был раис, выполнявший полицейские функции, а также осуществлявший надзор за исполнением шариата и контроль над базарами. Во главе бухарской армии стоял так называемый тупчи-баши-йи-ляшкар (буквально — начальник войсковой артиллерии).

Беки во многих случаях пытались копировать центральное управление, создавая у себя ряд таких же должностей, как при дворе эмира. Доктор И. Б. Явор-

---

[13] ЦГВИА, ф. ВУА, отд. 2, д. 6823, л. 235.

[14] Более подробную характеристику центрального административного управления эмирата читатель найдет в работе проф. А. А. Семенова «Очерк устройства центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени» (Сталинабад, 1954).

ский, побывавший в Бухаре в составе русского посольства, направлявшегося в Афганистан в конце 70-х годов XIX в., писал: «Каждый бек имел свой двор, повторявший, хотя и в меньших размерах, своей градацией чинов и должностей двор самого эмира бухарского» [15]. Каждый бек имел секретаря, который управлял делами и заботился о своевременном сборе податей. Хозяйством ведал казначей, или эконом, называвшийся «досторхончи». И в центре, и в бекствах полицейские обязанности и наблюдение за порядком в ночное время осуществляли наукары во главе с миршабом («ночной правитель»), а в сельских местностях полицейская власть принадлежала даруге. В каждом бекстве были также два зякетчи (сборщики налогов), один из которых находился при беке и жил в его крепости, а другой разъезжал по территории бекства и устанавливал сумму налога с лиц, владевших тем или иным имуществом.

Каждое бекство разделялось на амлякдарства. Ими управляли особые чиновники — амлякдары, назначавшиеся и сменявшиеся беком. В амлякдарства входили кишлаки во главе со старостами, или кедхода, которым непосредственно подчинялись все жители селений.

В каждом амлякдарстве были мирабы (лица, наблюдавшие за ирригационной системой и ведавшие распределением воды), зякетчи и даруга-баши. Последние собирали сведения о поступлении податей и отправляли в Бухару транспорты с хлебом, полученным от населения в виде натуральной платы.

В некоторых бекствах, например Гиссарском, должности беков занимали сыновья эмира. Беки не получали определенного содержания от казны, а, напротив, сами вносили в государственную казну подати, взыскивавшиеся с жителей. Кроме того, представляясь ежегодно эмиру, они подносили ему дорогие подарки (тартук) деньгами и вещами. «При посещении бекства самим эмиром бек обязан был содержать его самого и всю его свиту, состоявшую обыкновенно из нескольких сот человек. Во время последнего пребывания эмира в Шахрисябзе там были собраны беки со всего бухарского ханства и целые толпы их приближенных» [16].

---

[15] И. Б. Яворский, *Путешествие русского посла по Афганистану и Бухарскому ханству, в 1878—1879 гг.*, т. I, СПб., 1882, стр. 35—36.
[16] ЦГВИА, ф. ВУА, коллекция 445, д. 16, л. 51.

По словам И. Б. Яворского, каждый бек считал себя как бы удельным князем и правил своим округом почти независимо от эмира [17]. Далее, Яворский отмечал, что «управление (бекством. — *Б. И.*) состоит главным образом в собирании податей с населения натурой. Бек представляет их эмиру тоже натурой. Столько-то халатов, столько-то коней, столько-то батманов [18] ...зерна, хлеба и т. п. Власть бека не наследственна. Во всякое время эмир может взять бекство у одного и отдать другому... По смерти бека все имущество его поступает в казну эмира... наследники бека после смерти отца ничего не получают. Но так как сыновья беков должны быть непременно на службе эмира... то потеря наследства после (смерти. — *Б. И.*) отца для них не особенно чувствительна...» [19].

Несмотря на отдельные неточности, допущенные И. Б. Яворским, который, в частности, неверно превратил в общее правило случаи конфискации имущества беков после их смерти, он все же в основном правильно охарактеризовал положение беков и иных бухарских чиновников. Добавим, что, по сведениям других русских авторов, побывавших в Бухаре после И. Б. Яворского, число чиновников в каждом бекстве в 1900-х годах достигало в среднем 200—300. Все они жалованья не получали, но и податей не платили. К каждому из них было прикреплено определенное количество населения, с которого они взимали в свою пользу поземельную подать — харадж.

Эмир, не доверяя бекам, часто смещал их, а за ними в свою очередь, как правило, сменялись и все подчиненные им лица. Дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе писал в 1903 г., что «за последние 5 лет в Кулябе сменилось пять беков, в Бальджуане, Гиссаре, Кабадиане и Ширабаде — по три бека». Частая смена беков вызывала у них неуверенность в прочности своего положения, это очень тяжело отражалось на подвластном им населении, которое беки нещадно эксплуатировали, а то и просто грабили, стараясь возможно пол-

---

[17] И. Б. Яворский, *Путешествие русского посла...*, стр. 35—36.

[18] Размеры батмана в каждом бекстве колебались от 8 до 16 пудов. Батман бухарский и самаркандский равнялся 8 пудам, или 128 *кг*, ташкентский и ферганский — 9 пудам, или 144 *кг*.

[19] И. Б. Яворский, *Путешествие русского посла...*, стр. 35.

нее использовать власть для личного обогащения. Капитан царской службы Джиджихия в одной из докладных записок генерал-майору Лилиенталю следующим образом охарактеризовал злоупотребления бухарских чиновников, начиная от куш-беги и кончая кишлачным аксакалом: достаточно «заявить словесно, что должник не вовремя уплатил, чтобы администрация (бек, амлякдар и проч.) сочла себя вправе приступить к расследованию. Последнее обыкновенно кончается большим штрафом... Достаточно словесного заявления одного о неблагонадежности другого, чтобы этот последний испытал бухарские тюрьмы, до сих пор напоминающие клоповники, и подвергался разорительным штрафам» [20].

Содержание беков с многочисленными подчиненными им должностными лицами было тяжелой обузой для трудящихся эмирата, особенно для жителей Восточной Бухары. Военный инженер, полковник царской службы А. М. Бонч-Богдановский, руководивший в начале XX в. строительством дороги в эмирате, рассказывал: «Население в кишлаках всюду бедное, угнетенное. На каждом шагу можно встретить насилие. Чиновнику ничего не стоит отнять у первого проезжего лошадь... Всякий знает, что нигде, никогда не найдет защиты против произвола чиновников. Бывали случаи... когда целые кишлаки жаловались... на амлякдаров и др. чиновников. Но почти всегда подобные жалобы проходили бесследно, так как чиновники оказывались или родственниками бека, или же задаривали его подарками» [21].

Ввиду крайне враждебного отношения местного населения бухарские чиновники опасались удаляться без охраны от двора бека. Бонч-Богдановский отмечал: «Горные жители Китабского, Шахрисябского, Яккобагского бекства (в равной мере и Восточной Бухары. — *Б. И.*) по отношению к амлякдарам и бекским чиновникам проявляли непослушание. Часто приходилось от них слышать жалобу... Надо сказать, что чиновники даже побаивались *этих горных жителей. А в Байсунском бекстве есть кишлаки* в горах, куда не смели чиновники бека появляться за сбором податей, боясь быть побитыми камнями» [22].

Каждый бек по примеру эмирского двора стремился

---

[20] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 251, л. 11, 100.
[21] Там же, л. 86—87.
[22] Там же.

увеличить число чиновников, расход на содержание которых ложился на плечи трудящихся. Даже в таком бедном бекстве как Дарваз, где насчитывалось около 55 тыс. населения, при дворе местного бека находился большой штат чиновников.

Капитан генерального штаба Кузнецов, посетивший Дарваз в начале 90-х годов, сообщил следующие факты об административном устройстве этого бекства, делившегося на 11 амлякдарств: «Бекством управляет Мухаммед-Назар-бек-бий, внук покорителя Дарваза Худой-Назара-Аталыка. Он ставленник Бухары. Обязан ежегодно предоставлять эмиру часть собранных податей (харадж) и определенные подарки (5 лошадей и 9 лучших халатов стоимостью в 250 рублей)... При нем находится целый синклит бухарских чиновников, как-то: 5 биев, 5 ишагаси, 3 токсабо — подполковник и неограниченное число мирахуров, караул-беги, джевочи, мирза-баши, чирогаси и наукаров. Кроме того, в каждом амлякдарстве есть по одному амлякдару, обыкновенно из родственников бека, назначаемому самим беком. Амлякдары получают доходы, оставляя себе часть собранных податей с хараджа» [23].

По данным капитана Кузнецова, все эти чиновники во главе с дарвазским беком не получали жалованья от эмира и «кормились» за счет местного населения. Лишь отдельные лица из высших кругов административного аппарата один раз в год получали в подарок от эмира чалму и халат. Для содержания каждого чиновника к нему, в зависимости от занимаемой должности, приписывалось известное число кишлаков, жители которых находились на положении крепостных и отбывали в его пользу различные феодальные повинности. Как отмечал Кузнецов, дарвазский чиновник брал себе определенную часть хараджа с закрепленного за ним селения. Так, бию полагалась $^1/_{10}$ сбора с пашен, обработанных 20—25 кошами (кош — упряжка двух быков; этот термин обозначал также количество земли, которое вспахивала одна такая упряжка). Кроме того, бек ежегодно давал бию лошадь, шесть халатов и 500 тенег. За это бий был обязан содержать 20 наукаров (лиц, несших военную службу при дворе бека, амлякдара и т. д.), которые освобожда-

---

[23] Кузнецов, *Дарваз...*, стр. 69—70.

лись от уплаты хараджа. Ишик-агаси (ответственный за охрану дворца бека) и туксаба получали $^{2}/_{10}$ сбора с 10 кошей, лошадь, три халата и 200 тенег и были обязаны содержать 5—10 наукаров; мирахуру причиталась $^{1}/_{10}$ сбора с 6 кошей и лошадь. Он должен был содержать 3—4 наукаров. Караул-беги, т. е. начальник караула, получал $^{1}/_{10}$ сбора с четырех кошей, халаты и 80 тенег. Он обязан был содержать 2 наукара. Джавочи [24], мирза-баши [25] и чар-агаси [26] — ежегодно по $^{1}/_{10}$ сбора с двух кошей, халат, чалму и 40 тенег; они должны были содержать по одному наукару [27].

В каждом амлякдарстве было много мелких чиновников во главе с амлякдаром. Все они, как правило, почти ничего не получали от бека, а жили за счет местного населения, которое, кроме того, было обязано выполнять общегосударственные повинности.

Рассмотрим административное устройство в бекствах на примере Гиссарского — одного из самых крупных в Восточной Бухаре. Как правило, должность бека там занимали лица из ближайшего окружения эмира. Характерной фигурой был Астана-кул (дядя эмира Абдул Ахад-хана), который управлял Гиссаром с конца 70-х годов XIX в. до 1905 г. Астана-кул как родственник эмира обычно именовался не иначе как куш-беги. «Отсылая в Бухару известную сумму денег и установленные подати, гиссарский бек управлял вверенным ему краем полновластно и имел свой суд с правом налагать наказания вплоть до смертной казни включительно» [28]. Как писал известный ботаник В. И. Липский, гиссарский бек принадлежал к знатнейшим и был самым богатым человеком во всей Бухаре. «Помимо золота и серебра (по-

---

[24] Джавочи — искаженное слово от джибачи, или в просторечии дживачи, — латник (А. А. Семенов, *Очерк устройства...*, стр. 60).

[25] Мирза, или мирза-баши, — буквально «главный мирза», или «главный письмоводитель». Фактически лица в этом чине исполняли разные незначительные обязанности: учет провизии, необходимой для того или иного двора, составление счетов поставщикам продовольствия и т. п. (там же, стр. 54).

[26] Чар-агаси — дословно начальник придворных пажей. В действительности же он выполнял обязанности раиса. В более позднее время лица в этом чине уже не имели определенной должности (там же, стр. 60).

[27] Кузнецов, *Дарваз...*, стр. 70.

[28] «Туркестанские ведомости», 1905, 18 марта.

следнее у него лежало мешками в подвалах), он имел табуны лошадей, стада овец. Его стада мы встречали *летом в отдаленных местах в горах, даже в русских пределах*». В восточных бекствах правом казни обладал в рассматриваемое время лишь гиссарский бек [29].

В распоряжении Астана-кула находился многочисленный штат чиновников. Как и в других бекствах, все эти чиновники жили за счет поборов с местного населения. Жалованье, получаемое ими от бека, составляло лишь небольшую часть их доходов.

У Астана-кула имелся свой куш-беги, немного ниже которого по рангу был есаул-баши [30] старший. Есаулу-баши полагалось жалованье около 10 руб. в месяц и примерно столько же на содержание пяти лошадей. Второй есаул-баши считался младшим и получал 7 руб. 80 коп. и несколько рублей на содержание трех лошадей. Кроме них, существовал специальный канцелярский штат в составе семи писарей, каждому из них бек выплачивал по 6 руб. в месяц жалованья и давал деньги на содержание двух лошадей. При дворе гиссарского бека состояло также более 80 чиновников, обязанности которых заключались главным образом в своевременной доставке донесений гиссарского бека эмиру, а его распоряжений — беку. Они получали жалованье и дополнительные средства на содержание одной лошади. Затем шли 25 есаулов; они также причислялись к разряду чиновников и получали жалованье по 1 руб. 65 коп. в месяц и по 4 коп. в день на содержание лошади. Всего, по более поздним данным (1905 г.), гиссарский бек расходовал на своих чиновников около 8 тыс. руб. в месяц. Кроме перечисленных выше лиц, при дворе бека были и такие чиновники, которые денег не получали, но обеспечивались вместе с семьями халатами, бельем и другими вещами.

Для удобства управления и собирания податей Гиссарское бекство разделялось на 23 округа во главе с амлякдарами, назначавшимися на эту должность преимущественно из числа родственников бека. Амлякдарам жалованья от бека не полагалось, и они «кормились» за счет жителей, причем доходы некоторых из этих чинов-

---

[29] «*Туркестанские ведомости*», 1907, 25 *октября*.

[30] Есаул-баши — чиновник, осуществлявший контроль за выполнением распоряжений бека.

ников достигали примерно 10 тыс. руб. в год. При сборе хараджа амлякдары отчисляли в свою пользу по одному пуду хлеба с каждого батмана. Кроме того, неофициально они имели в своем распоряжении несколько кишлаков, харадж с которых присваивали себе целиком. Амлякдары получали также штрафы с провинившихся. Наконец, они продавали должности низших представителей местной администрации, в свою очередь нещадно обиравших население.

У каждого амлякдара было от 10 до 200 наукаров, которые главным образом несли военную службу и должны были по первому требованию бека являться туда, куда он укажет. В мирное время наукары служили связными при дворе бека и амлякдара, охраняли дворец, отправляли арестованных и т. д.[31].

Социальный состав наукаров был неоднороден. Большинство из них принадлежало к зажиточным слоям населения (среди них встречались довольно крупные землевладельцы), но в основном наукары имели среднее или даже небольшое хозяйство. От имущественного положения наукара зависел его чин, так как чины присваивал бек, получавший определенную плату от поступавших к нему на службу (доходы бека от продажи чинов были весьма значительны: так, за чин чар-агаси беку платили 75 руб., мирза-баши — 90 руб., джавочи и караул-беги по 120 руб.[32]).

В качестве вознаграждения за службу бек прикреплял к наукарам определенное число крестьянских хозяйств, с которых они взимали ренту в различных формах. Имея право лишь на $^1/_{10}$ часть урожая, наукары в действительности брали значительно больше с поступавших в их распоряжение крестьян.

Число наукаров в амлякдарствах было различно. Так, по более поздним данным, относящимся к 1908 г., в Исон-Ходжинском амлякдарстве их было 195, Бадраклинском — 90, Гази-Маликском — 80, Каратагском и Регарском по 25, Ханакинском — 24, Сары-Джуйском — 18, Шурконском — 13, Даш-Набадском — 11, Гиссарском — 7, Сары-Асийском — 8[33].

Есть сведения, что после окончательного присоедине-

---

[31] «Туркестанские ведомости», 1907, 25 октября.
[32] «Туркестанские ведомости», 1905, 25 марта.
[33] «Туркестанские ведомости», 1908, 27 мая.

ния Восточной Бухары к эмирату в Гиссаре не должны были оставаться эмирские гарнизоны, но ввиду особого положения гиссарского бека при нем находился отряд эмирских сарбазов с шестью пушками. Помимо караульной службы при дворце бека, солдаты охраняли также дом, где содержались арестанты. Два раза в неделю (по базарным дням) проводились учения. Офицеров не было, и командирские обязанности сарбазы несли по очереди. От гиссарского бека они получали жалованье по 3 руб. в месяц. Тот, кто временно исполнял должность офицера, получал по 6 руб.

В Кулябском и Каратегинском бекствах находились внештатные артиллерийские команды, вооруженные гладкоствольными, заряжающимися с дула орудиями персидского происхождения, отлитыми в XVIII — начале XIX в.

В Курган-Тюбинском и Денауском бекствах не было постоянных гарнизонов эмирских войск. Беки опирались только на местные вооруженные силы, состоявшие из наукаров, постоянно находившихся при дворе бека. В случае надобности бек созывал амлякдаров вместе с подчиненными им наукарами.

В Дарвазском, Бальджуанском и Кулябском бекствах после включения их в состав Бухары были размещены эмирские войска. В Дарваз они прибыли в 1877 г. «для подавления вспыхнувшего там восстания» и больше оттуда не уходили[34]. В Бальджуане и Кулябе бухарские сарбазы находились со времени присоединения этих бекств к Бухаре в начале 70-х годов XIX в.

* * *

Остановимся вкратце на характеристике бухарской армии рассматриваемого периода.

По данным на 1891 г., армия эмира состояла из 11 400 пехотинцев, 400 кавалеристов, 2070 «милиционеров» и 620 артиллеристов при 151 орудии. Кроме того, в ее состав включались иррегулярные войска.

Характеризуя общее состояние эмирской армии, есаул Шубинский, хорошо знавший Бухару, в рапорте от 2 июня 1894 г. подчеркивал, что бухарская армия, воору-

---

[34] Васильев, *Краткое статистическое описание...*, стр. 26.

женная устарелыми по конструкции и в большинстве неисправными ружьями, снабженная непригодной к делу артиллерией, не знавшая ни правил стрельбы, ни уставов, «представляла собой не что иное, как нестройную массу, совершенно не подготовленную для целей военного времени, мало отличавшуюся в боевом отношении от простой толпы вооруженных чем попало людей» [35].

По мнению царской администрации, войска эмира не только не в состоянии были отразить натиск внешних врагов, но не могли бы подавить и крупного восстания внутри страны. Тем не менее на армию тратились значительные средства. По сведениям, собранным политическим агентством в Бухаре, содержание регулярных войск обходилось эмиру в 881 351 руб. в год, иррегулярных — в 348 866 руб. С дополнительными расходами в 78 650 руб. это составляло 1 308 867 руб. в год [36]. Царские чиновники отмечали, что столь значительные затраты на армию не вызывались действительной необходимостью, «так как Россия приняла на себя обязательство охранять Бухару не только от внешних врагов, но также и от серьезных внутренних беспорядков...». По расчетам политического агентства, экономия от сокращения бухарской армии дала бы возможность провести большой оросительный канал из Аму-дарьи в г. Бухару и построить другие полезные сооружения [37]. Однако эмир предпочитал тратить большие средства на содержание армии. Это, как указывалось в записке по Главному штабу Азиатской части, возможно, *было вызвано его убеждением, что в скором времени* неизбежно произойдет русско-английское столкновение. По мнению царских военных специалистов, нельзя было заранее предвидеть, на чьей стороне в случае войны будет находиться эмир со своими войсками; предполагалось, что он выступит на той стороне, которая окажется сильнее [38].

Между тем эмиру под разными предлогами удавалось получать у царских властей оружие и боевые припасы. Еще в 1885 г. он обратился через политического агента в Бухаре к русской высшей администрации в Туркестане с просьбой выдать ему необходимое число

---

[35] ЦГВИА, ф. 400, д. 136, л. 104.
[36] Там же, л. 37.
[37] Там же, л. 45.
[38] Там же, л. 2.

винтовок. Просьба мотивировалась тем, что англичане никогда не отказывали афганскому эмиру Абдуррахман-хану в помощи оружием, а у эмира бухарского ввиду близости афганской границы нет уверенности в безопасности страны. Несмотря на возражения отдельных русских чиновников, эмиру в 1885 г. удалось получить тысячу винтовок-берданок и 100 тыс. патронов. Бухарские купцы, приезжавшие в Россию, часто закупали здесь партии оружия. В частности, весной 1888 г. Латиф-ходжа, сын купца Мухаммада-ходжи, нелегальным путем доставил в Бухару 500 ружей-берданок. По некоторым данным, кроме столицы эмирата, склады боевых припасов имелись также в Гиссаре и Шахрисябзе. По распоряжению царского правительства в Бухару были направлены военные инструкторы, которые должны были обучать солдат военной тактике и строю.

Несмотря на такую помощь, среди посетивших Бухару русских военных специалистов господствовало мнение, что даже при условии надлежащего обучения войско эмира не будет боеспособным, и любые дополнительные затраты на армию не дадут ожидаемых результатов. Многие считали, что в случае военного конфликта с соседями бухарский вспомогательный отряд явился бы не только весьма ненадежным союзником для царских войск, но скорее обузой. В то же время если бы на его долю выпал какой-либо незначительный и случайный успех в военных столкновениях, бухарцы в глазах «мусульманской Азии» стали бы спасителями русской армии, и весь успех войны был бы приписан им [39].

По этим соображениям, русские военные специалисты, отмечая ненужность армии для самой Бухары и бесполезность ее для России, предлагали побудить эмира сократить численность армии до следующих размеров: $5^1/_2$ батальонов (по 800 человек в каждом), стрелковая рота (400 человек), кавалерийский полк (400 человек), артиллерийская команда (300 человек). Таким образом, численность регулярных войск составила бы 5500 человек, а вместе с 400 наукарами, несшими службу при дворе эмира, — 5900 человек, содержание которых обошлось бы в 559 339 руб. [40].

---

[39] Там же, л. 19.
[40] Там же, л. 22.

Согласно же мнению барона Вревского, высказанному им в своем «всеподданнейшем отчете» за 1894 г., «для правильной организации бухарской армии прежде всего представилось бы необходимым сократить службу и тем самым увеличить в народе число людей, умеющих обращаться с оружием; однако такая реформа невыгодна для нас тем, что вынудила бы бухарское правительство перейти от вербовки к обязательной военной повинности, совершенно не соответствующей понятию и духу народа» [41].

Однако рассуждения о необходимости сокращения бухарской армии или изменения ее структуры остались на бумаге. Царское правительство, как и сам эмир, видело в ней орудие господства над народом. Ее существование, по мнению царских чиновников, должно было увеличить престиж эмира в глазах его подданных, особенно в Восточной Бухаре, где недовольство населения было сильнее. Характеризуя отношение жителей Восточной Бухары к эмиру и его чиновникам, есаул Шубинский писал: «Что же касается бухарского народа вообще, включая сюда и простой класс таджикского населения, то он настолько ненавидит Сейид-Абдул-Ахада и сопряженное с ним хищническое управление страной, что, без сомнения, этот шаг русского правительства (т. е. сокращение бухарской армии. — *Б. И.*), направленный на установление в стране русской власти и влияния, не вызовет с его стороны неудовольствия» [42].

Характеризуя социальный состав эмирской армии, следует отметить, что высшие офицерские должности в ней занимали, как правило, представители привилегированных слоев населения. Подполковник Кузнецов, побывавший в 1899 г. в Бухаре, писал, что на эти должности обычно назначались родственники эмира или близкие ему люди, которые часто никакого отношения к военному делу не имели. Что касается нижних чинов, то, по закону, их должны были вербовать на добровольных началах, но «в действительности желающих добровольно служить в войсках находилось весьма мало, а потому, чтобы пополнить ряды бухарской армии, приходилось прибегать к насилию». По данным того же автора, «бухарские ниж-

---

[41] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 255, л. 21.
[42] Там же, л. 107.

ние чины в значительном большинстве люди бедные, безземельные. В военную службу часто попадала вся семья, т. е. отец с сыновьями или несколько братьев» [43]. Поэтому нередко в армии рядом со стариком можно было встретить и юношу.

Уровень подготовки офицеров бухарской армии был очень низок. Зачастую при назначениях на офицерские должности знание военного дела вовсе не принималось во внимание. Из рассказа одного бухарского юз-баши (сотенного командира) видно, что «он прямо попал в ротные командиры в награду за усердную службу при эмире, а служба его состояла в том, что он три года подавал эмиру умываться» [44]. При этом бухарские военачальники, совершенно не считаясь с местными условиями, старались во всем подражать русским. Команду они подавали на русском языке. Сарбазы были одеты в мундиры и барашковые шапки наподобие русских.

Высшие офицеры, хотя и не получали определенного жалованья от эмира, имели большие доходы. Им отдавали в танхо (условное пожалование) значительные участки земли с крестьянами. Доходы с этих земель были нередко очень велики. Так, военачальникам (саркерда) предоставляли танхо — «аренду в виде доходов с земель, садов или мельниц, жалуемых эмиром. Аренда эта для топчи-баши 10 000 рублей в год, а для других серкарде от 2000 до 6000 рублей, а в среднем 4000 рублей. Не менее двух раз в год они получали «серипа» (одевание с ног до головы): топчи-баши 1200 руб. в год, остальные — 400 руб., в среднем — 800 руб.» [45].

Наемные солдаты бухарской армии должны были получать по 20 тенег в месяц, т. е. 3 руб. Однако эта сумма большей частью не попадала в их руки: львиная доля шла в карман не только младшим офицерам, но и высшим. Вот почему солдаты эмира занимались торговлей, ремеслом, а нередко и мародерством. Некоторые имели лавки, другие работали в различных мастерских и продавали свои изделия. Из-за отсутствия надлежащего надзора бухарские солдаты занимались также продажей на базаре патронов, главным образом русского произ-

---

[43] ЦГВИА, ф. ВУА, оп. II, д. 113, л. 41—42.
[44] «Туркестанские ведомости», 1885, 28 мая.
[45] ЦГВИА, ф. 400, д. 136, л. 13.

водства. Об этом неоднократно доносили офицеры царской службы, находившиеся в Бухаре. «Насколько строго следил эмир за своими винтовками, настолько же мало обращал внимания на патроны к ним. Большое количество из присланных патронов продавалось на базаре по две или по три теньги за сотню... и достать их не стоило никакого труда» [46]. А. К. Разгонов, побывавший в отдаленных районах Восточной Бухары, сообщал, что на базаре в Кала-и-Хумбе «главными купцами являлись бухарские солдаты» [47]. Путешественник Р. Ю. Рожевиц отмечал, что в свободное от занятий время (а это бывало почти всегда) солдаты имеют право заниматься торговлей, их можно видеть во многих лавках в Кулябе, Бальджуане и Каратегине [48].

Отсутствие дисциплины приводило к тому, что «солдаты мародерствовали, грабили народ... в общем представляли собой деморализующий элемент, не только развращавший население нравственно, но и служивший источником болезней» [49].

Местные жители относились к войскам враждебно, что особенно заметно было в Гиссарском бекстве, где «население еще не забыло своей недавней независимости» [50].

Народ не хотел служить в бухарской армии. Военная служба рассматривалась как каторга. Вербовка в бухарскую армию всегда вызывала недовольство населения, а нередко и массовые протесты.

Часто солдаты дезертировали, их ловили и возвращали в армию. Какого-либо определенного срока службы не было, по существу она была пожизненной. В донесении от 24 июля 1900 г. русский агент из Бухары сообщал:

«Жители в бухарском ханстве сильно страдают от жестокостей и несправедливостей, соединенных с вербов-

---

[46] «Туркестанские ведомости», 1885, 4 июня.

[47] А. К. Разгонов, *По Восточной Бухаре и Памиру*, Ташкент, 1910, стр. 81

[48] Р. Ю. Рожевиц, *Поездка в Южную и Среднюю Бухару в 1906 г.* («Известия Имп. русского географического общества». т. XLIX, 1908), стр. 624.

[49] В. И. Липский, *Горная Бухара. Результаты трехлетних путешествий по Средней Азии (в 1896, 1897 и 1899 гг.)*, ч. I, СПб., 1902, стр. 304.

[50] Д. Л. Логофет, *Страна бесправия*, СПб., 1907, стр. 257.

кой солдат и вообще с порядками военной службы в ханстве. Так, один солдат 8 лет тому назад бежал из Бухары. Недавно он вернулся в Бухару. Дег-баши (младший офицер.— *Б. И.*) этого места узнал об этом, схватил его и затем хотел снова сделать солдатом. В Джуйбори (местожительство солдата) поднялось волнение. Наконец, этот самый человек пырнул себя ножом и упал как мертвый. Его доставили в таком виде к Акрам-Топчи-баши; тот увидел, что солдат не был ранен смертельно, ударил его палкой, и солдат пришел в себя и с трудом встал. Тогда Акрам-Топчи-баши отпустил солдата, а Дег-баши велел заключить под стражу. Потом вместо бежавшего солдата взяли другого, объявив ему, что он поручитель бежавшего. Это так поразило его, что он лишил себя жизни» [51].

Как уже отмечалось, находившиеся в отдаленных бекствах Восточной Бухары эмирские войска, по мнению русских властей, не могли обеспечить защиту интересов царизма на границах с Афганистаном и были не в состоянии поддержать «внутренний порядок».

В телеграмме начальника штаба военного министерства командующему войсками Туркестанского округа от 28 октября 1886 г. указывалось: «Для упрочения нашего положения в Средней Азии и обеспечения открываемого здесь в июле пароходства, противодействия английским происками и ограждения Бухары от всяких угроз и враждебных попыток со стороны Маймане и Балха, укрепленных англичанами и снабженных сильными гарнизонами, представлялось бы крайне необходимым занять Чарджуй и Керки, каждый примерно одним батальоном пехоты с добавлением в последнем пункте сотни казаков и нескольких орудий. Отряд в Керки явится серьезной угрозой для английских происков, и, надо думать, значительно парализует их не только в Азии, но и вообще на Востоке» [52].

По этим соображениям и с целью воспрепятствовать проникновению товаров из Англии через Афганистан в Бухару и на среднеазиатские рынки вообще, а также опасаясь народных волнений, Россия в 1894 г., согласно договору с Бухарой, включила эмират в русскую тамо-

---

[51] ЦГИА УзССР, ф. 1, с/2, оп. 1, д. 37, л. 86.
[52] ЦГИА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 19, л. 45.

женную черту. Царские войска расположились на всем протяжении афгано-бухарской границы, с основными заставами в Керках, Келифе, Чушка-Гузоре, Патта-Гиссаре, Айвадже, Сарае и Багораке.

* * *

Судопроизводство в эмирате велось на основе шариата. Судьи (казии) и законоведы (муфтии, а'ламы) входили в состав духовенства [53]. Судьи назначались эмиром. Казий столицы считался верховным, он руководил всеми судьями в бекствах. Суд был независим от местной администрации [54]. Казий бекства наблюдал за действиями местного правителя и мог донести на него начальству вплоть до эмира. С другой стороны, бек негласно следил за судьей. Таким образом осуществлялись взаимный надзор и контроль в интересах центрального правительства. В обязанности казиев входило также собирание сведений о рыночных ценах на основные виды продуктов и своевременное сообщение этих данных в Бухару. После получения таких сведений из всех бекств эмир и его кушбеги определяли «среднюю» цену на эти продукты для получения хараджа.

Суд в эмирате производился согласно предписаниям шариата, толковавшимся по учению юридической школы имама А'зама. В соответствии с этим учением, как правило, существовала лишь одна судебная инстанция. Правда, местный судья мог представлять дело на рассмотрение верховного судьи, который в свою очередь в затруднительных случаях обращался к улямо (высшее духовное лицо в эмирате) за советом.

По сведениям некоторых авторов, эмир предоставлял иногда право суда бекам и амлякдарам [55].

Судьи и представители эмирской администрации в бекствах имели право налагать штрафы, наказывать палками и подвергать тюремному заключению. Дела о крупных преступлениях (убийствах, грабежах и т. п.), которые обычно влекли за собой смертную казнь, мог решать только сам эмир. Однако, как правило, приговор составлялся казием или беком, а эмир лишь утверждал его.

---

[53] А. А. Семенов, *Очерк устройства...*, стр. 14.
[54] «Туркестанские ведомости», 1905, 25 марта.
[55] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 251, л. 101.

Судопроизводство для казиев и беков было дополнительным средством наживы. О злоупотреблениях лиц, выполнявших судебные функции, свидетельствует много документов, в частности из фонда бухарского куш-беги. Приведем несколько выдержек из них.

«О защитник обиженных!

Чари туксаба и судья мулла Мурад-бек из сельского общества Кара-и-Ирсори покорнейше докладывали, что раис сельского общества Кара мулла Абдул Халил — большой обманщик, и от него всем приходится терпеть. В связи с этим вышла официальная грамота на имя покорнейшего слуги, чтобы расследовать положение и доложить... Мною было опрошено население. Все сельское общество Кара заявило, что в свое время мулла Абдул Халил привез официальный указ о назначении его раисом вместо муллы Мурад-бека... после того как мулла Абдул Халил стал раисом, он совершил много обманов, наклеветал на должностных лиц и восстановил против себя всех...»[56].

В другом документе говорится:

«О заступники за обиженных!

...Сейид Кули-бек туксаба, расследуя дело согласно высочайшему приказу, спросил аминов (бухарских чиновников.— *Б. И.*), аксакалов и кедхода амлякдарства. Они ответили, что судья мулла Юсуф-ходжа принял в услужение воров Кельдияра и Халила из Кухистана и воров Бердияра и Чари из Карлыка. Некий Джура-бек— подчиненный упомянутого судьи, присоединившись к ним, стал приводить к судье каждого крестьянина, который покупал на базаре лошадь, верблюда или корову, и судья требовал уплаты сбора... Судья возвращал скот владельцам лишь после внесения 30 тенег, а в случае отказа продавал животных на базаре.

И до этого крестьяне подавали жалобу на судью... и принесли официальный указ... Я вызвал слуг этого судьи, сделал им внушение и запретил такие поступки...

Однако, несмотря на это, вышеупомянутые слуги продолжают совершать такие поступки...» [57].

Как видно, даже в тех случаях, когда на жалобы населения обращали внимание и они признавались справедливыми, высшие власти эффективных мер не принимали.

---

[56] ЦГИА УзССР, ф. куш-беги.

[57] Там же.

Иногда на недостойное поведение судей жаловались и местные чиновники. Однако и эти жалобы, как правило, оставались без последствий, а нередко оканчивались плохо для жалобщиков. «Мы — Мухаммад Муса туксаба и Мухаммад Мурад Боки мирахур, представляем покорнейшее донесение, что... судья мулла Синиф-ходжа из селения Сайод, большого известного кишлака Кабадианского бекства, обвинил со слов одного злонамеренного человека честную целомудренную девушку в прелюбодеянии и утрате девственности. Судья привел ее и держал две ночи у себя, а на третий день позвал брата девушки и заявил, что он видел его сестру, она жива и здорова, и ему следует дать за услуги его человеку 50 тенег и человеку Абдусаттар-бека (местного правителя.— *Б. И.)* еще 100 тенег, после чего он сможет взять сестру домой. Брат девушки с односельчанами пришел к нам, покорнейшим слугам,и просил как аксакалов этого округа пойти к Абдусаттар-беку... и просить его заставить судью вернуть сестру. По словам одного человека, недоброжелатель теперь позовет также и нас и опозорит с целью опять получить 150 тенег. Мы, покорнейшие слуги, ходили к миру. Судья, услыхав об этом, спешно прибыл в крепость и, не обращая внимания ни на чьи слова, просил Абдусаттар-бека посадить в тюрьму «двух проклятых людей», которые жаловались на него» [58].

Судьи в эмирате не получали содержания от казны. Они жили за счет сборов за совершение юридических актов, касающихся бракосочетания, развода, смерти, различных гражданских исков, договоров и других сделок[59]. Казий, приходя на базар, должен был проверять правильность весов и расценку товаров. Каждый из продающих обязан был выплатить ему определенную сумму.

Судьи наживались, получая взятки, взимая штрафы, а иногда и открыто облагая население поборами. Приведем жалобу, дающую представление о том, по каким поводам судьи иногда взимали с крестьян поборы.

«О господин!

...Крестьяне округа Бурдалик, потребовав амина, сообщили, что казий округа мулла Юсуф-ходжа... построил для судейства новое здание, произведя расход

---

[58] Там же.

[59] А. А. Семенов, *Очерк устройства...*, стр. 32; Кузнецов, *Дарваз...*, стр. 71.

в 2500 тенег. Он пожелал возместить эту сумму за счет обложения крестьян, которые поэтому беспокоятся» [60].

Корыстолюбие, взяточничество судей и вся прогнившая система юстиции деспотического государства эмиров нередко резко осуждались в дореволюционной русской литературе и прессе. Обозреватель газеты «Туркестанские ведомости» писал: «В Бухаре все есть: и разбои, и грабежи, и обирание народа, и нищета, и болезни, и полное невежество всех классов населения, но правосудия там нет, и его не будет, пока коренным образом не изменятся существующие порядки» [61].

В бухарском суде обвиняемые и обвинители, а также свидетели могли говорить все, что угодно, но исход дела обычно решало то заявление, которое подкреплялось достаточной взяткой судье. Поэтому бедняки, как правило, проигрывали.

«Судись не судись, а бай будет прав, хотя и явится без свидетелей. Но иногда бывают исключения, вдруг бай не захочет дать по расценке. В таких случаях сумма расценок говорится на ухо баю наукером амлякдара или казия. По выражению лиц последних наукер довольно точно определяет сумму и плюс 3—4% для себя. Иногда, при несогласии бая, последний окажется виновным, и тогда он должен платить значительно больше расценки» [62].

Для бухарского судопроизводства характерно, что всякий скандал, ссора и т. п. разбирались не по совокупности нарушений, имевших место в одном и том же случае, а по отдельности. За разбор каждого дела казии получали особую плату и потому были лично заинтересованы в том, чтобы дел было поболыше.

Чтобы освободиться от обвинения, необходимо было уплатить штраф. Временный арест при дворе амлякдара на 1—2 минуты обязывал к штрафу «хизматона». При этом обвиняемый должен был платить амлякдару, есаулбаши и даже наукарам. Человека, не пожелавшего внести хизматона, сажали под арест. Освободиться можно было лишь после уплаты штрафа или подыскания поручителя. Поручитель в течение определенного срока обя-

---

[60] ЦГИА УзССР, ф. куш-беги.
[61] «Туркестанские ведомости», 1910, 23 июля.
[62] Там же.

зан был внести хизматона, а за каждый просроченный день уплачивать на 25% больше обычного.

Если арестованный подлежал дальнейшему задержанию, то его, как правило, отправляли в тюрьму (зиндан). Это обычно было темное, сырое помещение с маленьким отверстием вверху, закрывавшимся в зимнее время тряпками. В камере лежало бревно, наглухо прикрепленное к земле. На нем имелись вырезанные углубления для ног. Поверх бревна закреплялся железный прут с замком. На шею арестованного навешивали цепь. К одной цепи приковывали сразу нескольких человек. При этом не учитывалась степень виновности того или другого лица: будь он вор, разбойник или только неаккуратный должник — наказание было одинаково. При аресте тюремщики независимо от времени года отбирали и присваивали верхнюю одежду и обувь. Поэтому тот, кого освобождали, приходил домой полуголым или в отрепьях. Надзор за арестованными вел миршаб, который забирал у них наиболее ценные вещи. Кроме миршаба, имелись другие надзиратели-тюремщики, которые также старались чем-нибудь поживиться за счет арестованных. Обращались с заключенными чрезвычайно жестоко, от издевательств и побоев они ничем не были ограждены.

Вряд ли в конце XIX — начале XX в. можно было найти такое другое место, где наказание палкой так широко практиковалось, как в Бухаре. Эмир мог дать до 75 палок, бек до 45, амлякдар и казий — до 25. Избиение палками считалось самым обыкновенным явлением. Ими наказывали за самое пустяковое дело. Провинившихся били по пяткам, спине, лопаткам, груди, животу, глазам. Часто после такого избиения люди на всю жизнь оставались калеками.

В рапорте от 19 декабря 1909 г. капитан генерального штаба Джиджихия, указывая на бесчинства бухарской судебной администрации, доносил начальнику штаба Первого туркестанского армейского корпуса, что на станции Ходжа-Давлят рабочий-узбек купил пистолет и, пробуя его качество, выстрелил в доску. «Бывший начальник станции Ермилев, рассердившись на узбека, сообщил об этом местному (каракульскому) кази; последний прислал для разбора дела своего наиба (помощника); наиб, в присутствии посторонних лиц, избил узбека, а затем оштрафовал его на 140 тенег (21 руб.). Про-

шло несколько дней. Узбека потребовали в кишлак Плях, где наиб снова взял с него 300 тенег (45 руб.), грозя иначе посадить его в тюрьму. Прошло еще несколько времени до суда, на который был затребован отец узбека, человек зажиточный; угрожая посадить сына в тюрьму, с него взыскали еще 250 тенег (37 руб. 50 коп.)».

По свидетельству того же автора, амлякдар и судья «рады, когда к ним обращаются с жалобой, потому что разбор дел составляет их доход». Он рассказывал, как казий сетовал, «что нет кляузы, т. е. всего несколько дней прошло и никто не является с жалобой на другого...» [63].

В наиболее отдаленных местах Восточной Бухары, помимо общего для эмирата судопроизводства, применялся так называемый «суд божий», который местные чиновники во главе с амлякдарами и казиями использовали в своих интересах. Корреспондент «Туркестанских ведомостей» описал такого рода суд. В Бальджуан для продажи товара приехал пожилой купец, русский поданный, Хамид-бай. У людей не было денег, и купец выменял товар на несколько лошадей (Бальджуан славился конями лакайской породы). Узнав об этом, житель бекства по имени Мустафа, задолжавший Хамид-баю пять рублей, принес ему эту сумму с извинениями за задержку, а затем стал упрекать торговца, что тот, будучи в Бальджуане, не остановился у него. Затем Мустафа попросил у Хамид-бая лошадь, чтобы быстрее добраться до дома, в чем последний не мог отказать столь «честному, добродушному человеку». Однако Мустафа, не доезжая до дома, подкупил свидетелей и, возвратившись, предъявил Хамид-баю обвинение в краже у него 150 руб. во время совместного чаепития. Несмотря на возражения купца, его насильно доставили к местным казию и амлякдару, которые оштрафовали Хамид-бая на 150 руб.

Воспользовавшись этим, Мустафа надел на Хамид-бая цепь и стал настаивать на возвращении якобы украденных у него денег. По предложению мулл, был созван «суд божий». Вечером, при освещении костра, состоялся этот суд. Мулла взял чурек, разломил на куски величиной в пол-ладони и написал на них молитвы, предназначенные для такого случая. Затем все присутствовавшие стали по очереди есть. Наступила очередь Ха-

---

[63] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 251, л. 117.

мид-бая. Только он положил кусок чурека в рот и стал беззубым ртом разжевывать его, как Мустафа схватил купца за горло и сказал: «Смотрите, подавился! Теперь мы знаем, что он украл деньги». Все присутствовавшие согласились. Лошади были оценены в 800 тенег (120 руб.), а на 200 тенег (30 руб.) была взята расписка. Лошади в Бальджуане обошлись Хамид-баю в 400 рублей.

На другой день Хамид-бай с позором был изгнан из Бальджуана. Когда он пожаловался беку на незаконные действия мулл, тот ответил ему: «Ты мусульманин и должен знать, что такой суд есть». Когда же Хамид-бай стал объяснять, что ему не дали возможности проглотить лепешку, то бухарские чиновники ехидно заявили: «А свидетели есть? Деньги есть?» [64]. Так вели себя во многих случаях представители эмирской администрации.

Грабя народ, бухарские власти и судья часто действовали совместно. Капитан Кузнецов писал о беках и казиях Дарваза: «За маловажные преступления наказывают нагайками от 20 до 30 ударов и берут с виновного 2 тилли (золотая монета ценностью в 3 рубля 80 коп.), одну в пользу казия, другую в пользу бека. За более важные преступления берут... 12 тиллей, из них также одна тилля — беку и одна — казию, и, кроме того, присланный эмиром чиновник в свою пользу берет с выигравшего дело 6 тиллей» [65].

Конечно, между чиновниками и казиями происходили и трения. Как уже отмечалось, беки и казии следили за деятельностью друг друга и сообщали о ней вышестоящим властям. В таких донесениях отчасти отражались творимые теми и другими бесчинства. Временами высшие власти в официальном порядке поручали казиям расследование беззаконий. Приведем текст донесения об одном из характерных расследований подобного рода. В нем судья обличает вымогательства одного из бухарских чиновников — парвоначи, при которых деньги доставались не только этому чиновнику, но и его подчиненным, и родственникам.

«Донесение казия мулла Синиф-ходжи.

Официальным письмом было поручено покорнейшему слуге расследовать донесение Ишмурад-бая Берды-кула... из крестьян области Кабадиана о том, что тамош-

---

[64] «Туркестанские ведомости», 1910, 10 августа.
[65] Кузнецов, *Дарваз...*, стр. 71.

ний житель, Дустмурад, оклеветал его пастуха Ташмухаммада, обвинив его в воровстве, и привел к миру Кара-беку парвоначи. Ташмухаммад за часть вещей откупился, а вышеупомянутый парвоначи без причины увел Ишмурадбая, арестовал его и угрозой взял с него 1050 тенег государственным чеканом...

Получив официальное письмо, я отправился, согласно приказу, в селение Ок Кабадианской области, расследовал это дело и опросил знающих честных людей. Они подтвердили, что деньги в сумме 800 тенег были даны самому парвоначи, а 100 тенег получил его сын Сартиббек вместе с есаул-баши, оставшиеся 150 тенег получили мирахур и аксакал Мирза Мавлян, заявив, что берут их как аксакальские...

Докладываю, как сам видел и слышал» [66].

Если жалобы бухарских чиновников и казиев нередко расследовались, то людям из народа почти никогда не удавалось добиться правды путем жалоб на действия администрации и судей. В этом ярко проявлялся классовый характер бухарской юстиции и эмирата в целом.

Жалуясь на начальство, простой человек подвергал себя большому риску и опасности. Как сообщал политический агент из Бухары, 9 апреля 1900 г. несколько бальджуанских жителей приехали к эмиру и подали жалобу на своего бека. «Эмир просьбы их не принял, а двух из них для примера велел наказать палками, каждого по 75 ударов. Когда жалобщики вернулись домой, Абдуррахман-бек вызвал их к себе и сказал: „Вы осмелились отправиться к его высочеству жаловаться на меня, какой же результат вашей жалобы?" И тут же приказал дать им еще по 39 палок» [67].

Царские власти были хорошо осведомлены о положении в эмирате, но они ничего не предпринимали для изменения существовавших в нем порядков. Классовые интересы царизма совпадали с интересами эмира, и русский царь поддерживал своего вассала.

---

[66] ЦГИА УзССР, ф. куш-беги.
[67] ЦГИА УзССР, ф. 1, с/2, оп. 1, д. 37, л. 45.

ГЛАВА II

НАЛОГОВАЯ СИСТЕМА БУХАРСКОГО ЭМИРАТА

В. И. Ленин, характеризуя в 1920 г. общественно-политический строй в бывших колониях Российской империи, таких, как Туркестан и др., подчеркивал, что «важнейшей характерной чертой этих стран является то, что в них господствуют еще докапиталистические отношения...» [1]. В этих условиях угнетенные массы эксплуатировались «не только торговым капиталом, но и феодалами и государством на феодальной основе...» [2]. В полной мере это определение относится и к Бухаре.

В эмирате чиновники и духовенство, феодалы и богачи держали в своих руках основное богатство страны — землю, сдавая ее в аренду безземельным и малоземельным крестьянам. Самым крупным феодалом был эмир, которому принадлежало множество наиболее плодородных участков земли, разбросанных по всему государству. В Восточной Бухаре у него было до тысячи десятин. Дехкане, составлявшие около 85% населения, владели не более чем 15% земли.

Большая часть земли, особенно в высокогорных районах, использовалась как пастбища для скота, принадлежавшего в основном эмиру, бекам и другим крупным владельцам. Огромное количество земли в плодородных долинах Каратегина и Дарваза сдавалось в аренду круп-

---

[1] В. И. Ленин, *II конгресс Коммунистического Интернационала* (Сочинения, т. 31, изд. 4), стр. 218.

[2] Там же.

ным скотоводам из Гиссарского и Каршинского бекств. Так, земля обширной долины Дашти-Будана в Оби-Гармском амлякдарстве арендовалась крупными скотоводами из Янги-Базара и Явана, а остро нуждавшиеся жители этой долины не могли ею пользоваться.

Все земли в Бухаре делились на амляковые (государственные), эмирские, вакфные (считавшиеся собственностью мусульманских религиозных учреждений) и мульковые (частновладельческие) земли. Мульковые земли в свою очередь подразделялись на мульк-хурр, мульк-ушр и мульк-харадж.

И. И. Гейер в путевых заметках «Вверх по Пянджу» сообщает о величине налогов, взимавшихся с различных категорий земель в эмирате. Он пишет:

«Мусульмане различают четыре вида землепользования (здесь землевладения.— *Б. И.*): мюлки-хур, мюлки-ушр, мюлки-херадж и вакф. Владельцы первого вида не платят налога, второго — платят $^1/_{10}$ урожая, третьего — от $^1/_8$ до $^1/_5$, а сидящие на мюлки-вакф — $^1/_3$ урожая. Право эксплуатации земли без уплаты податей дарується за особые заслуги государству. Право уплаты $^1/_{10}$ урожая есть прерогатива завоевателей, поселяющихся в завоеванной стране; права же хераджа и вакф принадлежат остальным подданным, которые или милостиво оставлены в период покорений на их собственных землях, или же, не имея собственной земли, вынуждены были возделывать земли, принадлежавшие (религиозным.— *Б. И.*) учреждениям и приобретенные последними по извещении создателя вакфа» [3].

Эти сведения в известной мере отражают действительность, но в ряде случаев к концу XIX в. феодальная рента-налог был значительно больше. Об этом можно судить по архивным документам, показывающим, что земельный налог в Бухаре намного превышал размеры, установленные шариатом. «Подать в Восточной Бухаре определялась официально от $^1/_3$ до $^1/_7$ сбора, в действительности же нередко достигала $^1/_2$ сбора. В Западной Бухаре, например в окрестностях г. Старой Бухары, с 10 батманов 4 батмана отбирались в пользу эмира...» [4].

По данным «Туркестанских ведомостей», в начале

---

[3] И. И. Гейер, *Вверх по Пянджу* (Сб. «Русский Туркестан», 1899), стр. 5.

[4] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 251, л. 112.

XX в. харадж взимался в Бухаре в размере от $^1/_5$ до $^1/_8$ части урожая, а иногда и больше.

В других документах указываются меньшие размеры налога с некоторых видов землевладения и отмечается, что с амляковых земель уплачивалась подать в полном размере. Кроме того, «существовали мюльковые земли (собственные), которые делились на два вида—мюльк-хур, совершенно свободный от подати, и мюльк-харадж, с последних бралась подать в размере 10 фунтов (2 чайрека)— с батмана и по 2 теньги (30 коп.) с танапа [5]. Причем деньги уплачивались в два приема: осенью и весной. Наконец, вакуфная земля, с которой размер подати были различен, — от $^1/_3$ до $^1/_{10}$» [6]. «Население легко могло бы примириться с таким размером подати, если бы с него взыскивали стоимость причитающегося с него количества тех или других продуктов земледелия по средней рыночной цене. Но дело в том, что подать должна была вноситься эмиру деньгами; население обязано было представить деньги за хлеб и хлопок по высшей базарной цене... которая иногда искусственно вздувалась самой администрацией» [7]. К тому же взимание налогов сопровождалось различными беззакониями, еще более ухудшавшими положение народных масс.

Наибольшая сумма податей поступала в казну эмира от поземельного налога, сбор которого осуществлялся следующим образом. После уборки урожай свозился на ток, и как только земледелец приступал к молотьбе, к нему являлись многочисленные представители амлякдара: даруги, мирзы и др. Главная роль в определении урожая принадлежала даругам, число которых в каждом амлякдарстве зависело от размеров пахотных полей, плотности населения и пр. Каждый даруга обязан был следить за тем, чтобы ни одна частица собранных продуктов не была скрыта до выяснения общего итога урожая. С этой целью даруга назначал специальных лиц, которые обязаны были до окончательного определения размера хараджа по очереди охранять тока.

---

[5] Размеры танапа были не одинаковы. Так, по сведениям проф. А. А. Семенова, самаркандские, бухарские танапы равнялись 600 кв. саженям, или 2700 *кв. м*, танап ташкентский и ферганский — 400 кв. саженям, или 1800 *кв. м*, танап хивинский — 900 кв. *саженям, или 4050 кв. м.*

[6] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 251, л. 113.

[7] Там же, л. 100.

После обмолота зерно ссыпали в кучи, а даруги сверху и по бокам накладывали слой мокрой глины и оттискивали на ней печать. Приготовив и «запечатав» несколько таких куч, даруги извещали амлякдара, что хлеб собран. Амлякдар с состоящими при нем мирзами, даругами, нанвоем (пекарем) и другими прислужниками начинали объезд для сбора хараджа [8].

Амлякдары со своими слугами, как правило, сознательно задерживались приездом, и для того, чтобы ускорить установление размера хараджа с обмолоченного зерна, крестьяне вынуждены были преподносить амлякдару или даруге подарок. По словам корреспондента журнала «Средняя Азия», когда урожай был собран, «каждый земледелец должен был собирать его в кучу и ждать со страхом приезда чиновника, который, конечно, не приезжал, и волей-неволей приходилось ехать к нему, везти ему подарки, чтобы он приехал и определил харадж» [9].

Более того, при сборе налога амлякдар и его чиновники нередко взимали харадж сверх установленной нормы. В одном из донесений на имя эмира говорится:

«Донесение судьи мулла Мухаммад Синифа.

О вместилище вселенной!

Вышло официальное предписание защитнику эмирата парвоначи Кара-беку, чтобы... он собрал хараджное зерно... Защитник эмирата до настоящего времени задерживал выполнение высокого приказа и не собирал хараджа, а теперь требует лишнее зерно с крестьян и с некоторых уже собрал свыше нормы. Поэтому крестьяне проявляют недовольство, заявляя, что они будут сдавать харадж по официальной бумаге, так как они бедняки и не могут платить больше нормы.

Довожу до сведения его высочества о том, что я сам видел и слышал...» [10].

В отдельных случаях, когда крестьяне не соглашались на требования амлякдара, роль третейского судьи выполнял амин, обычно защищавший интересы амлякдара.

Наконец после долгих проволочек устанавливался харадж в пользу казны эмира, бека и амлякдара, причем взимался он чаще деньгами, а не натурой. Уплата хара-

---

[8] «Туркестанские ведомости», 1873, 14 августа.

[9] «Средняя Азия», 1910, апрель, кн. 3—4, стр. 85.

[10] ЦГИА УзССР, ф. куш-беги.

джа деньгами производилась зимой по ценам, утвержденным эмирскими чиновниками в Бухаре. Эти цены устанавливались в зависимости от базарных цен. В осеннее время они были в несколько раз ниже, чем в другое время года, между тем при исчислении денежного налога за основу обычно брали весенние цены как наиболее высокие. Цены на продукты в бекствах определяли казии, привлекавшие к этому делу местных аксакалов. Это нашло отражение в документах.

«Донесение муллы Мир Фатх Улло-ходжи — судьи Бальджуана.

Официальным письмом покорнейшему слуге всемилостивейше было поручено ознакомиться с ценами на зерно на базарах Бальджуанского бекства и сообщить о них правительственному управлению. Согласно приказу я срочно выехал вместе с раисом муллой Мухаммад Закиром, осмотрел базары Бальджуана и Кангурта и устроил совещание с аксакалами бекства, на котором аксакалы (узбеки и таджики) обменялись мнениями. На совещании установили для высокого государственного управления следующие цены: ман пшеницы — 23 теньги, ячменя — 18, льна — 32, гузы — 58, кунжута — 50 тенег».

То обстоятельство, что харадж взимался деньгами, налагало на крестьян много дополнительных забот и хлопот. В условиях бездорожья, при отсутствии постоянно действующих рынков дехкане были вынуждены продавать продукты почти даром, лишь бы скорее избавиться от угроз амлякдара и его помощников. К тому же сбор податей сопровождался всевозможными злоупотреблениями. В одном из заявлений на имя эмира писалось:

«О заступник обиженных!

Я, покорнейший слуга Базорбай Нарпай, приношу жалобу на Мухаммад Тока туксабу, доверенное лицо амляктдара, что он, не приняв во внимание имеющегося у меня документа о величине налога на имущество и дровяной материал, взыскал налог в двойном размере.

В надежде на полную милость, приношу жалобу на получение им налога с превышением нормы...»[11].

Ахмади Дониш, прогрессивный таджикский ученый и поэт XIX в., рассказывает, что тяжесть поземельного налога иногда вынуждала крестьянина даже отказывать-

---

[11] Там же.

ся от земли, лишь бы не платить с нее податей: «Однажды у местного казия из-за воды и земли спорили два дехканина. Один из них требовал от другого 15 рублей. Ввиду того, что у должника не было денег, амин предложил отнять у него землю и отдать ее истцу. Когда последний не согласился на это, то амин добавил: «Когда созреет урожай, ты будешь иметь взамен 15 рублей — 45». Но истец, заранее знавший махинации бухарских чиновников, категорически отказался от такой услуги. Свой отказ он объяснил тем, что все равно ему не будет пользы от этой земли, поскольку, как только урожай созреет, его почти полностью, в порядке исполнения повинностей, придется отдать в эмирскую казну и местным чиновникам. Следовательно, он может не только потерять свои 15 рублей, но даже быть арестован за неуплату причитающихся с него по бухарскому закону податей» [12].

По свидетельству того же автора, подати брали не только с обрабатываемой земли, но и с той ее части, которая пустовала. Оправдывая подобную практику, местные амлякдары обычно заявляли, что если бы эта земля была возделана, то с нее можно было бы получить хороший урожай. В случае отказа «дехканина арестовывали, отнимая у него последнее достояние» [13].

Далее Ахмади Дониш сообщал, что «при взимании податей всегда происходили массовые столкновения эмирских чиновников с их подданными... и, когда последние обращались с жалобами к какому-либо высшему чиновнику или же к самому эмиру, то никто не только не хотел слышать их жалоб, но этих людей вдобавок избивали... Эмир и его чиновники буквально высасывали кровь народа и обращались с последним со всей жестокостью» [14].

На плечи земледельцев, помимо хараджа, ложились многочисленные дополнительные подати [15], выплата ко-

---

[12] Ахмади Дониш, *Тарихи амирони Бухаро* (рукопись, № 1152, АН ТаджССР), стр. 188—189.

[13] Там же.

[14] Там же.

[15] Некоторые авторы (Логофет, Слуцкий и др.) приписывали установление дополнительных податей бывшему каратегинскому беку Худой-Назару аталыку, утверждая, что прежде их не было, так как они не предусмотрены шариатом. Между тем подати эти взимались повсеместно.

торых была также обязательной. Укажем некоторые из них.

Кош-пулы. Весной, перед началом полевых работ, крестьянин был обязан внести с каждой пары рабочего скота от 4 до 8 тенег (с лошади — 4; с быка — 8 тенег). Те, которые имели по одной голове рабочего скота, уплачивали стоимость половины батмана пшеницы. Собранные деньги, как правило, шли в пользу бека.

Кафсон. Амлякдар также не оставался в обиде. На его долю с каждого батмана продуктов, произведенных крестьянами, приходилось по одному пянджсиру [16], хотя буквально слово кафсон означает «охапка» или «пригоршня».

Абиджувоз пули — денежный сбор в размере от 20 до 100 тенег за пользование топчей, где производилась очистка риса и проса. Подать эта шла в основном беку.

Мирабана—подать в пользу наблюдающего за ирригационной сетью — мираба, который назначался беком и подчинялся непосредственно местному амлякдару. Работа мираба протекала главным образом летом. На его содержание каждый крестьянин был обязан ежегодно выделять по одному батману натурой с каждой пары рабочего скота, либо отдавать стоимость определенной части урожая наиболее дорогих культур, главным образом риса.

Кафсон-даруга. Эта подать также была значительна и поступала не только даруге и другим чиновникам, но и амлякдару. Кафсон-даруга, хотя и не была предусмотрена шариатом, но о ней знало бухарское правительство и считало ее вознаграждением за труды чиновников [17].

Следует упомянуть также о денежном сборе, который шел на содержание науканов бека. Его размер составлял 5—6 тенег с каждого двора [18].

Если основным налогом, взимавшимся с земледельческого населения, был харадж, то со скотоводов брали зякет. Согласно мусульманскому законодательству: «Зякот — есть установление господа, обязательное для вся-

---

[16] Сиром, или сером, в горных бекствах назывался камень, который по весу был равен одному пуду.

[17] «Туркестанские ведомости», 1873, 14 августа.

[18] Васильев. *Краткое статистическое описание Каратегина* («Сб. материалов по Азии», вып. XXXIII, СПб., 1888), стр. 60.

кого лица, свободно рожденного, находящегося в здравом уме, совершеннолетнего и мусульманина, если последний владеет правами: полной собственности или недвижимости в таком размере, какой обозначается на языке закона термином «нисаб» (предельный размер имущества для взноса зякота, установленный пророком), и если имущество это находилось в его владении по крайней мере в продолжение одного полного года... Обязанность зякота основана на повелении господа, установившего его в Коране такими словами: «Давайте зякот». Такое же повеление встречается и в преданиях. Кроме того, зякот допускается общепринятыми обычаями под видом «облегчения участи бедных» [19].

Обложению зякетом подлежали владельцы скота, находящегося большую часть года на подножном корме (овец, коз, верблюдов). При этом необходимо было соблюдать условие, «установленное самим пророком»: «Зякот не должен взиматься с имущества, пока оно не было во владении собственника в продолжение одного года» (срок, необходимый для прироста скота) [20].

До 1903 г. за каждые пять верблюдов взимали одну козу или овцу. У того, кто имел от 40 до 120 овец или коз, брали также одну козу или овцу; от 120 до 200 овец или коз — две козы или овцы и т. д. С тех, у кого было свыше 400, с каждой лишней сотни голов взималась еще одна коза или овца. Нужно добавить, что эти нормы часто нарушались, и зякет брали в значительно большем размере, чем он был установлен по шариату.

Для сбора зякета назначались особые чиновники, которые разъезжали по кишлакам и устанавливали его величину, причем они не принимали во внимание ни падеж скота, ни эпидемии, ни стихийные бедствия. Владельцы скота продолжали вносить подати с того поголовья, которого у них уже не было. Если уменьшение скота в расчет не принималось, то приплод всегда вывывал увеличение подати и притом несоразмерное [21]. Ввиду этого размер зякета с каждым годом возрастал. Его, как правило, брали летом, в июне — августе.

---

[19] *«Хидая», Комментарии мусульманского права*, т. 1, перевод с английского под редакцией Н. И. Гродекова, Ташкент, 1893, стр. 69—70.

[20] Там же.

[21] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 251, л. 101

Взимание зякета и хараджа вызывало разорение крестьян—земледельцев и скотоводов. Отсутствие правильного учета скота приводило к тому, что определение величины налога полностью зависело от произвола эмирских чиновников и приносило им громадный доход. Так, каратегинский бек Худой Назар-аталык выговорил право на сбор зякета с Бальджуанского, Курган-Тюбинского, Гиссарского и Денауского бекств. О том, что это давало каратегинскому беку, можно судить по несколько более поздним данным. В 1904 г. только с Гиссарского и Бальджуанского бекств эмиру был отправлен зякет на сумму 800 тыс. тенег (120 тыс. руб.)[22].

В общий доход горных бекств ежегодно поступали значительные суммы от скотоводов равнинных районов. Об этом говорится в письме каратегинского бека от 28 января 1895 г. ферганскому военному губернатору: «В Каратегине издавна установился такой обычай, что, когда скотовладельцы Гиссара и Куляба пригоняют свой скот пастись в Каратегинское владение, то за перегон скота по мостам берут с них барана за ежегодное исправное содержание мостов... За обратное движение по мостам скотовладелец уплачивает другого барана. На этом же основании и ферганские скотовладельцы, пасущие свой скот на каратегинских пастбищах, с давних пор, согласно установленному обычаю, платят хасона (налог за пастьбу скота.— *Б. И.*)»[23].

Скупщики скота, приезжавшие в Восточную Бухару чаще всего из Туркестана, подвергались незаконному обложению зякетом, что вызывало их недовольство. В одной из жалоб, поступивших на имя политического агента в Бухаре, ташкентский купец Ахун-Джан-Бобо-Мухаммадов писал, что он купил в районе Гиссара у местных жителей баранов, за которых уплатил в пользу бухарского правительства зякет. Однако на пути от Гиссара бухарский зякетчи Фазил не принял это во внимание и потребовал дополнительно тысячу тенег. Купец ходатайствовал о возвращении незаконно взысканной с него подати[24].

Налог зякет-чакана взимался с лиц, не плативших настоящего зякета, так как они имели менее 40 баранов

---

[22] Снесарев, *Восточная Бухара*, СПб., 1906, стр. 139.
[23] ЦГИА УзССР, ф. 19, оп. 1, д. 4157, л. 28.
[24] ЦГИА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 171, л. 235.

и коз. Для сбора зякет-чакана бек в каждом амлякдарстве назначал весной специального чиновника, который разъезжал по кишлакам и брал за каждого барана $^1/_2$ теньги, а за козу—$^1/_4$ теньги. Все это поступало в фонд бека. Кроме того, со скотоводов брали налог на капитал, оставшийся после умерших, в размере $^1/_{10}$ части, если он превышал 100 тиллей [25].

При следовании из западных районов в восточные и обратно платили подать под названием «бодж». Бодж взимался в следующих размерах: за вьючного верблюда — 2 теньги, невьючного — полтеньги. За прогон коровы полагалось внести полтеньги, а стада баранов — 25 тенег. Освобождались от уплаты этого налога лишь пешеходы, а также военные и административные лица, проезжавшие по казенным надобностям.

Сбор боджа сдавался на откуп. По некоторым данным, годовой сбор откупщика в начале XX в. достигал 50—60 тыс. тенег (8—9 тыс. руб.); сам же он уплачивал каратегинскому беку, которому в то время было предоставлено право обложения этим налогом, 44 тыс. тенег (6600 руб.) [26]. Следует указать, что таможенные пункты были расположены в местностях, по которым ежегодно прогонялось много скота. Один из основных пунктов сбора боджа находился на границе Гиссарского и Бальджуанского бекств, в кишлаке Норак, у моста Пули Сангин, другой — к западу от Гиссара, в Миршаде. Миновать эти местности было никак нельзя. Пули Сангин, например, находился между кишлаками Норак и Тут-Каул. Дорога здесь почти на протяжении 20—25 *км* идет вдоль р. Вахш по крутым откосам гор — с правой стороны Сары-Мауляк, с левой — Роз-Бор. Тот, кто прогонял скот или просто ехал в том направлении, обязательно должен был пересечь Пули Сангин. «В конце сентября 1904 года,— писал один путешественник,— нам лично пришлось встречать там от 20 стад баранов по несколько сот голов в каждом. Стада эти прогонялись из Кулябского бекства в город Бухару к предстоящему мусульманскому посту (ураза)» [27]. Такое же значение имел таможенный пункт в районе Миршада, Денауского бекства, через который перегоняли стада и перевозили.

---

[25] Васильев, *Краткое статистическое описание...*, стр. 60.
[26] «Туркестанские ведомости», 1906, 16 января.
[27] Там же.

грузы из Каратегина и Дарваза в Карши, Бухару и другие города.

К этому надо прибавить, что внутри каждого бекства также существовали различные пункты, на которых взималося бодж. В одном из писем каратегинский бек Мухаммад Мурад в январе 1895 г. сообщал ферганскому военному губернатору: «Мулла Насыр Миршабаев обратился к Вам, что он купил в Кулябе 1200 баранов, заплатив за них зякетчи мулла Джура-беку 130 рублей зякота (здесь боджа.— *Б. И.*), а в Чильдаре заплатил 60 мостовых тенег, и что по прибытии его в местность Ачик-Алма Каратегинских владений бухарец Музаффар-ходжа, назвав себя зякетчи, взыскал с него насильно 16 баранов и 12 тенег деньгами... Из показаний Музаффар-ходжи выяснилось, что упоминаемых баранов и деньги с мулла Насыра он взыскал в пошлину, так как с давних времен под властью его светлости существует такой порядок сбора пошлины. Порядок сбора пошлины состоит в том, что с каждой сотни прогоняемых торговцами через Ачек-Амину баранов берется один баран. Вследствие существования этого порядка взыскивают пошлины зякетчи, поставленные в различных пунктах владений его светлости в местностях: Шади, Нарки, Ачик-Алма, которые взыскивают установленную подать. В Кулябской провинции зякетчи Джура-бек взыскал установленный зякет. В Дарвазской провинции в Чиль-даре взыскали деньги на содержание и исправление мостов....» [28].

Таким образом, в каждом бекстве существовали специальные зякетчи, которые от имени того или другого бека устанавливали бодж. Легко понять, какие громадные трудности и расходы были сопряжены с перегоном скота из одного бекства в другое — пока скот доходил до места назначения, почти четверть его оставалась у бухарских зякетчи.

Мы перечислили основные подати. Помимо них, в эмирате было множество других (танап-пули, алафа-пули и пр.).

Следует отметить, что точное число податей в Бухаре не поддается учету. По документальным данным, там было «пятьдесят пять налогов». Подати и сборы взимались буквально со всего, и, по образному выражению

---

[28] ДГИА УзССР, ф. 19, оп. 1, д. 4157, л. 26.

С. Айни, «в Бухаре только воздух не облагался налогом».

Кроме того, в Восточной Бухаре до присоединения ее к эмирату взимался ряд «своих» податей, которые бухарские чиновники продолжали взыскивать и после присоединения. В результате только в одном маленьком бекстве Дарваз, сверх основных, брали следующие налоги: дудона — «сбор с каждого дома в размере 2 кусков маты (80 коп.), каждый размером в 12 гязов (гяз — несколько меньше аршина); если не было маты, брали козла... Затем — таноб-и-мультук — один кусок маты с каждого дома; далее, мир-дараи-хона — налог на недвижимость. Каждый кишлак обязан был выплачивать по этому налогу 12 кусков маты. Все эти налоги являлись незаконными, и эмиром они не были установлены» [29].

Подобными налогами облагалось население и всех других бекств Восточной Бухары.

Эмир со своими чиновниками не оставлял без внимания также фруктовые сады и клеверные поля. С каждого танапа фруктового сада (60 кв. аршин, или 30,25 *кв. м*) бек получал налог от 16 до 18 тенег в год, с клеверного поля такого же размера — 4 теньги.

В эмирате существовал также особый налог джизия — подать со всех немусульман (с русских после 1868 г. ее не брали). Он взимался из расчета от 12 до 48 тенег в год.

О размерах и видах податей говорит один из налоговых документов. В нем сообщается, что в связи с осенним хараджем чиновники приказали собраться населению сельских обществ Кара Бакоул и Ирсори, высчитали осенний харадж и взыскали его. Всего с сельского общества Кара Бакоул было собрано (в теньгах):

танапного хараджа	19 418
осеннего хараджа	2 892
аминаны	2 000
обложения согласно высокому указу	8 300
хараджа государственного управления	1 174

Из Ирсори было отослано государственному управлению осеннего хараджа 12 174 теньги, обложения на сбрую и попоны — 12 тыс. тенег [30].

---

[29] Кузнецов, *Дарваз. Рекогносцировка,* Новый Маргелан, 1893, стр. 73.

[30] ЦГИА УзССР, ф. куш-беги.

К числу наиболее разорительных податей следует отнести налог аминана, установленный еще эмиром Музаффаром в период наступления царских войск на Бухару.

Что представлял собой этот налог?

«Когда несчастный бухарский землероб, ограбленный бухарскими властями... является на какой-либо базар, единственное место, где он может продать жалкие остатки своего урожая, его снова облепляет бухарская чиновничья саранча и взимает с него налог амина (аминана.— *Б. И.*) за то, что простоял на базаре, пользовался весами и т. д.». С русских подданных аминана взыскивался за каждую партию товара лишь один раз, но бухарским, афганским, индийским и персидским подданным приходилось платить его неоднократно. «Зякот (в данном случае аминана.— *Б. И.*) взыскивался с них в произвольном размере, не выдавались никакие расписки. Взысканный в одном округе, он взимается вторично с той же партии товара в другом, если последний перевозится с места на место» [31]. Поскольку из-за этого сильно повышались цены на продаваемые товары, что вызывало недовольство местного населения, министр иностранных дел Сазонов в письме от 12 февраля 1912 г. сообщил туркестанскому генерал-губернатору, что не возражает против отмены аминаны. Однако бухарский эмир решительно настаивал на сохранении этого налога, который давал ему большой доход.

Основными предметами обложения податью аминана были хлопок, каракуль, шерсть, а также шелка, овчины, сушеные фрукты, чай и другие товары [32], не говоря уже о скоте и сельскохозяйственных продуктах, привозимых жителями на базар.

По данным политического агента в Бухаре, «главная часть аминаны получается с хлопка, который обложен 1 руб. 20 коп. с батмана (в 8 пудов), с каракуля — 2 рубля со 150 штук, шерсти 1 рубль с батмана» [33] и т. д. При продаже верблюда уплачивался налог в 30 коп., лошади — 16 коп., головы крупного рогатого скота — от 5 до 15 коп., ишака — 8 коп., барана — 6 коп.

Политический агент в Бухаре в докладной записке

---

[31] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 303, л. 2—3.
[32] Там же, л. 13—14.
[33] Там же.

показал размеры доходов, поступавших в казну эмира от обложения аминаной основных продуктов. Так, с хлопка (1,2 млн. пудов), каракуля (2 млн. шкурок) и шерсти (160 тыс. пудов) был получен аминана на сумму 400 тыс. руб. В общем налог аминана приносил эмиру большой доход (свыше 1,5 млн. руб.), а поэтому лицемерно звучало его утверждение, будто бы «...отмена маленькой аминаны не возбудит особой радости населения, а установление всякого нового налога может вызвать недовольство и даже беспорядки» [34].

Поскольку отмена аминаны противоречила интересам русских купцов, которые видели в этом угрозу своей монополии на бухарском рынке, царская администрация поддержала эмира. На состоявшемся при политическом агентстве совещании, на котором присутствовали 70 русских и бухарских купцов, единогласно решили, что отмена аминаны нанесет чувствительный удар русским и бухарским торговцам в Бухаре. Это и понятно. Индийские товары были обложены значительной аминаной. Среди них одно из первых мест занимала кисея, идущая в большом количестве на дорогие чалмы и дамские наряды. «Русская же кисея с трудом соперничала с индийским товаром, и то только благодаря тому, что на нее значительно меньше положено аминаны, чем на иностранную» [35].

Таким образом, несмотря на попытки отдельных лиц, вопрос об отмене аминаны не был решен, так как царская администрация и господствующая верхушка эмирата не были заинтересованы в его отмене. Этим объясняется, что министр иностранных дел Сазонов в январе 1913 г. официально просил политического агента в Бухаре временно воздержаться от запрещения налога.

Помимо многочисленных податей и поборов, на плечи бухарского налогоплательщика ложились в конечном счете и расходы на подарки (тартук), которые, по укоренившемуся обычаю, преподносились знатным и влиятельным людям. Сановникам и самому эмиру преподносились дорогостоящие подарки.

Каждый бек был обязан привозить эмиру тартук не менее двух раз в год. Первый тартук подносился по слу-

---

[34] Там же, л. 14.
[35] Там же.

чаю наступления весны и начала полевых работ. Второй тартук доставлялся осенью, в связи со сбором урожая. Беки, желавшие приобрести особую благосклонность эмира, вносили и третий тартук, воспользовавшись каким-либо поводом. Тартук давался деньгами, лошадьми и различными товарами (халатами, шерстяными чекменями, индийскими чалмами и т. п.).

Бухарский эмир в свою очередь нередко преподносил тартук царским сановникам. Два раза в год, в день тезоименитства и рождения царя, он посылал в Ташкент и Петербург особые посольства, которые привозили много подарков и щедро раздавали их всем «значительным лицам» [36].

Кроме того, в эмират ежегодно прибывало значительное число русских офицеров генерального штаба и пограничной стражи, интендантских чиновников, топографов и т. д. На обеспечение этих лиц также тратились крупные суммы, которые взимались с населения [37].

Царские чиновники и военные очень охотно посещали Бухару, так как эмир не скупился на подарки. Член посольства князя Витгенштейна подполковник Крестовский писал: «Нас теперь в составе посольства 5 человек, из коих четыре — младших чина. При посещении кого-либо из беков получаем от них подарок по одной лошади с парчевой попоной и наборной уздечкой и по одному тюку халатов, а старший посол по две лошади под бархатными попонами, расшитыми серебром и шелком и девять тюков халатов. Итого каждый раз шесть лошадей и тридцать тюков, в которых в общей сложности заключается 117 халатов, приблизительно на сумму до 2000 рублей» [38]. По словам А. А. Семенова, отдельные представители царизма, «чувствуя за собой могучую поддержку в Петербурге, топтали здесь в грязь себя и русское дело, а представители титулованных фамилий, будучи посланы в Бухару в качестве чрезвычайных послов от генерал-губернатора, обращались к эмиру с требованием дать сейчас же десятки тысяч рублей» [39].

---

[36] Д. Н. Логофет, *Страна бесправия*, СПб., 1909, стр. 159—160.
[37] Там же, стр. 160.
[38] В. В. Крестовский, *В гостях у эмира бухарского*, СПб., 1887, стр. 231.
[39] А. А. Семенов, *Введение к «Кауфманскому сборнику»*, М., 1912, стр. XXXIV.

Получение подарков приняло в Бухаре настолько широкие размеры, что вопрос об отмене тартука к началу 90-х годов стал предметом обсуждения на особом совещании царских чиновников. Однако он не был решен под тем предлогом, что окончательная отмена обычая делать подарки считалась чем-то вроде ущемления интересов эмира.

Остановимся вкратце на размерах податей, собиравшихся в восточных районах эмирата.

Из отдельных бекств Восточной Бухары, по далеко не полным данным, эмир ежегодно получал харадж в следующем размере (в тыс. руб.):

Гиссар	270
Каратегин	75
Дарваз	30
Куляб	150
Бальджуан	150
Курган-Тюбе	60
Кабадиан	75

Хотя эти данные и не охватывают всех бекств Восточной Бухары, они дают известное представление о доходах от поземельного налога. К доходам от хараджа добавлялось примерно 250 тыс. руб. зякета. Кроме того, отдельные беки и казии Восточной Бухары давали эмиру под видом подарков около 1500 руб. каждый.

Эмирские чиновники в рассматриваемый период выкачивали ежегодно с населения Восточной Бухары по 600—700 тыс. руб. дополнительно. Часть этих доходов также шла в пользу эмира.

В результате, не считая стоимости содержания чиновничьего аппарата, Восточная Бухара давала в казну эмира около 2 млн. руб. в год [40].

* * *

Эмир и его сановники скрывали от подданных размеры своих громадных доходов. Свидетельства об этом мы находим в архивных документах. Так, в одном из документов на имя туркестанского генерал-губернатора от 29 декабря 1908 г. сообщалось:

«Бухарское правительство официально показывает

[40] ЦГА ТаджССР, ф. 9, оп. 2, д. 2, л. 5.

доход ханства в $2^1/_2$ миллиона рублей, каковая сумма расходуется так: содержание бухарской армии $1^1/_2$ миллиона, на расходы эмира 900 тысяч рублей и на содержание духовенства 100 тысяч рублей» [41].

О том, насколько это не соответствовало действительности, свидетельствует политический агент в Бухаре Лютш. На совещании, созванном 2 февраля 1909 г. под председательством генерал-губернатора Туркестана Мищенко, Лютш докладывал: «Цифры доходов эмира держатся в тайне, официальных данных нет. Но по сведениям, добытым частным путем и заслуживающим доверия, податей разного рода со всего ханства поступает 7 349 500 рублей... в этом числе поземельные подати 4 909 500» [42].

Доход, взимаемый с населения Бухары, поступал эмиру и его чиновникам. На улучшение благосостояния страны не шло ни копейки. Некоторые русские чиновники отмечали, что эмир, получая миллионы рублей от населения, ровно ничего не тратил на нужды страны. «Если и есть какая-нибудь трата из казны, то именно на предметы не нужные или непригодные для населения. Расход на войска совершенно бесполезен, так как последние являются посмешищем для населения и вполне заслуживают этого» [43].

На упоминавшемся выше совещании Лютш указывал на злоупотребления бухарских чиновников, использовавших каждый удобный случай для своего обогащения и не останавливавшихся даже перед тем, чтобы запустить руку в эмирскую казну. Он отметил следующий факт: «В 1908 г. политическое агентство послало 11 000 рублей, причитающихся в доход эмира с почтово-телеграфной станции в Бухаре, а эмиру было доложено, что сборы достигли всего 5000 рублей, каковая сумма и была положена в доход казны» [44].

Казнокрадство эмирской администрации достигало громадных размеров. Дипломатический чиновник при туркестанском генерал-губернаторе А. Калмыков в од-

---

[41] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1. д. 251, л. 28.

[42] Там же. — По сведениям Д. Н. Логофета, с которыми трудно согласиться, доход эмира достигал 18 млн. руб. (Д. Н. Логофет, *Страна бесправия*, стр. 54).

[43] Там же, л. 100.

[44] Там же, л. 29.

ной из докладных записок подчеркивал, что в Бухаре «значительная часть дохода остается в руках должностных лиц, что находит свое косвенное подтверждение в ничтожности получаемого ими жалования, составляющего, в лучшем случем, одну десятую того, что они фактически проживают». Тот же чиновник отмечал: «Вот эти злоупотребления при сборе податей, а также при установлении податного обложения... отражаются на благосостоянии народа при общем росте цен на необходимые продукты и товары и при ненормальном явлении крайне низких цен на землю в Бухаре, что объясняется чрезмерным бременем лежащих на ней налогов» [45].

Из всего сказанного видно, что налоговая система эмирата служила средством обогащения господствующего класса и эксплуатации трудящихся масс. С особой силой налоговый гнет давил на крестьян, составлявших подавляющее большинство населения Бухары.

---

[45] Там же, л. 19.

ГЛАВА III

ПОЛОЖЕНИЕ ТРУДЯЩИХСЯ ВОСТОЧНОЙ БУХАРЫ

Обезземеление крестьян к концу XIX — началу XX в. приняло широкие размеры. С особой силой оно происходило в равнинных районах Восточной Бухары, где товарно-денежные отношения были значительно более развиты, чем в высокогорных районах. Этот процесс шел повсеместно и сопровождался концентрацией земель. В Каратегине каждый из крупных феодалов располагал не менее чем 270 манами. У средних феодалов величина земельных участков доходила до 90 манов, у наукаров — до 9—10 манов. В то же время на каждое хозяйство крестьян, сидевших на землях танхо, в среднем приходилось по 5 манов, а все прочие дехкане имели не более чем по 3,5 мана земли. В Янги-Базарском амлякдарстве Гиссарского бекства богатые хозяйства составляли только 1,3%, но в их распоряжении находилось 32% всех поливных земель, а на долю малоземельных хозяйств, составлявших 38%, приходилось лишь 2,3% земель. В том же бекстве, на территории амлякдарств Гиссара, Шахринау, Регара и Пахтаабада, зажиточных хозяйств было 7,6%, но им принадлежало 45,6% орошаемых земель, а малоземельным хозяйствам (28%) — только 1% [1].

Дехкане Восточной Бухары и Западного Памира обрабатывали небольшие клочки амляковых, вакфных и частновладельческих земель, неся в то же время различ-

[1] Б. Г. Гафуров, *История таджикского народа в кратком изложении*, т. I, М., 1955, стр. 460.

ные феодальные повинности. Наиболее распространенной формой землепользования в Восточной Бухаре и на Западном Памире, как и в других областях Средней Азии, была издольщина.

Издольщина практиковалась не только в сельских местностях, но и в хозяйствах крупных феодалов в черте города. Эмирские чиновники, ростовщики и богатые ремесленники сдавали земли в аренду из доли урожая. Как в черте города, так и в сельской местности сделка между землевладельцем и арендатором, как правило, оформлялась весной, перед началом полевых работ.

Особенностью издольной аренды в Бухаре было то, что многие вакфные, эмирские и помещичьи земли, находившиеся в пользовании дехкан, считались наследственными.

Среднеазиатская издольщина, в частности бухарская, имела полурабский характер. Она основывалась на пятичленной системе — в зависимости от того, какая часть из пяти элементов, необходимых в сельскохозяйственном производстве (земля и вода, семена, рабочий скот, инвентарь, труд), принадлежала собственнику и арендатору, делился между ними урожай.

В Восточной Бухаре и на Западном Памире единой нормы при разделе урожая между землевладельцем и издольщиком не существовало. Арендная плата обычно вносилась натурой. Денежная рента встречалась редко.

Сдача земли в аренду, а следовательно, эксплуатация крестьян землевладельцами, происходила в самых разнообразных формах. Чаще всего издольщику предоставляли рабочий скот и семена. Арендатор при этом получал $^1/_4$, $^1/_5$ урожая, а иногда даже и меньше. Если же у дехканина имелся рабочий скот, сельскохозяйственный инвентарь, семена для посева, то урожай делился пополам.

Проф. И. П. Петрушевский писал, что в Армении и Азербайджане «наиболее частой формой издольной аренды была аренда за половину урожая. Арендаторы такого рода назывались в ханствах... ярыкерами... т. е. половинниками, испольщиками. Ярыкеры сидели как на ханских, так и на мулькдарских землях» [2].

В отличие от Азербайджана и Армении в Средней

---

[2] И. П. Петрушевский, *Очерки по истории феодальных отношений в Азербайджане и Армении в XVI — начале XIX вв.*, Л., 1949, стр. 310.

Азии, в том числе бухарском эмирате, наиболее распространенной формой издольщины было чайрикарство, когда хозяину принадлежали земли, быки, инвентарь, семена, и он содержал крестьянина, который получал обычно 1/4 урожая.

В других случаях, как например в хозяйстве землевладельца Мадраима в Андижанском уезде русского Туркестана (это характерно также и для Бухары), хозяин предоставлял чайрикарам землю, воду, семена и по 50 руб. на 10 танапов взаймы до сбора урожая. Крестьянин обрабатывал землю, используя собственный скот, и, если нужно, нанимал за свой счет рабочих. На этих условиях арендатор отдавал половину урожая хозяину земли [3].

В Курган-Тюбинском бекстве, например, если «чиновник или сам бек сдает землю в аренду, то после сбора урожая сначала выбирает себе семена, а остальное делится пополам, причем с части издольщика берется херадж по закону и обычаю» [4].

Довольно широко была распространена издольщина и в высокогорных бекствах Восточной Бухары. Так, в Дарвазе крупный феодал Мухаммад Мурад-бек одну часть земли, а также семена давал разоренным и обездоленным крестьянам, и они своим инвентарем и рабочим скотом обрабатывали ее. Арендаторы пахали, сеяли, пололи, поливали посев по нескольку раз, а затем собирали урожай и обмолачивали его. После этого Мухаммад Мурад-бек посылал муширифов, которые, оставив издольщикам некоторое количество хлеба, семена для будущего года и солому, забирали все остальное зерно. Как правило, другую часть земли Мухаммад Мурад-бек отдавал наиболее состоятельным крестьянам на правах «товарищества» (шарики или ширкат), причем семена и инвентарь были хозяйскими, а все полевые работы — от посева до уборки — выполнялись арендаторами. Половину урожая получал хозяин, другая половина делилась между арендаторами [5].

---

[3] М. Бушуев, *По хлопковым районам Туркестана* («Туркестанское сельское хозяйство», 1911, № 11), стр. 774—775.

[4] И. Гаевский, *Курган-Тюбинское бекство* («Известия Русского географического общества», т. 55, М.—Л., 1924), стр. 34.

[5] Н. К. Латипов, *К вопросу о земельных отношениях в Дарвазском бекстве в конце XIX и начале XX в.* (кандидатская диссертация), Сталинабад, 1955, стр. 170.

Следует отметить, что в Бухаре издольщина практиковалась не только на собственных, но и на общинных землях (дашта), причем в аренду нередко попадали даже неподеленные общинные земли.

Необходимо при этом отличать дашта от земельных участков хаум и хаят. Если последние находились в собственности отдельных хозяев, которые могли их продать, передать по наследству, подарить и т. д., то земли дашта не принадлежали одному лицу, а считались собственностью целого кишлака. Тем не менее действительными владельцами дашта в последней четверти XIX в. стали беки и подчиненные им лица. 45% этих земель по распоряжению чиновников ежегодно оставлялось под парами или отводилось под пастбища, несмотря на острую нужду крестьян в каждом клочке земли[6].

В бекствах Восточной Бухары, а также на Западном Памире рост амляковых, вакфных и мульковых владений в тот период отчасти происходил за счет тех же общинных земель, которые находились в собственности местного населения. В Ширабадском бекстве баи и местные феодалы, бывшие полновластными хозяевами земель дашта, по своему усмотрению сдавали их в аренду крестьянам.

Условия аренды общинной земли в различных амлякдарствах этого бекства были неодинаковыми. В одних случаях хозяин давал крестьянину, помимо земли, семена, и тогда последний получал половину урожая, обязуясь в свою очередь обеспечить своих мардикаров (батраков). В других случаях хозяин предоставлял издольщику землю, семена, а также лошадь или быка. Крестьянин был обязан своим инвентарем обработать землю и очистить арыки. При этом он получал треть урожая. Но таких арендаторов было сравнительно немного (во всем Ширабадском бекстве их насчитывалось около 50). Они, как правило, не могли полностью возделать полученную землю и поэтому нередко пересдавали ее более мелким издольщикам.

Аренда из доли урожая в Восточной Бухаре была распространена повсеместно, однако в приравнинных районах больше, чем в высокогорных местностях. Это отчасти объяснялось тем, что в горных бекствах, в част-

---

[6] ЦГИА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 678, л. 298.

ности в Дарвазе, ввиду нехватки земли отсутствовало крупное землевладение. Значительная часть дехкан, имевших собственные участки земли, чаще всего обрабатывала их своими силами.

Иногда крестьяне на добровольных началах соединялись в товарищество и совместно возделывали землю. Об этом А. Ф. Губаревич-Радобыльский писал: «Весьма часто встречается в Бухаре обработка земли на началах товарищества «ширкат», а именно: слабосильные скотом дворы соединяются вместе, чтобы составить «кош», т. е. пару упряжных для пахоты быков». В таком случае обработка полей членов товарищества производилась по очереди[7]. Такая система еще в большей степени была развита в горных районах.

Помимо издольной аренды, в Восточной Бухаре и на Западном Памире сохранялась отработочная рента. Дехканин был обязан в течение нескольких дней в сезон работать на землевладельца, занимаясь полевыми работами, очисткой арыков, ремонтом и постройкой помещений хозяина и т. д. Широко применявшейся формой барщины являлся также хашар (помощь)[8]. Так, дарвазский ишан Султан, если не успевал закончить вовремя все сельскохозяйственные работы при помощи «своих» крестьян, прибегал к хашару. В назначенный заранее день и час все окрестные дехкане обязаны были выйти в поле и под видом «помощи» выполнять указанную им работу[9]. Хашар был особенно распространен в Восточной Бухаре и на Западном Памире, где богатая верхушка умело использовала в своих интересах патриархальные пережитки, темноту и забитость крестьян. Существовала также барщина в форме «бегори» (т. е. принудительного труда дехкан по очистке арыков, строительству дорог, мостов и т. п.). Наконец, на крестьян возлагались гужевые повинности. Такие работы они были обязаны выполнять по приказу эмирских властей как государственную повинность, а также в пользу отдельных землевладельцев.

---

[7] А. Ф. Губаревич-Радобыльский, *Экономический очерк Бухары и Туниса*, СПб., 1905, стр. 33.

[8] Следует учитывать, что словом «хашар» обозначался не только труд крестьян в пользу эксплуататора, но и крестьянская взаимопомощь в сельскохозяйственных работах.

[9] Н. А. Кисляков, *Ишан — феодал Восточной Бухары* («Труды Таджикской базы», вып. IX, М.—Л., 1940), стр. 17.

Наиболее тяжело отражалось на положении трудящихся масс эмирата существование системы танхо, при которой крестьяне вносили причитавшиеся с них подати не государству, а отдельным феодалам, получившим земельные пожалования (танхо) от эмира.

Бухарское правительство выделяло известное число земельных участков и прикрепляло к ним дехкан прилегающих кишлаков. Эти земельные участки вместе с сидевшими на них крестьянами давались в танхо чиновникам взамен жалованья, а военным — в дополнение к довольствию [10]. Танхо чаще раздавались в пожизненное владение и временами достигали больших размеров.

По свидетельству капитана Лилиенталя, с вступлением в должность гиссарского бека Астана-кула куш-беги и при последующем присвоении ему звания аталыка он в виде вознаграждения получил танхо из пяти амлякдарств Сары-Джуйского бекства, доходы с которых шли целиком в его пользу [11].

Танхо по прихоти эмира нередко отбиралось в казну. Поэтому танхохуры, не уверенные в прочности своего положения, всячески притесняли крестьян, стараясь выжать побольше доходов. Одновременно танхохуры старались увеличить свои владения за счет новых пожалований и крестьянских земель. В Дарвазском бекстве потомственный феодал Сейид-бек еще до присоединения края к эмирату имел много земли, расположенной главным образом вдоль р. Тавиль-Дара в Сегридаштском амлякдарстве. Он с помощью эмирских чиновников расширил свои владения за счет земель, принадлежавших жителям кишлака Кеврон. Сейид-бек ежегодно преподносил тартук эмиру и дарвазскому беку и, заручившись таким путем их расположением, сумел получить в танхо дополнительно дехканские хозяйства. Уже к концу XIX—началу XX в. Сейид-бек был самым крупным феодалом в Дарвазе, его богатство не уступало бекскому. Кроме того, он занимался ростовщичеством и за долги отбирал земельные участки. В итоге этому феодалу удалось сосредоточить в своих руках до 280 манов полив-

[10] А. А. Семенов, *Очерк устройства Центрального административного управления Бухарского ханства позднейшего времени*, Сталинабад, 1951, стр. 11.

[11] Лилиенталь, *Гиссарское и Кабадианское бекство. Военно-статистический очерк* («Сборник материалов по Азии», вып. LVII, 1889), стр. 315.

ной и богарной земли [12]. Все это происходило в разоренном Дарвазе, где ощущалась острая нужда в каждом клочке земли, годной к обработке, и больше половины населения влачило полуголодное существование.

Многие дехкане, лишенные земли и орудий производства, были вынуждены искать работу за пределами Восточной Бухары или наниматься к местным землевладельцам в качестве мардикаров. Труд мардикара оплачивался натурой, реже деньгами. По свидетельству И. Гаевского, «лица, вовсе неимущие, нанимались на год. За работу получали обычно $^1/_4$—$^1/_5$ урожая» [13].

Кабальная зависимость была особенно распространена в Восточной Бухаре, где были наиболее живучи патриархально-родовые отношения. Господствующий класс там очень часто использовал в своих выгодах родственные отношения. Под видом помощи родственникам крупные и средние, а иногда даже и относительно мелкие землевладельцы жестоко эксплуатировали безземельных и малоземельных крестьян, которые в основном были годовыми батраками, или «кошчи» [14].

Ремесленники в эмирате подвергались не менее жестокой эксплуатации, чем крестьяне. Наиболее распространенной формой кабальной зависимости ремесленников был бунак — ссуда деньгами или продуктами.

«Неизвестно в силу чего,— писал А. Д. Гребенкин,— вошло в обычай, чтобы работники — ткачи, гончары, кузнецы, свечники и булочники не нанимались иначе, как получив от своих нанимателей известную сумму денег — бунок... Бунок был собственностью рабочего до тех пор, пока он оставался у нанимателя, а затем, когда рабочий переходил к другому хозяину и вообще уходил от нанимателя, он обязан был сполна возвратить полученный бунок» [15].

Впоследствии (в конце XIX — начале XX в.) бунак стали давать земледельцам и скотоводам, занимавшимся главным образом выращиванием хлопка, фруктов и

---

[12] Н. К. Латипов, *К вопросу о земельных отношениях...*, стр. 167—168.

[13] И. Гаевский, *Курган-Тюбинское бекство*, стр. 34.

[14] А. Ф. Губаревич-Радобыльский, *Экономический очерк...*, стр. 34.

[15] А. Д. Гребенкин, *Таджики* (Сб. «Русский Туркестан». вып. II, М., 1872), стр. 24.

выработкой шерсти — товаров, имевших большой спрос на рынке.

Выдача бунака продуктами производилась по чрезвычайно высоким ценам, и человек, однажды получивший ссуду, обычно не был в состоянии полностью ее выплатить. В аналогичном положении находились и те лица, которые получали бунак деньгами. В Восточной Бухаре бунак больше всего практиковался в Гиссарском бекстве.

Крестьян и ремесленников в Восточной Бухаре эксплуатировали светские и духовные феодалы, чиновники, купцы, ростовщики и баи. В эмирате, особенно в более отдаленных от центра районах, любой чиновник, независимо от его положения и звания, получал большие доходы за счет трудового населения. При помощи местного амлякдара каждый из них стремился приумножить свое богатство, не пропуская ни одного удобного случая. Об этом свидетельствует, в частности, донесение бухарского чиновника, в котором описывается жалоба крестьян на местного арбаба:

«Господин вместилище достоинства вазира мир парвоначи!

...Абдурасул, Дустобой, Ходжа Мурад, Саид Мурад, Игамберды и прочие крестьяне кишлака Чейбога Мусы, отправившись к воротам Арка, подали жалобу его высочеству на то, что арбаб Абдусамад произвольно обложил их налогом в сумме 280 тенег. Эти деньги он собрал на какие-то расходы, назначения которых крестьяне не знают. Уполномоченным для разбора этого дела был назначен Адилбек чар-агаси. Он немедленно созвал обе стороны, встретился с аминами и назначил двух аксакалов... амина и вышеупомянутого Абдусамада (для разбора этого дела.— *Б. И.*). Стороны согласились на это и дали за услугу 40 тенег высокопоставленному лицу (т. е. чар-агаси. — *Б. И.*)» [16].

Характерно, что посредником при разборе этого дела, вопреки желанию населения, был назначен тот же Абдусамад, который притеснял крестьян и являлся заинтересованной стороной.

О злоупотреблениях в Дюшамбинском амлякдарстве говорит тот факт, что амлякдар Расулкул мирахур за-

---

[16] ЦГИА УзССР, ф. куш-беги.

ставил жителей безвозмездно работать на строительстве арыка в его имении [17].

Поездки из города Бухары в восточные районы эмирата были весьма доходным делом для бухарских чиновников, так как во время этих поездок они часто приобретали большие состояния. В. И. Липский, побывавший в Восточной Бухаре, отмечал: «К концу путешествия скромный дорожный багаж, взятый чиновником из Бухары, превращается в солидный, для поднятия которого требовалась особая лошадь, а то и больше. При этом... променивается старая лошадь на молодую; подарки, полученные в одном месте, продаются в другом и т. д. ... Понятно, такому чиновнику есть полный расчет ездить по населенным местам» [18].

Значительные доходы извлекали бухарские чиновники и из торговли, действуя заодно с купцами. Корреспондент «Туркестанских ведомостей» Тимофеев сообщал, что за кусок тика стоимостью в 20—30 тенег купцы и чиновники брали 80 тенег и наживались таким образом за счет населения [19].

От амлякдаров и казиев не отставали и даллады (посредники), без участия которых не совершалась ни одна торговая сделка.

Как писал Тимофеев, «даллад, получивший 5—10 тенег, начинает торговаться с продавцом, торгуется до десятого пота: клянется, чуть не разрывается на части, хватает за руку продавца, сует ему в руку в виде задатка 5—10 тенег, прибавляет по 1—2 теньге к назначенной цене и наконец, чуть не насильно, заставляет продавца взять задаток. Как только тот взял задаток, даллад сейчас же меняется: тихо сажает продавца с покупателем вместе, заставляет взять друг друга за руку, и сделка заканчивается. После этого даллад берет у одного и другого по 1—2 тенги и передает их бухарскому чиновнику, торчавшему обязательно где-нибудь поблизости. Последний тихо и степенно подходит к покупателю и продавцу, сдирает с одного и другого по 3—4 теньги вместо $^1/_2$, положенной по закону...» [20].

---

[17] Там же.

[18] В. И. Липский, *Горная Бухара*, т. I, СПб., 1902, стр. 34.

[19] Тимофеев, *Пульс Бухары* («Туркестанский сборник», т. 545, Ташкент), стр. 174—175.

[20] Там же.

В Бухаре было много индийских и еврейских купцов, которые, закупив товар (чаще всего у русских), проникали в самую глушь страны и там бесцеремонно обманывали местных жителей. Как правило такие купцы вели торговлю в полукочевых поселениях и с кочевыми племенами в высокогорных районах. Пользуясь тем, что жители этих отдаленных мест остро нуждались в промышленных товарах, купцы продавали их в несколько раз дороже, чем они стоили в действительности. Русский путешественник И. И. Гейер, побывавший в восточных районах эмирата, писал: «Купленный и доставленный... ситец, прежде чем дойдет до настоящего потребителя, пройдет через несколько таких сделок, которые, с лихвой обеспечив расходы по приобретению названного товара, позволяют находчивому купцу выпустить ситец на рынок не только по московским ценам, но в несколько раз выше» [21].

Подавляющая часть бухарских чиновников, крупных и мелких, столичных и провинциальных, занималась торговлей. Посланные в Бухару царские военные инструкторы сообщали: «Большинство служащих чиновников и офицеров (бухарской армии.— *Б. И.*) имели лавки на базаре и занимались торговыми оборотами, что нисколько не мешало им исполнять свои служебные обязанности. Да чем им и заниматься, кроме торговли? Специальных занятий никаких нет, кроме личных поручений эмира; учреждений, палат и управлений тоже никаких не имеется...» [22].

Торговля в государстве эмира служила дополнительным средством наживы для чиновников и офицеров. Для крестьян же продажа продуктов сельского хозяйства на базаре была зачастую сопряжена с дополнительными расходами и трудностями. Как уже говорилось, прибыв на рынок, дехканин должен был уплатить особый налог— аминану, бравшийся при продаже скота и различных продуктов.

Аминану взимали обычно богатые люди, которым эмирские власти сдавали на откуп (в аренду) базары. Например, все базары Гиссарского бекства были сданы трем откупщикам, называвшимся «эминами». Один и тот же эмин арендовал базары в Гиссаре, Каратаге, Ханака,

[21] И. И. Гейер, *Туркестанские скитания*, Ташкент, 1899, стр. 31.
[22] «Туркестанские ведомости», 1906, 10 января.

Гази-Малике, Муркане, Ак-Кургане, Регаре и Суфион. На его обязанности лежал присмотр за чистотой базара и содержанием базарных весов. За аренду вышеуказанных рынков он был обязан платить гиссарскому беку 50 тыс. тенег (7500 руб.) в год. Другой откупщик уплачивал ежегодно 70 тыс. (10 500 руб.), а третий—13 тыс. тенег (1950 руб.). С каждого батмана продуктов они получали в среднем по три теньги. За продажу верблюда или лошади — две теньги, коровы или быка — одну, барана — половину, козы — четверть теньги и т. д.[23].

При этом следует учесть, что каждый откупщик держал при себе большой штат мелких чиновников, которые строго следили за торговлей продуктами или скотом на базаре. Более того, зная, что иногда сделки совершались вне базара, они, как правило, разъезжали по кишлакам и через своих агентов разнюхивали, где и что продано. В таких случаях они штрафовали крестьян и одновременно взимали аминану.

Пример своим чиновникам подавал сам эмир, бывший крупнейшим купцом Бухары. К участию в своих коммерческих операциях он привлекал также сановников и высших духовных лиц.

По сообщению проф. А. А. Семенова, «в стремлении к увеличению своих доходов эмир Абдулахад вел крупные торговые дела. По его собственным словам, он занимал третье место на мировом рынке в торговле каракулем (первое место принадлежало его подданному купцу Арабову)» [24].

Наживаясь на торговле и различных поборах, эмир увеличивал свои богатства с каждым днем. «Вес (эмира.—*Б. И.*) в русских финансовых сферах,— согласно сведениям проф. А. А. Семенова. — был весьма значителен, ибо вложения эмира в русском государственном банке составляли 27 миллионов рублей золотом и миллионов 7 в частных коммерческих банках» [25].

В умножении своих капиталов от эмира не отставали и высшие чиновники страны, старавшиеся вложить приобретенные средства в землю, от эксплуатации которой они за счет труда издольщиков получали большие доходы.

---

[23] Там же.
[24] А. А. Семенов, *Очерк устройства...*, стр. 9.
[25] Там же.

Как писал А. Ф. Губаревич-Радобыльский, «в Бухаре каждый сановник есть в то же время торговец, не исключая и эмира, и каждый купец старается поместить свои сбережения в земельную собственность и скупает участки садов, где только может. В окрестностях столицы у Кази-Каляна — верховного судьи... свыше 10 отдельных участков сада и виноградников по 5—10 десятин каждый» [26].

Развитие торговли тормозилось неоднократным взиманием податей с товаров, перевозившихся из одного бекства в другое, из-за чего норма налога в 2,5% со стоимости продуктов фактически во много раз превышалась. Кроме того, неизбежные подарки сборщикам податей значительно удорожали стоимость товаров. По всем этим причинам торговля в бекствах Восточной Бухары, а особенно в высокогорных районах была слабо развита. Многие привозные товары первой необходимости продавались по ценам, недоступным для большинства населения. Побывавший в Восточной Бухаре в конце 80-х — начале 90-х годов проф. А. А. Семенов, отмечая «крайнее убожество» торговли в отдаленных от «заваленной всякими товарами» Бухары городах — Гарме, Кулябе, Кала-и-Хумбе и др., писал: «Там на крайне бедных базарах сидели на земле один-два торговца с московским ситцем, не больше как по две штуки у каждого; они продавали этот ситец по 22—25 коп. за аршин, в то время когда в г. Бухаре он стоил 11 коп. аршин. Многократное взимание зеката в результате повышало здесь стоимость ситца более чем на 100%» [27].

Слабое развитие торговли в Восточной Бухаре было связано также с низким уровнем земледелия.

В этом районе использовались орошаемые и богарные земли. Но вследствие высокогорного характера местности удобных для обработки земель, особенно поливных, было немного.

Наиболее распространенными посевными культурами в Восточной Бухаре были пшеница, ячмень, рис, чечевица, горох, хлопок, лен и кунжут.

Данные по основным продовольственным культурам в девяти бекствах Восточной Бухары, относящиеся к

---

[26] А. Ф. Губаревич-Радобыльский, *Экономический очерк...*, стр. 27.

[27] А. А. Семенов, *Очерк устройства...*, стр. 11.

Сбор основных продовольственных культур в бекствах Восточной Бухары* (тыс. батманов)**

Бекство	Пшеница	Ячмень	Мелкий хлеб***	Рис
Байсунское	40	20	8	3
Денауское	60	35	20	30
Кабадианское	10	1	1	3
Курган-Тюбинское . . .	8	4	2	2
Кулябское	100	40	30	22
Бальджуанское	70	40	12	6
Гиссарское	200	90	30	60
Сары-Джуйское	20	16	4	6
Ширабадское	20	26	7	20
Итого . . .	528	272	114	152

* Покотило, *Отчет о поездке . . .*, стр. 63.
** Здесь батман—8 пудов.
*** Просо, кукуруза, бобовые.

80-м годам XIX в., приводит капитан Покотило. Составленная им таблица показывает приблизительный средний ежегодный сбор отдельных культур. Основная масса хлебной продукции потреблялась внутри страны. Капитан Покотило, считая, что в среднем на человека в год необходимо 12 пудов хлеба, приходил к выводу, что в четырех бекствах Восточной Бухары (Кабадианском, Курган-Тюбинском, Бальджуанском и Сары-Джуйском) своего продовольствия не хватало. В остальных же пяти бекствах был избыток продуктов (в Байсунском — 2 тыс. батманов, Денауском—25, Кулябском—17, Гиссарском—35, Ширабадском — 14 тыс. батманов) [28]. Однако отсутствие нормальных транспортных условий при весьма слабом развитии внутреннего рынка тормозило торговлю зерном. В этих условиях даже представители зажиточных классов, имевшие излишек сельскохозяйственных продуктов, не могли реализовать их на рынке. Определенный сдвиг наступил лишь после постройки Закаспийской железной дороги, появления вдоль нее русских населенных пунктов и, наконец, размещения пограничных войск в Восточной Бухаре.

[28] Покотило, *Отчет о поездке в пределы Центральной и Восточной Бухары в 1886 г.*, Ташкент, 1888, стр. 63.

В рассматриваемое время положение крестьян значительно ухудшилось в связи с усилившимся закабалением их ростовщиками и скупщиками. 61-летний Якуб Садыков, житель Кулаба, в 1954 г. рассказывал: «Помимо местных богачей, владевших большим количеством скота и земли, в Бальджуане жили пешаверские баи-феодалы Абдулла-джан, Ходжа Мумин-джан и пр. Занимались они скупкой сырья и скота, который ежегодно отправляли в города главным образом русского Туркестана. К нам они привозили промышленные товары, которые продавали населению в несколько раз дороже их стоимости. Бывали также случаи, когда бедняк, очутившись в безвыходном положении, задолжав своему баю, был вынужден для возвращения ссуды занимать деньги у другого бая. Купцы, крупные землевладельцы и скотоводы не отказывали в этом, но за долги захватывали его землю, сад, забирали насильно дочерей, а самого крестьянина превращали в мардикара».

76-летний Нурдин Насыров из колхоза имени Сталина Пархарского района, вспоминая свою жизнь при эмирской власти, рассказывал, что «кишлаки Хавалингского амлякдарства, где он родился, находились в кабале у нескольких баев — муллы Мумин-бая, Камил-бая и др. Взимая ежегодно для бальджуанского бека подати с населения, половину собранного они оставляли себе. В хозяйствах этих баев безвозмездно работали бедняки—их должники». По словам Нурдина Насырова, отец его более 11 лет был мардикаром у муллы Мумин-бая и сумел освободиться лишь после того, как другой бай, приехавший из Гиссара в Хавалинг, выкупил его от имени гиссарского бека, за что отец Нурдина обязан был более четырех лет работать на последнего.

В Кулябе также проживали крупные баи, вроде Базар-бая, имевшего до 50 тыс. голов крупного и мелкого рогатого скота. Он ежегодно отправлял на продажу в Таликан, Ханабад, Рустак, а также Бухару и Фергану огромные стада. В руках этого бая находились самые удобные пастбища, на которых только одних пастухов насчитывалось более 200. Кулябские баи Салиб-бай, ходжа Сафар-бай и другие занимались главным образом скупкой земель у бедняков.

Наблюдалось немало случаев, когда жители, очутившись в безвыходном положении, закладывали свой уча-

сток земли, усадьбу или сад у ростовщика. Бывало, что не только должники, но и их семьи попадали к нему в кабалу и за раз взятую ссуду отбывали в его пользу различные повинности. Другие же, окончательно разорившись, предпочитали все бросить и бежать в Туркестан или Афганистан.

Задавленные налогами, испытывая жестокий гнет феодалов, торговцев и ростовщиков, трудящиеся вынуждены были продавать членов своей семьи в рабство. Случалось, что и глава семьи становился рабом.

Агент министерства финансов при туркестанском генерал-губернаторе Фарат, посетивший в июле 1878 г. Бухару, писал: «Мне первому удалось увидеть невольничий базар и собственными глазами убедиться, торг людьми производится постоянно и в значительных размерах в 190 верстах от русской границы».

По словам Фарата, людей продавали открыто на базаре в самом центре Бухары. «Продажа производится каждый день с соблюдением всех установленных при продаже товаров формальностей. ...Во время моего посещения в сарае находилось до 100 человек мужчин, женщин и детей. При мне был продан 12-летний мальчик за 120 рублей... мужчины, бледные и исхудалые, одетые в рубище, сидели на нарах вдоль верхней галереи сарая и сдержанно молчали, робко озираясь на толпу покупщиков, бесцеремонно вслух оценявших достоинства и недостатки этого нового товара» [29].

Население Восточной Бухары страдало не только от гнета эмира, помещиков, ростовщиков и чиновников, но и от болезней и периодически повторявшихся эпидемий, а также стихийных бедствий, уносивших множество человеческих жизней.

В эмирате были широко распространены различные болезни и нередко вспыхивали эпидемии, но бухарские власти не принимали никаких мер борьбы с ними. В Бухару проникало много инфекционных болезней из соседних стран. Из Афганистана сюда нередко заносилась чума, из Персии — оспа.

На основании сведений, относящихся к началу XX в., можно судить, как часто в эмирате вспыхивали различные эпидемии. «Кроме оспы, много больных сифилисом,

---

[29] ЦГИА УзССР, ф. 2 1/с, оп. 27, д. 35, л. 2.

особенно среди населения кишлаков. Довольно часто попадались и другие виды серьезных инфекционных заболеваний (дифтерит, скарлатина, брюшной тиф, злокачественная малярия, рожа), дающих порядочную смертность» [30]. В Бухаре нередки были такие тяжелые заболевания, как лейшманиоз и решта.

Важнейшей причиной распространения решты, а также и других тяжелых заболеваний были плохие санитарно-бытовые условия. Во многих поселениях вода хранилась в непроточных искусственных водоемах (хауз), где развивались возбудители решты — личинки червя, попадавшие впоследствии в организм человека.

Наблюдались случаи, когда население отдельных кишлаков при эпидемиях вымирало целиком.

Многие авторы сообщали, что эмирское правительство, собиравшее громадные налоги, не тратит ни копейки на народные нужды, в том числе организацию медицинской помощи хотя бы в самом примитивном виде. В эмирате вплоть до 1905 г. не было ни одного лечебного пункта. Местные врачи (табибы) применяли средневековые методы лечения. При этом многие из них были недостаточно сведущи даже в области средневековой медицины. Жители были незнакомы с самыми элементарными правилами предохранения от тяжелых инфекционных заболеваний.

Иногда бухарское правительство обращалось к России с просьбами прислать на помощь врачей для борьбы с крупными эпидемиями. В 1897 г. эпидемия охватила Гиссарское бекство. Приглашенные русские врачи радикальных мер предпринять не смогли, так как ко времени их приезда половина населения уже погибла, а в одном из кишлаков (Сергул), по свидетельству Д. Логофета, не осталось в живых ни одного жителя. В благородном деле борьбы с эпидемиями бухарские чиновники не только не помогали приглашенным русским врачам, а иногда препятствовали их работе. Некоторые эмирские чиновники пытались всячески убедить представителей царской администрации, что жители края из-за своей некультурности не желают лечиться у русских врачей. Однако на самом деле население охотно пользовалось их помощью. В донесении от 1 января 1899 г. подполков-

[30] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 365, л. 11.

ник Кузнецов отмечал, что жители Восточной Бухары с нетерпением ждали приезда русских врачей. На это же указывали и сами врачи, которые непосредственно участвовали в борьбе с эпидемией. Вот что писал Греков 25 ноября 1898 г.: «При каждой остановке (местные жители.— *Б. И.*) обращались к нам за помощью от всевозможных болезней. Мы нигде не заметили враждебных к себе отношений со стороны населения». О подобных же фактах рассказывал доктор Гольнингер: «По реке Каратаг-дарье я был встречен населением довольно приветливо, а в Лябиджуй даже дружелюбно». Врач Ясенский сообщал из Гиссара: «Число обращающихся больных... увеличивается все больше и больше» [31].

В документах говорится о симпатии, которую питало местное население к русским врачам. Доктор Греков отмечал: «По пути (из Гарма в Кала-и-Хумб) не было кишлака, где бы к нам не явились больные, осмотрено (за неделю) 69 больных, в том числе 17 женщин. Наплыв больных в Кала-и-Хумб был очень велик... Встретили нас в Кала-и-Хумбе крайне любезно и доверчиво...» [32].

Бухарские власти почти не принимали предупредительных мер и против таких бедствий, как разливы рек и нападения саранчи на посевы, наносившие большой ущерб хозяйству. В Восточной Бухаре не обращалось внимания на строительство дамб, защищающих поля от бурных водных потоков. По свидетельству путешественника Р. Ю. Рожевица, Куляб в течение восьми лет подвергался налетам саранчи. «Меры, принимаемые против этих насекомых, весьма примитивны и заключаются в том, что, вырыв длинный арык близ места, где держится молодая и еще не летающая саранча, ее сгоняют в этот арык и зарывают. Но, к сожалению, меры эти применяются не систематично и далеко не везде, а потому и результаты их весьма ничтожны» [33]. Бухарские чиновники также почти ничего не делали для ликвидации последствий таких стихийных бедствий, как засуха, ливни, землетрясения и т. п., хотя они были ужасны. Так, в доне-

---

[31] ЦГВИА, ф. ВУА, оп. II, д. 113, л. 49.

[32] Там же.

[33] Р. Ю. Рожевиц, *Поездка в Южную и Среднюю Бухару в 1906 г.* («Известия Имп. русского географического общества», т. XLIX, 1908), стр. 624.

сении, поступившем 1 июня 1903 г. в Ташкент, сообщалось: «Над Кулябом 27 сафара (10 мая) разразился страшный ливень, длившийся 2 часа. Горный поток разрушил почти весь город, вода сносила дома, казармы сарбазов, трупы людей и животных. 6 трупов извлечено из воды. Убытков насчитывается на 400 000 тенег. Цыгане, кочевавшие в долине около Куляба, также были снесены водой вместе со своими кочевьями. Тот же ураган снес мосты в Дюшамбе и Хиссаре» [34].

Большой ущерб причиняли трудовому населению разливы рек Кафирниган, Вахш. В весенне-летнее половодье они, так же как и другие низвергающиеся с гор потоки, во время дождей размывали прекрасные плодородные поля Гиссара и частично Куляба, причем нередко гибло много людей. Д. Логофет отмечал: «Река Кафирниган... ежегодно несет в Аму-Дарью сотни трупов, смывая туземцев при переправах через нее» [35]. Он же писал о Вахше: «Многоводность и бурное течение реки, вместе с большим количеством ежегодно погибающих при переправах людей, окружали эту реку особым ореолом, и впечатлительность вместе с воображением создали представление, что в ее водах обитает великий Вахш—покровитель всех течений вод» [36].

Насколько безразлично относились эмир и его администрация к народу, показывает ответ одного из бухарских чиновников на запрос начальника русского пограничного гарнизона о причинах гибели 300 человек при катастрофе, происшедшей с каюком (баржей) на Амударье: «Несчастье произошло по воле Аллаха: спаслось столько людей, сколько хотел Аллах, и погибло тоже много по воле Аллаха. Пусть это не беспокоит господина генерала, так как у эмира население не считано и несколькими людьми больше или меньше никакого значения для эмира не имеет» [37].

Часто бывали в Бухаре и неурожайные, голодные годы. Так, зима 1870 г. была бесснежной. Арыки пересохли, поля остались необработанными. Отсутствие кормов

---

[34] ЦГИА УзССР, ф. 1 с/2, оп. 1, д. 160, л. 80.
[35] Д. Логофет, *В горах и на равнинах Бухары*, СПб., 1913, стр. 220.
[36] Там же, стр. 270.
[37] Д. Логофет, *Очерки Бухары*, СПб., 1909, стр. 82.

привело к массовому падежу скота. Разразился голод. Население Восточной Бухары, которое пострадало особенно сильно, начало уходить в западные районы страны, оказавшиеся в относительно лучшем положении.

Все эти многочисленные бедствия ухудшали и без того тяжелое положение угнетенных масс Восточной Бухары, которые выражали резкое недовольство правлением эмирской администрации и засильем местных феодалов. Это недовольство нередко перерастало в восстания. Наиболее крупным антифеодальным выступлением народных масс в последней четверти XIX в. было восстание Восе.

ГЛАВА IV

ВОССТАНИЕ ВОСЕ

В начале 80-х годов в Бухаре было неспокойно. Дипломатическая часть туркестанского генерал-губернаторства 4 декабря 1883 г. доносила начальнику генерального штаба Н. Н. Обручеву: «Эмир Сейид-Музаффар уже давно разошелся с национальной партией узбеков и окружил себя бывшими персидскими рабами, предоставив им все высшие государственные должности, чем оскорблял и вооружал против себя коренное население страны—узбеков, таджиков... Опираясь на персидскую партию, эмир сидит спокойно на престоле лишь благодаря внушаемому им страху и почти непрерывным жестоким репрессиям, при помощи которых он имел возможность подавить вспыхивавшее то здесь, то там недовольство народа». И далее: «при первой неудаче в стране вспыхнет революция, которая не пощадит ни эмира, ни его сына, наследного принца Сейид-Абдулла-Ахад-хана» [1].

Именно в этот период отдельные царские чиновники не раз поднимали вопрос о присоединении эмирата к России, но опасения обострить отношения с Англией, а также финансовые и административно-полицейские соображения удерживали русское правительство от ликвидации номинальной самостоятельности своего вассального владения. В этой связи представляет значительный интерес протокол особого совещания, состоявшегося 24 июня 1882 г. в Петербурге при непосредственном участии

[1] ЦГВИА, ф. ВУА/с, д. 588, л. 36.

министра финансов Бунге, начальника генерального штаба Обручева, министра иностранных дел Зиновьева. Горячим сторонником установления в Бухаре русской власти выступил туркестанский генерал-губернатор Черняев, который, анализируя внутреннее положение в эмирате, заявил: «Мы можем рассчитывать на сочувствие и содействие так называемой русской партии, которая состоит из земледельцев и торговцев и видит в русском владычестве надежный залог личной и имущественной безопасности. Они уже давно желают присоединения к России и, в случае внутреннего замешательства, непременно обратятся к нам с просьбой о водворении в Бухаре русской власти» [2]. Черняев указал также на экономические выгоды, которые, по его мнению, сулило царизму присоединение эмирата. В качестве первого шага к осуществлению своих предложений туркестанский генерал-губернатор считал необходимым «теперь же назначить в Бухару русского правительственного резидента, на обязанности коего лежало бы наблюдение за ходом политических событий с целью своевременного принятия с нашей стороны мер в случае беспорядков, а также и для постепенного подготовления бухарского населения к мирному переходу под русское владычество» [3].

Таким образом, замышляя ликвидацию эмирата, Черняев одновременно предусматривал использование царских войск для подавления народных восстаний в стране.

Однако участники особого совещания возражали против предложения генерала Черняева и рекомендовали «воздержаться от всякого шага, который мог бы впоследствии повести к изменению настоящих отношений». При этом утверждалось, что «существующий в среднеазиатских странах порядок вещей отличается вообще непрочностью, что сама своеобразность этих стран исключает, по большей части, возможность их переустройства и что поэтому... всякое изменение условий их существования является далеко не всегда желательным...» [4].

Мотивируя свой отказ от плана Черняева, участники особого совещания указывали также, что ввиду обшир-

---

[2] ЦГВИА, ф. ВУА, оп. 1, д. 93, л. 22.
[3] Там же, л. 23.
[4] Там же, л. 25.

ности территории эмирата его присоединение потребует значительных средств. К тому же «каждое действие наше, направленное к изменению настоящей среднеазиатской границы нашей, по плану, предложенному генерал-лейтенантом Черняевым, не замедлит вызвать сильную тревогу в Англии, которая не преминет усмотреть в изменении этом явное нарушение наших недавних миролюбивых уверений» [5]. Вывод о нецелесообразности непосредственного вмешательства во внутренние дела Бухары обосновывался также и соображениями фискального порядка. По-видимому, официальные представители царизма боялись, что они не смогут за счет доходов с вновь присоединенного края покрыть издержки по его «освоению». «Мы,— подчеркивалось в протоколе совещания,— едва ли будем в состоянии извлекать из бухарской территории те значительные финансовые средства, которые в настоящее время извлекают из нее эмиры при помощи деспотических мер и приемов, благодаря которым никто в Бухаре не уверен ни в целости собственной головы, ни в завтрашнем дне» [6].

Вместе с тем в протоколе рекомендовалось внимательно наблюдать за ходом событий в стране, чтобы своевременно признать эмиром того из «бухарских принцев, на стороне коего окажется большинство населения и который обяжется стать по отношению к России в положение, в котором находился его отец».

Многочисленные проявления недовольства населения эмирата вызывали беспокойство царских властей. Этим отчасти и объясняется, что «бухарский вопрос» в начале 80-х годов XIX в. неоднократно обсуждался в официальных кругах России. Не исключена возможность, что одной из причин, побудивших царское правительство к учреждению в 1885 г. императорского политического агентства в Бухаре, были крестьянские волнения, которые постоянно происходили в эмирате. Политическое агентство как официальный орган царской России установило более строгий контроль над Бухарой и в то же время помогало эмиру в подавлении народных движений.

Народные волнения наиболее часто происходили в Восточной Бухаре. Там в годы, непосредственно предшествовавшие восстанию Восе, эмир и его приближенные

[5] Там же, л. 26.
[6] Там же, л. 27.

действовали с особой жестокостью. В этом отношении «отличался» второй сын эмира, Тюра-джан. В одном из донесений на имя начальника главного штаба туркестанского генерал-губернаторства от 22 июня 1884 г. отмечалось: «В Кулябе, Хиссаре, Каратегине и Дарбазе хакимы, поставленные бухарским эмиром, поступают с населением весьма несправедливо, в особенности второй сын эмира Тюра-джан». Вот один из его поступков: по ту сторону Вахш-дарьи взыскивает зякет кулябский хаким, по другую сторону той же реки взимает подати Тюра-джан до самой Бухары, между тем все эти пункты подвластны одному правителю. Сам эмир, когда посещает Шахрисябз, требует от жителей их дочерей и жен и, продержав их у себя 5—10 дней, возвращает обратно. «Это оскорбляет жителей Шахрисябза, и народ готов лучше умереть, чем переносить пытки» [7].

В документах имеются сведения, показывающие, что как раз накануне восстания Восе обстановка в ряде бекств Восточной Бухары, в частности в Кулябе, Бальджуане, Дарвазе, была крайне напряженной. В донесениях из Бухары от 27 мая 1884 г. сообщалось, что сарбазы, которые предназначались к отправке в Чарджуй и Куляб, а также в Бальджуан и Дарваз и которые были задержаны на пути, ныне с разрешения эмира выступили к месту назначения [8]. Готовя переброску войск для «наведения порядка» в восточных районах, эмир мобилизовал много перевозочных средств. По данным каттакурганского уездного начальника, «по распоряжению эмира задержаны все арбы и верблюды в Бухаре для перевозки войск, выступивших к Гиссару с целью прекращения силой оружия возмущения (жителей.— *Б. И.*) на почве нежелания гиссарцев платить подать. И что для этой цели эмир лично предполагал выехать туда» [9].

Недовольство с каждым днем охватывало все новые районы Восточной Бухары, в частности Каратегин и Дарваз. Эмир направил туда войска во главе с наиболее доверенными лицами, усердие которых он подогревал крупными подарками и пожалованиями чинов. Начальник Самаркандского отдела сообщал начальнику Зеравшанского округа 19 июля 1884 г.: «Бухарский эмир за последнее

---

[7] ЦГВИА, ф. ВУА/с, д. 590, л. 16.
[8] Там же, л. 23.
[9] ЦГИА УзССР, ф. 22, оп. 1, д. 112, л. 16.

время произвел многих сановников в высшие чины и назначил их в бекство. Некий батальонный командир Абдул-Халил-Шир-Али-бек *пожалован в парвоначи и отправлен* с отрядом в 2000 сарбазов в Дарваз» [10].

Необходимо отметить, что переброска в Дарваз столь значительного по местным масштабам отряда была вызвана не только угрозой восстания населения, но и агрессивными планами афганского эмира Абдуррахман-хана, *сосредоточившего в то время войска в* Запянджском Дарвазе.

* * *

Народное восстание, возглавляемое Восе, в первую очередь было направлено против жестокой и невыносимо тяжелой эксплуатации крестьянских масс эмиром, чиновниками и местными феодалами.

Оно началось в одном из наиболее отдаленных районов Восточной Бухары, в Бальджуанском бекстве, где эмирская администрация, пользуясь полной бесконтрольностью, особенно злоупотребляла властью, творя произвол и насилия над трудовым населением. По сведениям Шоаншоева, в начале 80-х годов в Бальджуан был назначен новый бек, который сразу же после прибытия наложил на население дополнительные подати. Зякет был увеличен вдвое. Каждое хозяйство должно было в обязательном порядке поставлять беку по куску бязи и т. д. В летнее время крестьян обязали дополнительно безвозмездно работать при дворе бека, амлякдара, раиса и др.[11]. Все это вызвало незадолго до восстания Восе возмущение широких масс Бальджуана, которые возглавил бедняк Мулла Хала. Оно было жестоко подавлено эмирскими властями.

Тяжелое положение крестьян Бальджуана усугублялось гибельным нашествием саранчи из Афганистана, совершенно опустошившей крестьянские посевы. В донесении от 13 мая 1881 г. туркестанскому генерал-губернатору сообщалось: «В Бальджуанском бекстве, во владениях... эмира, уже несколько лет держится саранча, и для уничтожения ее не принимается никаких мер» [12].

---

[10] Там же.

[11] Шоаншоев, *Шуриши Восе* (журн. «Борои адабиети социалисти», 1936, № 1), стр. 17.

[12] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1, д. 548, л. 5.

По данным, приведенным в книге Б. Г. Гафурова, в начале 80-х годов Кулябская и Бальджуанская долины пострадали от засухи, а в 1884 г. посевы на территории Бальджуанского бекства были полностью уничтожены залетевшей из Афганистана саранчой [13].

1885 г. был первым урожайным годом после продолжительного недорода, и крестьяне рассчитывали поправить свое хозяйство. Но и местные бухарские власти в свою очередь возлагали большие надежды именно на этот год. С одной стороны, они хотели взыскать с населения недоимки прошлых лет, а с другой—лично поживиться за счет крестьянского урожая. Поэтому они поспешили к началу уборки предъявить населению требование о покрытии накопившегося долга. Выполнение их требования фактически означало отдачу почти всего урожая эмиру и его чиновникам.

Это явилось непосредственным поводом к восстанию. Жители амлякдарства Хавалинг отказались от уплаты недоимок. Между чиновниками и населением произошло столкновение; эмирский зякетчи был убит. Вспыхнуло восстание, направленное против бухарских властей, местных беков, амлякдаров и других угнетателей.

Документальных сведений о руководителе восстания очень мало. Однако при помощи данных, сохранившихся в памяти народа, можно в известной степени восстановить его биографию. Абдул-Восе, широко известный в народе как Восе [14], был сыном бедного крестьянина по имени Белак из кишлака Хулов, находившегося в Хавалингском амлякдарстве. Кишлак этот расположен в высокогорной местности, жители его большей частью занимались отходничеством, так как собранного урожая им далеко не хватало для пропитания. Рассказы местных старожилов свидетельствуют о том, что многие батраки, работавшие в Кулябе, Бальджуане и других бекствах, были выходцами из Хулоза. По имеющимся сведениям, вождь восстания Абдул-Восе, дехканин-бедняк, зимой работал на маслобойнях в Хавалинге, где постоянно об-

[13] Б. Г. Гафуров, *История таджикского народа в кратком изложении*, т. I, М., 1955, стр. 450.

[14] В литературе и среди местных жителей распространено и другое его имя — Мулла Восич. В беседе со стариком Кулябской области — Садыковым Якубом и другими автору удалось выяснить, что народ питал глубокое уважение к своему вождю и потому величал его муллой.

щался с населением соседних районов. Общительный по характеру, отзывчивый к чужому горю, он пользовался любовью и уважением крестьян.

В рассказах стариков содержатся многочисленные сведения о восстании Восе, и ход его может быть восстановлен со значительной степенью достоверности [15]. Первоначально поднялись крестьяне кишлака Баландсари (Хавалинг). Горы в его окрестностях, известные под названием сурсаков, прикрывали от внезапного нападения эмирских сарбазов. Отсюда Восе разослал гонцов в другие кишлаки, призывая население к восстанию. Сигналом к его началу служили многочисленные костры, горевшие в течение нескольких дней в Баландсари. Вскоре к Восе присоединились жители кишлаков Сары-Хасар, Махмуд-даре, Зувайли, а также часть жителей Кулябского бекства.

Разгромив в Хавалинге дома местного амлякдара и других чиновников, повстанцы направились к Бальджауну. Тем временем весть о восстании распространилась среди населения Кзыл-мазора, Кангурта и др. К крестьянам присоединялись новые отряды. Но восставшие все-таки надеялись договориться с беком, засевшим в Бальджуанской крепости, и отправили к нему представителей с просьбой отменить приказ о взимании податей за прошлые годы. Однако бек, впустив посланцев в крепость, приказал задержать их и приговорил к казни. Затем он направил к повстанцам ишанов и мулл, которые, призывая к покорности и исполнению требований бека, старались задержать их продвижение к Бальджуану. Но крестьяне, обращая мало внимания на ишанов и мулл, продолжали двигаться вперед.

Тем временем бек, получив значительные подкрепления, подготовился к отпору и со своими солдатами выступил навстречу крестьянам.

Первое столкновение произошло около кишлака Туткози, в 25 *км* от Бальджуана. Эмирские сарбазы под натиском крестьян отступили. Наиболее крупная схватка, в ходе которой был убит начальник бухарского отряда Алияр, произошла в базарный день недалеко от киш-

---

[15] Рассказы были записаны автором в 1954 г. в Кулябе, Муминабаде, Пархаре и Кзыл-мазоре; использованы также записи бесед с крестьянами, сделанные Шариф-заде, который любезно разрешил ознакомиться со своей неопубликованной рукописью.

лака Ходжа-Булбулон. После этого восставшие, окончательно сломив сопротивление бекских солдат, ворвались в Бальджуанскую крепость и освободили уцелевших посланцев. Захваченное оружие и продовольствие крестьяне поделили между собой и расположились в крепости. Бек с остатками войск бежал в Кангурт.

Весть о поражении и бегстве бека быстро разнеслась по окрестностям и всколыхнула народные массы далеко за пределами Бальджуана. К повстанцам стали прибывать все новые и новые силы из дальних кишлаков, а также из Кулябского бекства.

Восе, захватив крепость, не сумел вполне оценить создавшуюся обстановку. Амлякдары и чиновники, которые попали в руки восставших, ради своего освобождения старались уверить крестьян, что их требования будут полностью удовлетворены. К тому же Восе прислушивался к голосам «попутчиков», из личных соображений примкнувших к повстанцам, будучи недовольны беком. Поддавшись их влиянию, Восе не смог удовлетворить крестьянские требования о конфискации земель крупных землевладельцев. В то же время восстание было слабо поддержано населением других районов, что также, несомненно, способствовало его подавлению.

Между тем бальджуанский бек отправил гонцов в Бухару, Каратегин, Куляб и Гиссар с просьбой о помощи. По приказу эмира к нему были направлены войска могущественного гиссарского бека Астана-кула куш-беги. Получив подкрепления, а также использовав бежавшие к нему байские элементы из охваченных восстанием районов, бек двинулся на Бальджуан.

В жестоком сражении хорошо вооруженным бухарским войскам удалось одержать победу над восставшими и захватить Бальджуанскую крепость. Восе пришлось отступить к Кангурту. Взяв его и собрав значительные силы, Восе вновь направился штурмовать бекскую твердыню—Бальджуанскую крепость. После непродолжительной схватки крепость опять была занята восставшими. Бек со своими сарбазами бежал в район Кзыл-мазора.

По данным Шоаншоева, как раз в то время Восе отправил отряд во главе с крестьянином Назимом в кишлак Нурек с заданием разрушить мост Пули Сангин и преградить путь наступавшим гиссарским войскам. Но

уничтожив мост, Назим не смог воспрепятствовать переправе бухарских солдат в других местах [16]. К тому же в районе Туткауль, недалеко от Пули Сангина, после стычки с эмирскими войсками отряд Назима был разбит. Это во многом облегчило быстрое продвижение гиссарских сил и дало им возможность внезапно напасть на крестьян, засевших в Бальджуане.

Восе потерпел поражение и отступил по направлению Кзыл-мазора, оказывая упорное сопротивление продвижению бухарских войск. Однако он опять был разбит и бежал в высокогорные районы Хавалинга в надежде собрать новые силы для борьбы. Бек преследовал Восе, не давая ему передышки. При отступлении в постоянных стычках повстанцы потеряли значительное число людей убитыми и захваченными в плен. Для окончательного подавления восстания в ход было пущено все: пытки, подкуп, обман, провокация и другие средства, способствовавшие захвату сторонников Восе. С ними бек беспощадно расправлялся. Лишь в течение одного дня в Бальджуане было казнено более 40 человек.

По сведениям Шоаншоева, из Кулаба в Бальджуан был направлен некий Тогои, в прошлом разбойник, которому кулябский бек разрешил сформировать отряд для расправы с восставшими. Феодалы-кочевники, претендовавшие на лучшие пастбищные угодья, также сочли момент наиболее удобным для сведения счетов с «непокорным» земледельческим населением, получив на это полное одобрение со стороны эмирских военачальников.

Все это ускорило подавление восстания. Сам Восе и некоторые близкие к нему были предательски захвачены и выданы бухарским палачам, затем закованы в кандалы и брошены в тюрьму бальджуанского бека. Последний, страшась нового крестьянского восстания и возможного освобождения Восе, поспешил отправить его к гиссарскому Астану-куду, а тот препроводил Восе под сильной охраной в Бухару.

В дошедшем до нас документе, проливающем свет на этот заключительный эпизод крестьянского восстания,— донесении гиссарского Астана-кула эмиру говорится: «Да стану я жертвой благословенной руки высокого господина моего. От имени могущественного государства, высо-

---

[16] Шоаншоев, *Шуриши Восе*, стр. 33.

кого государя моего, этот раб, принимая предосторожности, отправил в высокое правительственное установление неблагодарного Абдула-Восе бальджуанского, вместе с ним ишана Абулхакк-ходжу сохиб-зода, Муллабая туксабу, Ходжу-Мурада мирахура, Курбана караулбеги и еще двух ваших рабов. Я есть невежественный раб. О боже, да пребудет господин мой всегда здрав и благополучен!» [17].

В этом официальном документе обращает на себя внимание следующее обстоятельство. На оттиске печати гиссарского куш-беги на лифоре (бумажная трубочка, в которую вкладывалось донесение) имеется дата 1305 (год хиджры), соответствующий 1887—1888 гг. Это указывает на то, что печать куш-беги была употреблена не раньше этой даты, обозначающей год вступления Астана-кула в должность. Из этого следует, что Астан-кул куш-беги мог отправить Восе в Бухару только после 1887—1888 гг. Следовательно, мы должны допустить одно из двух: или восстание Восе было не в 1885 г., как считалось до сих пор, а позже по крайней мере года на полтора-два, или же это восстание длилось примерно до 1887 г.

Из донесения явствует, что вместе с Восе к эмиру направлялись и другие лица, среди них даже ишан—Абдулхакк-ходжа сохиб-зода (так в Бухаре называли потомков известного индийского шейха Ахмеда Серхинда, «обновителя второго тысячелетия», который умер в 1625 г.). Не совсем понятно для нас, кем были эти люди — свидетелями деятельности народного вождя Восе или представителями гиссарского куш-беги. Судя по документам, можно лишь предполагать, что указанные лица из числа бухарских феодалов скорее всего только сопровождали Восе.

Рассказывают, что эмирские чиновники старались широко оповестить народ о том, что захвачен Восе, а на пути в Бухару они жестоко издевались над ним. Однако крестьянский вождь вел себя мужественно и гордо. Население выходило навстречу, чтобы выразить ему свое уважение. Судя по некоторым показаниям, Восе подвергли невероятным пыткам и истязаниям, после чего его

---

[17] Этот документ был предоставлен автору проф. А. А. Семеновым.

вместе с ближайшими помощниками казнили в городе Шахрисябзе в присутствии эмира.

Крестьянское восстание, руководимое Восе,—наиболее крупное выступление народных масс не только в Восточной Бухаре, но и в эмирате в целом. Движущей силой восстания были крестьяне, доведенные почти до полного разорения эмирскими властями.

Образ Восе — руководителя крестьянских масс и поныне живет в памяти народов Восточной Бухары. Недаром многие из стариков ведут счет своим годам от начала восстания. В местном фольклоре сохранились песни о Восе — герое таджикского народа:

Он сказал — и восстал факир,
И за горло взят байский эмир,
И как лист задрожал эмир.
Против мрачных тяжелых дней
Вел Восе урагана сильней
И бойцов и лихих коней[18].

В ходе подавления восстания погибло много посевов, скота, ряд деревень был разорен и разграблен бухарскими войсками. После подавления восстания только из Бальджуана и Куляба было вывезено много денег, для доставки которых в Бухару потребовалось 14 верблюдов. Эти деньги были конфискованы у тех, кто участвовал в восстании или сочувствовал ему. Все это способствовало еще большему ухудшению экономического положения страны.

Расчеты эмира на то, что казнь руководителя восстания обеспечит общее «успокоение страны», не оправдались. Непрекращающиеся злоупотребления бухарских чиновников вызвали новые народные волнения.

В конце июня — начале июля 1888 г. произошли волнения горцев племени лакай, которые убили бухарского сборщика налогов и сопровождавших его лиц. Ферганский военный губернатор сообщил относительно этого туркестанскому генерал-губернатору: «Только что прибывшие из Каратегина торговцы рассказывали об убийстве в Бальджуане закетчи следующее: каратегинский бек, по приказанию эмира, послал одно почетное лицо в кишлак Хавалинг и, собрав старших людей, потре-

[18] «Гулистон», Сборник стихотворений поэтов Таджикистана, Сталинабад, 1939, стр. 23—24.

бовал взноса закота (здесь налогов.— *Б. И.*), но старшины ответили, что народ не имеет денег, а поэтому просит принять закот скотом» [19]. Закетчи на это не дал согласия, так как не получал приказания взимать подати скотом, тогда собравшиеся жители стали угрожать ему и, наконец, убили его [20].

Это событие в другой редакции подтверждается в донесении политического агента в Бухаре камер-юнкера Чарыкова на имя туркестанского генерал-губернатора от 7 июля 1888 г. Он писал: «По доставленным разведчиком сведениям, горцы племени лакаев убили в Бальджуане туксабу, посланного туда эмиром бухарским для собирания зякета, и трех или четырех солдат» [21]. Затем, как отмечалось в донесении того же Чарыкова, население ушло в горы, а оставшиеся в живых бухарские чиновники сообщили об этом бальджуанскому саркерде (командующему войсками бекства) и просили о срочной посылке солдат.

Положение в Бальджуане в рассматриваемое время стало настолько тревожным, что сам эмир летом 1888 г. специально приезжал к Карши, откуда направил тупчибаши Акрам-бека (главнокомандующего бухарскими войсками) «с одной тысячью сарбазов и двадцатью амлякдарами (в данном случае военачальники. — *Б. И.*), ...в Борджуан (Бальджуан. — *Б. И.*), где племя локай возмутилось» [22].

Одновременно такое же войско было направлено в Дарваз. Следовательно, восстание крестьян во главе с Восе оказало определенное влияние и на население Дарваза, где, вероятно, также вспыхнуло возмущение.

Характерно, что в этот период волнения охватили не только Бальджуан, Дарваз, но и Куляб, Каратегин и даже Гиссар — словом, почти всю Восточную Бухару.

По сведениям, поступившим из Бухары 14 июля 1888 г., «тысяча человек сарбазов из Шахрисябза двинулась в Хиссар [23]. Согласно донесению политического агента в Бухаре от 3 августа 1888 г. во время пребывания эмира в Шахрисябзе гиссарский Астан-кул куш-

---

[19] «Коммунист Таджикистана», 1941, 15 мая.
[20] Там же.
[21] ЦГИА УзССР, ф. 19, оп. 1, д. 12398, л. 1.
[22] ЦГВИА, ф. ВУА, коллекция 483 д. 132, л. 28.
[23] Там же, л. 26.

беги срочно выступил с войсками в Дарваз и Бальджуан для подавления восстаний. Тысячи сарбазов были отправлены эмиром из Карши в Гиссар [24], где, по-видимому, также было далеко не спокойно.

По данным политического агента, в Хавалинге произошла жестокая схватка между войсками и населением, причем с обеих сторон были раненые и убитые.

Лишь после этого гиссарскому Астана-кулу куш-беги при поддержке вновь назначенного в Бальджуан бека Абдул-Кадыра удалось арестовать 130 человек из числа недовольных и отправить их «в Шахрисябз к его высокостепенству, покорив все население, которое отложилось» [25].

* * *

Таким образом, после казни Восе крестьянские волнения продолжались, причем в ряде случаев они достигали такого размаха, что для их подавления требовалось большое количество войск.

В период восстания Восе и после него усилилось стремление трудящихся эмирата, страдавших от невыносимого гнета, к присоединению к России.

В этот период жители Восточной Бухары неоднократно обращались к представителям царской администрации в Туркестане с просьбой принять их в русское подданство.

В рапорте самаркандского уездного начальника подполковника Арандаренко военному губернатору Ферганской области от 11 ноября 1887 г. говорится, как матчинский волостной правитель доносил, что жители Куляба, Дарваза и Каратегина выведены из терпения жестоким обращением и постоянными притеснениями бухарской администрации. Они посылали своих представителей в Фергану с ходатайством о принятии в подданство России [26]. Царский офицер Джиджихия, служивший в начале XX в. в пограничных частях восточных районов эмирата, писал: «Часто наблюдались случаи, когда по вечерам собирались жители кишлаков и говорили только о том, когда наступит час присоединения к России».

---

[24] ЦГИА УзССР, ф. 19, оп. 1, д. 12 398, л. 1.
[25] ЦГВИА, ф. ВУА, коллекция 483, д. 132, л. 63.
[26] ЦГИА УзССР, ф. 2/с, оп. 1, д. 8, л. 294.

И далее: «Один из проводников, Ишан-ходжа, лет 45—50, наиболее близкий человек к амлякдару, не бедный, очень толковый, казался во всех отношениях преданным правительству Бухары. Но каково же было мое удивление, когда, в присутствии другого проводника и поселян, начал ругать эмира, его приближенных и наследника эмира за то, что они только и требуют от народа денег, не желая знать, откуда народ их будет выплачивать. Говоря о судьях, Ишан-ходжа указывал на большие беззакония с их стороны и тут же, в присутствии всех, высказал сожаление, что русские медлят и не ставят своих представителей на место бухарских. При этом не стеснялся употребить выражение: бухарское правительство следует стереть с лица земли» [27].

---

[27] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 1. д. 251, л. 115.

ГЛАВА V

БУХАРО-АФГАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ

В результате второй англо-афганской войны 1878—1880 гг. Великобритании удалось превратить Афганистан в зависимое государство, лишив его права дипломатических отношений со всеми государствами, кроме Индии. Эти тяжелые условия вынужден был принять афганский эмир Абдуррахман-хан (1880—1901), получивший престол из рук англичан, которые передали ему оккупированный их войсками Кабул, признали его эмиром, оказали помощь вооружением и снаряжением и стали выплачивать ежегодно крупную субсидию. Однако Абдуррахман-хану удалось в значительной мере сохранить самостоятельность во внутренних делах, добившись отказа англичан от назначения в Кабул своего резидента, что предусматривалось кабальным Гандамакским англо-афганским договором 1879 г.

Международное положение Афганистана в тот период определялось соперничеством царской России и Англии.

Внешняя политика Абдуррахман-хана была направлена на сохранение независимости государства путем использования англо-русских противоречий. Англичане, отвлекая эмира от борьбы за пограничные с Индией области, населенные. афганцами, побуждали его к захвату пограничных районов Бухары и Памира. Рассчитывая использовать Афганистан в войне против России, они поставляли Абдуррахман-хану оружие и снаряжение, помогли ему построить арсенал в Кабуле и увеличили денежную субсидию. Используя эту материальную помощь

и усилив армию, Абдуррахман-хан при поддержке Англии укрепил свое положение на троне и расширил границы своих владений на севере. Однако эмир, хотя и шел в ряде случаев на ухудшение отношений с Россией, но делал это очень осторожно, не давая втянуть себя в войну с нею за английские интересы.

Царское правительство в тот период было особенно заинтересовано в укреплении связей с высшими кругами Бухары, вследствие того что в начале 80-х годов (в значительной степени в связи с болезнью Музаффар-хана) в эмирате усилилась враждебная России деятельность, которая находила поддержку в Афганистане. В сообщении самаркандского уездного начальника Арандаренко в ноябре 1883 г. говорилось, что «слухи о серьезной болезни бухарского эмира возбудили со стороны мятежного сына эмира Абдул-Малика (Катта-Тюра.— *Б. И.)* усиление наблюдения за положением дел в Бухаре» [1].

Это не было случайностью. Абдул-Малик не терял надежды овладеть бухарским престолом с помощью афганцев или англичан. Для достижения этой цели он пытался опереться на наиболее враждебные царизму лица. К ним следует прежде всего отнести многих представителей бухарского духовенства, которое с самого начала выступило ярым противником присоединения эмирата к России. В записке «О событиях в сопредельных с Туркестанским краем владениях» указывалось: «О Катта-Тюре ходят слухи, что он не перестает надеяться на занятие бухарского престола... бухарские мулы втихомолку от эмира посылали к нему своего человека для того, чтобы, в случае смерти эмира, он был наготове успеть зовремя прибыть в столицу» [2].

Абдуррахман-хан нередко пытался вмешиваться во внутренние дела эмирата, используя эмигрировавших в Афганистан претендентов на бухарский престол и на должности беков Восточной Бухары.

В упоминавшемся выше сообщении далее говорилось, что «с Катта-Тюрой Абдуррахман-хан, действительно, имеет сношение, вызываемое враждой к его отцу эмиру Музафару» [3].

---

[1] ЦГВИА, ф. ВУА, отд. 2, д. 6954, л. 134.
[2] ЦГВИА, ф. 400, д. 1, л. 22.
[3] Там же.

Отчасти это объясняется тем, что бухарский эмир недоброжелательно отнесся к Абдуррахман-хану во время поездки последнего в русский Туркестан. При возвращении Абдуррахман-хана в Афганистан он задержал в Бухаре сопровождавших его лиц. По этому поводу в цитированном выше документе сообщалось: «Абдуррахман-хан, желая вырвать из рук бухарского эмира своих любимцев силой, поклялся... что, отдохнув после Гератского похода, он пойдет войной на Бухару и, приготовившись в настоящее время к этому походу, он, как говорят, уже идет к Таш-кургану» [4].

Но основная причина, побуждавшая Абдуррахман-хана выступить против эмира Бухары, заключалась в стремлении расширить свои границы на севере за счет владений бухарского эмира. По-видимому, Абдуррахман-хан считал подходящим временем для проведения в жизнь таких планов 80-е годы, когда в связи с возросшим недовольством населения и особенно с восстанием Восе обстановка в Бухаре (главным образом в восточных бекствах) значительно осложнилась, а англо-русские противоречия достигли наибольшей остроты.

Абдуррахман-хан не раз делал попытки захватить Запянджский Дарваз. Об этом сообщал туркестанскому генерал-губернатору капитан Покотило, посланный в 1886 г. для обследования Запянджского Дарваза. Он доносил, что «афганцы неоднократно делали попытки завладеть очерченной территорией, подчинив ее власти правителей Бадахшана. Последняя из попыток в этом роде была предпринята в смутные для бухарского правительства дни болезни и смерти покойного эмира Музаффара, которая, впрочем, кончилась вполне миролюбиво — соглашением пограничных беков и верховного правительства нынешнего эмира на левобережном участке Пянджа...» [5].

Туркестанский генерал-губернатор Черняев еще в отношении к военному министру от 12 декабря 1883 г. из Ташкента писал: «Только что получил донесение начальника Зеравшанского округа. В Самарканде разнесся слух о занятии Сары-ханом (бывшим кулябским беком. — *Б. И.*) при помощи афганцев Гуляба и Бальджуана, о

---

[4] Там же, л. 23.
[5] ЦГИА УзССР, ф. 2 с/3, оп. 1, д. 26, л. 2.

выступлении из Бухары в Ширабад отряда под начальством последнего принца (Тюра-джана. — *Б. И.*)... я обращаюсь с заявлением в третий раз, что положению нашему в Средней Азии грозит серьезная опасность... судя по враждебным противным нам действиям Англии в Средней Азии... в ожидании ответа приказал генералу Иванову (самаркандскому военному губернатору. — *Б. И.*), если слухи подтвердятся, двинуть немедленно два батальона с батареей в Катта-Курган для нравственной поддержки эмира, которым население недовольно, и в случае дальнейших успехов афганцев в Бухаре, может произойти переворот в пользу английского кандидата Катта-Тюре...»[6].

Черняев, по-видимому, преувеличивал опасность вторжения афганских войск в Восточную Бухару. Но вряд ли можно отрицать, что эмир Абдуррахман-хан, поддерживаемый англо-индийскими властями, рассчитывал на некоторые приобретения на границах и в благоприятной для него обстановке мог пойти на вмешательство в дела Бухары.

Военная подготовка проводилась афганским правительством весьма активно.

Для противодействия попыткам Англии и Афганистана укрепить свое влияние в Бухаре и привлечения эмира на сторону России царское правительство в 80-х годах стало посылать в Бухару видных русских офицеров. Кроме того, после смерти эмира Музаффар-хана, в связи с приездом в Петербург бухарских послов во главе с Астаном-кулом куш-беги, царское правительство, стремясь опереться на нового эмира Абдул Ахад-хана (1885—1910), наградило его и ряд бухарских чиновников орденскими знаками. Сам эмир получил орден Анны I степени, Астан-кул куш-беги — орден Станислава II степени.

После присоединения в 1884 г. Мервского оазиса к России ее границы подошли вплотную к Афганистану. Правительство Великобритании было сильно встревожено занятием Мерва и дальнейшим продвижением царских войск на юг и стремилось сделать все возможное, чтобы помешать этому. Весной 1885 г. англичанам удалось спровоцировать вооруженное столкновение между русскими

[6] ЦГВИА, ф. ВУА/с, д. 588, л. 99—100.

и афганскими войсками. Снабдив афганцев оружием и направив в Герат офицеров, англичане добились от эмира Абдуррахман-хана отправки в долину р. Кушка десятитысячного афганского отряда, активную помощь которому должен был оказать состоявший из тысячи человек отряд британского генерала Лемсдена. 18 марта 1885 г. при Таш-Кепри произошло сражение между русскими войсками под командованием генерала Комарова и войсками Абдуррахман-хана. Афганцы сражались храбро, но не смогли устоять перед превосходством в артиллерии и воинской выучкой русских, потерпели поражение и понесли значительные потери. Присутствовавшие при этом (*но не принимавшие участия в сражении*) английские офицеры, в том числе и генерал Лемсден, бросив афганцев на произвол судьбы, бежали еще до того, как окончательно определился исход боя.

Несмотря на это поражение, летом 1885 г. отряд афганцев, насчитывавший более тысячи человек, по приказу Абдуррахман-хана пытался захватить пограничную кулябскую крепость Саяд на том основании, что эта крепость некогда принадлежала Афганистану. Хотя кулябский бек Абдул Кадыр-бек с помощью войск гиссарского и бальджуанского беков сумел удержать крепость и отразить натиск противника, тем не менее факт этот заслуживает внимания как пример агрессивной политики подстрекаемого англичанами афганского эмира.

В сообщении от 14 декабря 1885 г. из Нагорного района, полученном начальником Зеравшанского округа, содержатся данные, показывающие, что бежавшие в прошлом в Афганистан крупные бухарские феодалы, ободряемые политикой Абдуррахман-хана в отношении Бухары, активизировали свои попытки вернуть себе прежнее положение в эмирате. В сообщении говорилось: «По дошедшим слухам из Каратегина, имеются сведения, что в Кулябе в настоящее время собрались пособники Сейид-Малик-хана, сына бывшего бухарского эмира (Музаффара-хана.—*Б. И.*), бывший кулябский бек Сарихон, Абдул-Керим-хан, происходящий из рода кокандских ханов, а также бывший ура-тюбинский и матчинский бек Абдул-Гафар-бек и проводят между собой частые совещания. Предмет этих совещаний держится в секрете, а между тем есть сведения, что цель, которую преследуют эти лица, — агитация в пользу старшего сына быв-

шего эмира»[7]. При этом Сари-хан рассчитывал завладеть Кулябским бекством, а Абдул-Гафар-бек—бывшим Матчинским бекством, входившим в то время в состав Самаркандской области.

Англичане пытались использовать создавшуюся обстановку, чтобы ухудшить отношения между русскими и афганцами.

В то время противоречия между Англией и Россией резко обострились. В. И. Ленин характеризовал сложившуюся тогда вследствие соперничества этих держав в Средней Азии обстановку так: «1885 г. Россия на волосок от войны с Англией. Грабят («делят») Среднюю Азию (Россия и Англия)»[8].

Военный губернатор Ферганской области доносил туркестанскому генерал-губернатору 16 мая 1886 г. о концентрации афганских войск в Шугнане и о том, что «в Калькутте был собран совет с представителем английской королевы в Индии, Абдуррахман-ханом, Катта-Тюре и Абдул-Карим-беком. На этом совещании было решено с помощью англичан и афганцев помочь Катта-Тюре занять Бухару, а Абдул-Карим-беку — возвратить Кокандское ханство»[9].

Абдуррахман-хан, подстрекаемый и поддерживаемый англичанами, хотел использовать влияние Ката-Тюра, чтобы посадить своего ставленника на бухарский престол и захватить пограничные районы эмирата. Англичане же стремились обострить отношения между Россией и Афганистаном.

В 1886—1887 гг., когда обстановка в Восточной Бухаре в связи с восстанием Восе продолжала оставаться очень напряженной, Абдуррахман-хан разослал по округам специальную инструкцию, в которой говорил о необходимости подготовки похода в Туркестан, имея в виду, несомненно, территорию Восточной Бухары. В донесении «Сведения из Бухары» от 22 января 1887 г. сообщалось: «Афганский эмир Абдуррахман-хан разослал письма и приказания быть всем готовым, объявив, что в этом году он предпримет поход против русских. При этом в названных трех владениях (Герате, Маймане и Черви-

---

[7] ЦГИА УзССР, ф. 5, оп. 1, д. 1616. л. 276.

[8] В. И. Ленин. *Тетради по империализму*, Госполитиздат, 1947, стр. 620.

[9] ЦГИА УзССР, ф. 2 с/3, оп. 1, д. 5, л. 74.

лаете) приказал теперь же произвести заготовку продовольственных припасов» [10].

Сведения эти подтверждались и купцами, прибывшими с чаем и шелком из Афганистана в Бухару. Они рассказывали: «Абдуррахман-хан, начиная с Бадахшана и кончая Мазари-шерифом, Маймане и Гератом, разослал всем начальникам письма, поручая теперь же заготовлять продовольственные припасы, так как после нового года, с наступлением времени для жатвы пшеницы, он предпримет сражение с русскими» [11].

Но бряцавшая оружием империалистическая Англия не имела готовых к выступлению союзников в Европе, опасалась за господство над Индией, где нарастало сильное движение против британского колониального владычества. Царская Россия также не была готова к войне на Среднем Востоке. Кризис в англо-русских отношениях был ликвидирован дипломатическим путем, и угроза войны миновала. В 1887 г. по «афганскому разграничению», проведенному английскими и русскими представителями, была определена граница между владениями России в Туркмении и Афганистаном, признанная Абдуррахман-ханом.

Все же и после этого Абдуррахман-хан еще в течение нескольких лет продолжал попытки хотя бы частично провести в жизнь планы в отношении Бухары.

Военный губернатор Самаркандской области доносил в 1888 г. туркестанскому генерал-губернатору: «Один торговец, приехавший 21 минувшего июля из Кафарнигана Хиссарского бекства, сообщил матчинскому волостному управителю Самаркандского уезда, что два значительных отряда — один под начальством Сейид-Абдул-Малика, другой—Абдул-Гафара, сына Сари-хана, заняли Кулябское бекство. В настоящее время отряд Абдул-Малика находится в местности Туткаула, а Абдул-Гафара — у моста Пули-Норак. Хиссарские же войска расположились у соляной копи (тузкоп). Между ними, будто бы, произошло несколько стычек, причем из бухарцев убиты: Халим-мирахур, Азим-мирахур, Мухаммед-Раджаб-ильбеги и, кроме того, несколько человек Саркада и должностных лиц» [12].

---

[10] ЦГИА УзССР, ф. 2/с, оп. 1, д. 7, л. 38.
[11] Там же, л. 45.
[12] ЦГИА УзССР, ф. с/3, оп. 1, д. 12, л. 104.

Дипломатический чиновник туркестанского генерал-губернаторства в свою очередь сообщил 8 августа 1888 г. политическому агенту в Бухаре камер-юнкеру Чарыкову, что отряды Абдуррахман-хана вторглись в пределы Восточной Бухары.

За неимением других документов трудно полностью доверять таким сведениям, но автору в личной беседе со стариками в Кулябской области осенью 1954 г. удалось выяснить, что они имеют известное основание. Так, Садыков Якуб рассказал, что он помнит, как старики его кишлака часто по вечерам собирались в мечети и говорили о стычке, которая произошла между войсками кулябского и бальджуанского беков с отрядом Сари-хана в кишлаке Ак-Булак Бальджуанского бекства.

Таким образом, все происки в отношении Восточной Бухары не увенчались успехом. Большое значение имело наличие там русских пограничных войск.

Опираясь на помощь и поддержку войск царизма, эмир сумел закрепить за собой Восточную Бухару и обезопасить свою территорию со стороны Афганистана.

* * *

Абдуррахман-хан, установивший в своей стране деспотический режим, жестоко обращался с подданными, особенно в северных пограничных районах. Желая пресечь сношения местного населения с жителями правобережных районов Аму-дарьи, Абдуррахман-хан приказывал выселять их в глубь территории Афганистана, ввиду чего многие искали выхода в бегстве в Туркестан или Бухару. Поэтому в последней четверти XIX в. участились случаи переселения жителей из соседних со Средней Азией районов Афганистана в пределы эмирата.

Шугнанский бек Ишан-кул рассказывал английскому путешественнику Коббальту, что в 1898 г. в Бухарский Дарваз переселилось четыре тысячи семейств бадахшанских таджиков, а за предшествующее десятилетие — 25 тысяч семейств. Конечно, бухарские чиновники преувеличивали число беженцев, но тем не менее эти данные показывают, что в то время происходили значительные передвижения населения. Следует также отметить, что жители пограничных районов Афганистана, а особенно Запянджского Дарваза, отошедшего к Афганистану

по «афганскому разграничению» 1895 г., нередко открыто выступали против произвола афганского эмира и его чиновников. Так, политический агент в Бухаре, на основании донесения гиссарского бека от 20 августа 1897 г., сообщал туркестанскому генерал-губернатору «относительно вспыхнувшего в Запяджском Дарвазе поголовного восстания и стычки между жителями и афганскими (войсками. — *Б. И.*). Причем, со стороны первых было убито ... 300 человек, а последних — 50» [13].

Более подробные сведения об этом факте содержались в письме от 6 ноября 1897 г. туркестанского генерал-губернатора к Н. Н. Обручеву: «... жители Запянджского Дарваза не признавали афганское подданство и в кишлаке Нусай арестовали 40 афганцев, прибывших делать набор в солдаты» [14]. Враждебно встретив представителей бадахшанского правителя (джарнейля) и арестовав их, жители Запянджского Дарваза, защищаясь от эмирских войск, поставили в наиболее уязвимых местах около 500 человек, чтобы преградить путь наступавшим афганцам. Однако плохо вооруженные повстанцы под натиском войск эмира были вынуждены отступить, тем самым дав им возможность ворваться в страну. Бадахшанский джарнейль с помощью присланных из Кабула вооруженных сил жестоко подавил восстание и наложил на население непосильную контрибуцию. О последнем донес бухарскому эмиру в сентябре 1897 г. дарвазский бек Мирза-Юлдаш-бий: «Раньше жители Запянджского Дарваза уплачивали (подати. — *Б. И.*) по древнему обычаю Вашего Высочества... В настоящее время афганцы, под предлогом возмещения военных издержек, вызванных восстанием Нусретулла-бека, наложили на население пени в размере 17 000 рупий (7650 руб. — *Б. И.*), каковую сумму они теперь с населения взыскивают. Всех лошадей, коров, овец и проч. афганцы отбирали у жителей, говоря, что все это необходимо для войска, а населению не нужно. Кроме того, приказано каждой семье выставить по одному солдату. Затем казиям, раисам и тысяче начальников афганцы приказали отправиться в Кабул на поклон к эмиру Абдуррахман-хану и привести каждому в подарок эмиру по две лошади...» [15].

---

[13] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 29, д. 1259, л. 45.
[14] Там же, л. 50.
[15] Там же, л. 28.

Притеснения афганцев вызывали массовое переселение жителей Запянджского Дарваза. Политический агент в Бухаре К. Игнатьев писал в Ташкент 22 ноября 1897 г.: «... согласно донесению дарвазского бека Мирза-Юлдашбия, за последнее время из афганского Дарваза в Бухарский переселилось около 300 семейств, что с переселившимися ранее 410 семействами составит свыше 700 семейств, из них около 100 семейств осталось на жительство в самом Бухарском Дарвазе, а остальные разместились в бекствах Кулябском и Каратегинском. Афганские караульные посты препятствуют ныне дальнейшему переселению. Тем не менее, при удобном случае тайное переселение продолжается, причем переселяются обыкновенно зараз по два или три семейства» [16].

В дальнейшем число перешедших границу дарвазцев еще более увеличилось. Так, по данным того же политического агентства, к июлю 1898 г. число переселившихся на территорию эмирата семейств достигло 1164 [17]

Объясняя причину переселения из Запянджского Дарваза и других районов Афганистана в пределы русско-бухарских владений, туркестанский генерал-губернатор 20 июня 1900 г. сообщал: «Жители Бадахшана и Вахана крайне недовольны афганцами и массами переходят в Бухару. За последнее пятилетие население отошедших к бухарскому ханству районов Шугнана и Вахана увеличилось почти вдвое, главным образом путем переселения таджиков Бадахшана и афганского Вахана. Среди переселяющихся из Вахана афганских таджиков встречаются лица, занимавшие в области даже значительные административные посты: казий, наибы. Так, например, наиб Вахан Мамат-Исмаил-хан, получавший от афганского правительства большое содержание, в конце марта месяца бежал в Шугнан с братьями и близкими людьми, в числе 42 человек» [18].

Часть переселенцев переезжала в районы, находившиеся под управлением русских властей. Военный губернатор Ферганской области доносил туркестанскому генерал-губернатору 2 сентября 1897 г., что «тридцать семейств таджиков, бежавших в прошлом году из Афганистана в Рушан, обратилось к начальнику сменного

---

[16] Там же.
[17] Там же, л. 51.
[18] ЦГВИА, ф. 400, д. 46, л. 43.

Памирского отряда с ходатайством о разрешении им поселиться в русских пределах и водвориться на реках Гунт и Токуз-булак, выше кишлака Сатдыша, на местности теперь совершенно свободной, служившей в прежнее время (как свидетельствовали об этом развалины и высохшие арыки) местом оседлого населения»[19].

Массовое переселение жителей пограничных районов Афганистана в Бухару и Туркестан вызывало дополнительные расходы местной администрации по устройству беженцев, но по существу не противоречило интересам русского царизма и бухарского эмира, так как увеличивало число податных единиц и способствовало дальнейшему освоению края. Однако царские власти, а особенно бухарские чиновники, длительное время препятствовали переселению беженцев.

Неоднократные отказы от принятия в русское и бухарское подданство жителей пограничных районов Афганистана, отказы от приема беженцев и их возвращение в пределы Афганистана каких-либо существенных результатов русскому царизму и эмиру не принесли. Наоборот, все это в значительной мере наносило ущерб их престижу в Средней Азии. Поэтому бухарским властям на местах и начальнику Памирского отряда в конце концов были даны указания об устройстве беженцев.

Бухарские чиновники наживались на бедствиях переселенцев из Афганистана, бежавших от произвола Абдуррахман-хана. Амлякдары пограничных районов и их приближенные специально следили за беженцами и при всяком удобном случае отбирали у них последнее имущество. Это видно из следующего документа:

«Донесение судьи мулла Бобо-бека.

О господин!

... Наср Али, Ходжамберди и Нурали... крестьяне селения Сарои Курган-тепе пожаловались, что они — бедняки, пришли с территории, подчиненной власти Кабула, во владение Бухары и бедствовали. Тамошний джавочи Мухаммад Мурад незаконно собрал с каждого из них по 20 тенег и не возвращает. На основании официального предписания я опросил людей, действительно ли он взял деньги. Они ответили, что этот джавочи подвергал жителей обложению во многих случаях, в частности с каждого, кто переходил с кабульской стороны на

[19] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 29, д. 1259, л. 23.

бухарскую, взималось в «благодарность» по двадцать тенег...» [20].

На территорию эмирата продолжали прибывать беженцы из Афганистана. Политический агент в Бухаре в письме от 30 июня 1897 г. сообщил туркестанскому генерал-губернатору, что махрам шугнанского бека мирза Джура-бек доносил бухарскому Астану-кулу куш-беги о том, что бадахшанский мир, на основании указания Абдуррахман-хана, направил афганскому хакиму Доробшо в Шугнане специальное письмо следующего содержания: «Предложить родственникам жителей афганского Шугнана, проживающим на бухарской стороне, переселиться в пределы Афганистана. В случае же несогласия их на это, выселить жителей афганского Шугнана, состоявших в родстве с бухарскими шугнанами, в бухарские пределы» [21].

Поскольку жители отказались выполнить это распоряжение, афганские войска, предварительно ограбив 17 семейств (103 человека), выслали их на один из островов Пянджа на границе между двумя государствами. Попытки этих людей высадиться на правый берег были тщетны, так как бухарские наукары их не пустили. Переселенцы вынуждены были расположиться на острове. Лишь после вмешательства начальника Памирского отряда они получили разрешение переправиться на правый берег Пянджа.

Военный министр генерал-лейтенант Куропаткин указал 12 января 1898 г. туркестанскому генерал-губернатору барону Вревскому: «Надо просить туркестанское начальство принять меры к тому, чтобы переселяющиеся были возможно хорошо устроены...» [22].

Размещая беженцев на территории Бухары, эмир и его чиновники давали лучшие земельные участки представителям эксплуататорской верхушки, а переселенцы из трудового населения были вынуждены обеспечивать себе пропитание, работая в хозяйствах местных богачей.

* * *

Как мы уже видели, жестокая эксплуатация населения Абдуррахман-ханом и его чиновниками вынуждала

---

[20] ЦГИА УзССР, ф. куш-беги.
[21] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 29, д. 1259, л. 40.
[22] Там же.

жителей пограничных районов Афганистана переселяться в пределы Бухары. Наблюдалось и обратное явление, когда население пограничных районов Бухары, испытывая сильнейший гнет и насилия эмира и его чиновников, было вынуждено бежать не только в Туркестан, но и в Афганистан. В ряде беклств значительное число кишлаков опустело.

В одном из документов министерства иностранных дел от 15 января 1903 г. сообщалось: «Командир Аму-Дарьинской бригады донес, что в январе месяце... было обнаружено массовое переселение жителей туземцев приграничного района в Афганистан.

При исследовании причины этого явления путем расспросов на месте в Курган-Тюбинском и Кулябском беклствах выяснилось, что неурожай минувшего года на зерновые продукты и фураж в некоторых беклствах, прилегающих к границе, особенно тяжело отозвался на жителях с наступлением весьма суровой зимы» [23].

Массовое переселение происходило первоначально из Куляба, а затем из Курган-Тюбе.

«Курган-Тюбинский бек и его чиновники, — по словам начальника пограничного округа, — взимали с жителей, и без того обездоленных неурожаем, непосильные, крайне несправедливые подати. Хотя с формальной стороны бухарские власти имели право брать лишь $^1/_{10}$ часть урожая с богарных и $^1/_5$ с орошенных земель, тем не менее подати в несколько раз превышали это... административные лица Курган-Тюбинского бека, объезжая поля со снятым, вымолоченным и со сложенным в кучи зерном, определяли заведомо неправильно и на глаз, сколько с каждой кучи должно поступать в их пользу. Таким образом, жителям приходилось расплачиваться: вместо $^1/_5$ или $^1/_{10}$ урожая бо́льшим количеством, иной раз свыше его половины» [24]. Кроме того, курган-тюбинские чиновники пользовались каждым удобным случаем, чтобы обложить население какими-либо дополнительными податями, и за самый ничтожный проступок взимали денежные штрафы. Особенно этим отличались сарайские чиновники, где на должности амлякдара сидел юный сын курган-тюбинского бека, приближенные которого поль-

---

[23] ЦГИА УзССР, ф. 3, оп. 1, д. 186, л. 353
[24] Там же.

зовались полной бесконтрольностью [25]. Все эти обстоятельства вынуждали местных жителей, особенно таджиков, бежать в Афганистан.

Местные бухарские власти, будучи не в силах прекратить переселение жителей в Афганистан, вынуждены были обратиться за помощью к начальникам отрядов царских пограничных войск. В донесении начальника пограничного округа начальнику главного штаба Азиатской части от 8 февраля 1899 г. сообщалось, что вследствие усилившегося в последнее время перехода жителей Кулябского бекства в Афганистан куш-беги обратился к нему через политического агента в Бухаре с просьбой предписать пограничной страже не пропускать через границу подданных эмира, не снабженных письменным разрешением местных беков. Подобные просьбы поддерживал и политический агент, мотивируя их тем, что само бухарское правительство не было в состоянии воспрепятствовать уходу населения. Царские власти не могли безучастно относиться к бегству жителей Восточной Бухары в Афганистан, так как это подрывало престиж русского царизма в Средней Азии. 13 апреля 1899 г. товарищ министра иностранных дел сообщал начальнику генерального штаба: «... по настоянию В. И. Игнатьева (политического агента в Бухаре. — *Б. И.*) эмир бухарский уже устранил от должности кулябского бека, образ действия коего вызывал жалобы и недовольство местного населения...» [26]. Такая же участь постигла впоследствии и курган-тюбинского бека.

Следует, однако, помнить, что отстранение от должности отдельных чиновников не могло облегчить положение угнетенных масс страны, так как злоупотребления и произвол бухарской администрации вытекали из самой сущности деспотического государства эмиров, пользовавшегося широкой поддержкой русского царизма.

---

[25] Там же, л. 354.
[26] Там же.

ГЛАВА VI

ЗАПАДНЫЕ РАЙОНЫ ПАМИРА ПОД ВЛАСТЬЮ БУХАРЫ И ПЕРЕХОД ИХ В УПРАВЛЕНИЕ ЦАРСКОЙ АДМИНИСТРАЦИИ

Западные районы Памира (Шугнан, Рушан, Вахан и Ишкашим [1]) вошли в состав Бухары в результате «памирского разграничения» 1895 г. между Россией и Великобританией.

По соглашению о разграничении территории, расположенные по правую сторону Пянджа (Шугнан, Рушан и северная часть Вахана), отошли к Бухаре, а по левую (Запянджский Дарваз) — к Афганистану. Русское и английское правительства обязались соответственно употребить свое влияние на обоих эмиров, чтобы добиться осуществления соглашения.

В западных районах Памира были оставлены русские пограничные отряды, но управление этими районами было передано бухарской администрации.

Население было разделено без всякого учета его этнической принадлежности. В результате даже близкие родственники были вынуждены жить в разных государствах.

О положении в западных районах Памира после включения их в состав Бухарского эмирата можно судить в основном по данным, собранным в 1904 г. представителем политического агентства в Бухаре бароном Черкасовым. С 1895 по 1904 г. значительных изменений в этой

[1] Ишкашим этнически представлял собой самостоятельную единицу, а в административном отношении входил в состав Вахана.

области не произошло, поэтому многие сведения барона Черкасова интересны и для рассматриваемого нами периода.

После присоединения к Бухаре население Западного Памира, так же как и других частей эмирата, испытывало жестокий гнет крупных землевладельцев и скотоводов, ростовщиков и торговцев. Характер аграрных отношений в Западном Памире был в общих чертах тот же, что и в Восточной Бухаре. Однако жители недавно присоединенных районов еще в большей степени страдали от недостатка земли. По словам Черкасова: «При вступлении в пределы населенной оседлыми горцами области крайняя бедность населения сказывается прежде всего видом его полей. Между обломками гранитных скал, пересыпанными крупными и мелкими булыжниками, появляются клочки тщательно обработанной земли, засеянной ячменем. Почва тощая, песчаная, перемешанная с камнями. Многие из них лежат грядами на межах, но очистить свою ниву совершенно, таджику, очевидно, не под силу. Есть обработанные участки, поразительные по величине: в 4—5 кв. саженей. Сразу видно, как дорог и нужен здешнему земледельцу каждый годный под посев клочок земли...». Более пологие склоны у основания гор террасировались и делились на узкие полоски полей. «Обработка земли, — писал С. Коржинский, — была всюду довольно тщательная, поля пашут два-четыре раза... за недостатком участков для культуры поля не оставляются под паром, но обрабатываются из года в год. При этом, смотря по средствам, унаваживают их ежегодно или через год. Кроме того, устанавливают некоторые плодосмены, например после бобовых сеют обыкновенно пшеницу и др.» [2]. Несмотря на огромные затраты человеческого труда, собранного урожая часто не хватало даже до весны.

Приводимые ниже данные за 1904 г. дают весьма наглядное представление о распределении земли в рассматриваемых районах. Так, Шугнан, расположенный в долинах рек Гунт и Шах-дары, имел 468 дворов, 5650 жителей, 1350 десятин пахотной земли (в среднем на душу— 0,239 десятины); Вахан (включая Ишкашим и Горон) —

---

[2] С. Коржинский, *Очерки Рушана и Шугнана с сельскохозяйственной точки зрения*, СПб., 1898, стр. 10.

206 дворов, 2650 жителей, 813 десятин пахотной земли (на душу населения примерно 0,3 десятины); Рушан — 629 дворов, 5890 жителей, 903 десятины пахотной земли (на душу населения около 0,15 десятины). Всего в Западном Памире было 1303 хозяйства, 14 190 жителей, 3066 десятин пахотной земли, или в среднем 0,216 десятины на душу. Скота во всех припамирских бекствах имелось: крупного рогатого — около 3500 голов, мелкого рогатого — 33 тыс., лошадей — около 800, верблюдов — менее 100.

Из 1303 дворов по 8 десятин земли и более принадлежало 37 хозяйствам. В руках этих хозяйств находились наиболее плодородные земли. От 4 до 8 десятин имели 280 хозяйств, а остальные 986 — менее 4 десятин каждое.

В числе 986 таджикских хозяйств, которые даже бухарские чиновники признавали «бедными», были такие, где на десяток мужчин и женщин приходилось лишь по комплекту мужского и женского платья, совершенно голых детишек в кишлаках можно было видеть сколько угодно.

Тяжелое положение населения Западного Памира усугублялось тем, что беки, пользуясь бесконтрольностью, постоянно увеличивали число своих наукаров, считая это дополнительным источником доходов и средством усиления своей власти. Наукарами были, как правило, люди зажиточные, так как чин этот обычно продавался. Чтобы попасть в число наукаров, нужно было преподнести беку определенную сумму денег. Жалованья наукары не получали. Если в Восточной Бухаре наукарам вместо содержания выдавались участки земли с сидевшими на них крестьянами, с которых они собирали подати, то в Западном Памире ввиду малоземелья это не практиковалось. В подавляющем большинстве наукары не несли никаких обязанностей, за исключением охраны бека и исполнения различных поручений, но они освобождались от уплаты податей, выполнения натуральных повинностей и получали от бека ежегодно халат и чалму. В связи с выгодами, предоставляемыми наукарам, многие стремились стать ими. Иной раз бек за особую плату продавал наукарам чины низших бухарских чиновников — джавочи, караул-беги и др. Наукар был непосредственным исполнителем воли бека и целиком поддерживал его политику насилия над трудовыми массами.

По существовавшему положению шугнанский бек должен был иметь 60 наукаров. Тем не менее ради умножения богатства и укрепления престижа Мирза Юлдашбек причислил к категории наукаров 184 домохозяев, которые получали от него «серупо» (полный комплект одежды), а их семьи освобождались от налогов и обязательных поставок беку, а также начальнику Памирского отряда. По сведениям Черкасова, к категории наукаров на всем Западном Памире было причислено около 20% взрослого мужского населения.

Такой рост числа наукаров соответственно вызывал увеличение податей и повинностей, падавших на остальное население. Кроме того, наукары, пользуясь поддержкой бека, нередко занимались грабежами и насилиями.

Черкасов доносил, что «наукары зачастую силой отнимают у таджиков съестные припасы и фураж, прикрываясь именем бека. Жаловаться на такие грабежи некому — бек не примет жалобы на наукара, а последний, узнав об этом, еще изобьет жалобщика, конечно, совершенно безнаказанно».

Присоединение Шугнана, Рушана и Вахана к эмирату вызвало острое недовольство коренного населения, вскоре перешедшее в ненависть к бухарским чиновникам, безжалостно грабившим народ. Эта ненависть, усиливавшаяся религиозной рознью (жители Бухары в основном были суннитами, а Западного Памира — исмаилитами), нередко приводила к столкновениям жителей с местными властями, что в конце концов вынудило начальника Памирского отряда ограничить права эмирской администрации.

Царские власти придавали серьезное значение этой области ввиду ее пограничного положения и уже через три года после ее перехода под власть эмира поставили вопрос о передаче Западного Памира в управление России. Об этом, в частности, дает довольно ясное представление миссия подполковника Кузнецова, который в декабре 1898 г. был специально командирован туркестанским генерал-губернатором в Бухару для переговоров о положении в Западном Памире. В предписании Кузнецову было указано: «выяснить отношение бухарского правительства к вопросу о включении Рушана, Шугнана и Вахана в пределы России». В том же предписании отмечалось, что на офицеров Памирского отряда русских

войск можно было бы возложить обязанности управления этими районами. Против этого эмир вначале даже не возражал.

Однако оказалось, что он соглашался отдать западные районы Памира русским лишь в обмен на какие-либо территории или иное вознаграждение.

Политический агент в Бухаре В. И. Игнатьев в письме от 6 февраля 1898 г. туркестанскому генерал-губернатору Духовскому так сообщал о намерениях эмира в отношении Западного Памира.

По словам В. И. Игнатьева, эмир заявил: «Со времени присоединения к моим владениям Шугнана и Рушана (равным образом и северного Вахана. — *Б. И.*) они, кроме огорчений и неприятностей, мне ничего не принесли. Обмен Дарваза на эти области совершался помимо моей воли. Я сам никогда этого не хотел. Г-н Лессар (первый политический агент в Бухаре. — *Б. И.*) принудил меня согласиться на такой обмен. Если я теперь откажусь от этих областей и не получу взамен территориального вознаграждения или какого-либо удовлетворения моему самолюбию, то это может в значительной степени подорвать мой престиж среди моих подданных»[3].

Бухарский эмир доказывал далее, что обладание Шугнаном, Рушаном и Ваханом приносит ему прямой убыток в 11,5 тыс. руб., поскольку эти районы могут дать ему доходы только около 3500 руб. в год, в то время как расходы по управлению ими обходятся ежегодно в 15 тыс. руб. Между тем, по словам эмира, отнятый у него Запянджский Дарваз приносил ему чистого дохода от 1950 до 2250 руб. в год.

Игнатьев доносил туркестанскому генерал-губернатору, что, судя по заявлению эмира, можно было бы ожидать его согласия на отказ от Шугнана, Рушана и Вахана, если ему взамен этих районов будет предложено какое-либо вознаграждение. Вместе с тем В. И. Игнатьев подчеркивал, что отобрать сейчас эту область от эмира без всякого вознаграждения было бы «в высшей степени неблагоразумным» и не соответствовало бы интересам русского царизма в Средней Азии. Поэтому в отношении от 13 марта 1899 г., адресованном военному министру, министерство иностранных дел, надеясь на отказ эмира

---

[3] ЦГВИА, ф. 400, д. 291, л. 22.

от западных районов Памира, «рекомендовало утвердить за его прямым потомством титул высочества, пожаловать чином полного генерала или орденом Андрея Первозванного» [4]. Одновременно подчеркивалось, что во избежание каких-либо превратных толков, а равно и неблагоприятного впечатления, которое может произвести подобный шаг на некоторые европейские и азиатские правительства, «передача нам Памирских ханств должна была бы состояться в силу весьма секретного договора с эмиром».

Стремление царского правительства присоединить Шугнан, Вахан и Рушан объяснялось прежде всего их важным пограничным положением. Деспотическое управление бухарской администрации, вызывавшее сильное недовольство народных масс, не могло обеспечить царизму прочных позиций в этих районах.

В докладной записке главного штаба Азиатской части от 18 марта 1899 г. отмечалось, что, «несмотря на данные эмиром обещания освободить население до первого октября 1899 г. от всяких налогов, его чиновники стремились собрать разные подати с этого населения, которое постоянно обращалось со всеми жалобами к начальнику Памирского отряда и начальникам наших постов» [5]. Далее главный штаб Азиатской части указывал на стратегическую целесообразность перехода этих районов к России и создания в них пяти волостных управлений.

Командующий войсками Туркестанского округа писал 6 апреля 1899 г.: «Не подлежит сомнению, что бухарская система управления названными областями настолько неудовлетворительна, что постоянные обращения жителей к заступничеству начальника нашего Памирского отряда и неоднократные просьбы их о принятии в русское подданство — являются лишь прямым следствием того тяжелого гнета, под которым живет население вышеуказанных областей, обираемое, а иногда даже истязуемое бухарскими чиновниками...» [6].

Начальник Памирского отряда сообщал в Фергану 6 января 1899 г. о поборах бухарских властей: «При приеме муки, ячменя, самана и проч. бухарцы всегда употребляли большие меры... им всегда удавалось покупать

[4] Там же, л. 24—25.
[5] Там же, л. 27—28.
[6] Там же, л. 34.

т. е. силой забирать, все необходимые продукты значительно ниже существующих цен. Что же касается приема масла, то до сих пор они всегда покупали его чашками... Справочная цена на масло — 6 рублей 20 копеек чашка (большая. — *Б. И.*), а когда оно покупается маленькими чашками без весов — 20 коп. чашка... Бухарцы платили только по 10 коп. за чашку масла, принимая 2 чашки вместо одной» [7]. Когда же один из местных жителей, некий Даурук-бек, заявил, что ему уплатили только полцены, то его за это наказали 20 палочными ударами.

По сообщению начальника Памирского отряда, бухарские чиновники систематически и по любому поводу налагали на жителей большие денежные штрафы. Так, когда в кишлаке Дарморахт замужняя женщина-таджичка утопилась из-за любви к своему односельчанину, бухарские чиновники оштрафовали этого односельчанина на 120 руб.

«Денежные штрафы применяются почти ежедневно и без всякой причины и совершенно несправедливо. Зякет бухарцы тоже взимают при всевозможных случаях. Люди бека, совершая эти насилия, обыкновенно ссылаются на приказание Ишан-Кула (бухарского бека. — *Б. И.*), а последний... старается уверить, что он... подобных приказаний не давал» [8].

По свидетельству штабс-капитана Кивекэса, эмирская администрация интересовалась исключительно личной наживой. Отсутствие контроля открывало широкие возможности для произвола чиновников, которые обычно приезжали в западные районы Памира из Бухары для умножения своих богатств. В Хороге, например, они бесплатно забирали у населения пшеницу и ячмень. Когда крестьяне, ссылаясь на полное отсутствие этих продуктов, отказывались выполнять их требования, то бухарские чиновники направляли по кишлакам наукаров, которые насильно отбирали у жителей все, что было оставлено ими для пропитания.

Начальник Памирского отряда в конце 1899 г. доносил, что эмирские власти послали по кишлакам «своих джигитов для сбора двух тысяч пудов хлеба, который нужен был им для того, чтобы выдать его взаймы бед-

[7] Там же, л. 36.
[8] Там же.

някам, которым есть было нечего, с тем, чтобы осенью возвратить выданный долг, взяв 2—3 паймана вместо одного» [9]. Только активное сопротивление жителей и вмешательство начальника Памирского отряда заставили бухарских чиновников отказаться от задуманного ими грабительского мероприятия.

Жестокая политика эмирского правительства и вызванное ею недовольство имели следствием неоднократные ходатайства населения перед царской администрацией с просьбой о присоединении к России.

Жители западных районов Памира в прошении о принятии их в русское подданство писали: «Мы долго были угнетаемы афганцами, притеснения которых превосходили всякие границы. Благодаря помощи русских мы были освобождены от них. Чем же мы согрешили в настоящее время, что нас передали во власть бухарского правительства?.. Мы — несчастные — надеемся теперь только на помощь русских относительно освобождения от бухарского ига. Если нас не возьмут из его (эмира бухарского. — *Б. И.*) подданства, то мы все поголовно или наложим на себя руки или выселимся в Коканд, где нам дадут место наши родственники» [10]. «Почему же, — указывали жители, — русский отряд за все купленные продукты платит, а бухарцы только насильственно забирают и в дополнение не только беззаконно штрафуют, но и бьют палками. Бухарцы преследуют нашу веру и издеваются над нами; с нами не едят и не сидят, считая это для себя запрещенным... 72 богатых семейства они (бухарцы) сделали джигитами, а с остальных, как с подданных, берут деньги».

Далее в прошении описываются случаи ограбления кишлаков эмирскими чиновниками. Так, у населения кишлака Поршинев ими было взято более тысячи тенег, столько же у жителей маленького кишлака Сучена, причем сбор этот производился самым бесцеремонным образом. Не ограничиваясь деньгами, чиновники отбирали у населения продовольствие; только в кишлаке Дара, например, было взято более 300 пудов разных продуктов (зерна, масла и др.).

Подобные злоупотребления с каждым днем вызыва-

---

[9] Там же, л. 38.
[10] Там же, л. 42.

ли все большее недовольство населения. Но царские должностные лица старались закрывать глаза на эти факты и даже обвиняли начальника Памирского отряда в том, что он «незаконно вмешивается» в дела бухарской администрации. Политический агент в Бухаре в донесении от 3 июня 1899 г. писал: «...обращения жителей к заступничеству начальника Памирского отряда и просьбы их о принятии в русское подданство являются следствием не столько тяжелого гнета, под которым живет население этих областей, сколько установившимся с самого начала совершенно ненормальным отношением наших офицеров к бухарским властям и жителям. Поставив себя в явно враждебные отношения к бухарским властям, офицеры наши стали вмешиваться в дело управления ханств и демонстративно давали понять жителям, что они всегда могут найти в лице начальника Памирского отряда заступника против чиновников эмира и что все их жалобы будут приниматься с полным сочувствием» [11].

В этом заявлении политического агента многое не соответствует действительности. Массовые обращения жителей с просьбой о присоединении к России были следствием именно жестокого гнета эмирских властей, а не «ненормальным отношением наших офицеров к бухарским властям и жителям». Выступления начальника Памирского отряда против бухарских чиновников имели место лишь в исключительных случаях. Начальник Памирского отряда боролся только против некоторых, наиболее вопиющих действий эмирской администрации, поскольку они могли вызвать массовый уход населения в другие страны, что повредило бы престижу России в Средней Азии.

Отчасти противодействие царских пограничных властей бухарской администрации объяснялось также неприязненным отношением представителей эмирских властей к русским и к тем жителям, которые поддерживали тесные дружеские отношения с русскими военнослужащими и оказывали им какие-либо услуги. Начальник Памирского отряда сообщал: «Вообще бухарские власти при всяком случае выказывают свою ненависть к русским и вымещают свою злобу на людях, которые каким-либо образом оказывали русским услуги» [12].

---

[11] Там же, л. 51.
[12] Там же.

Все же начальник Памирского отряда получил особую инструкцию, которая предписывала ему проводить более осторожную политику. Однако непрекращавшиеся волнения населения, многочисленные прошения о присоединении к России, а также неспособность эмира навести порядок в Западном Памире заставили царскую администрацию вновь поднять вопрос о введении в этой области русского управления. По мнению политического агента в Бухаре, наиболее разумным было бы «полное и безусловное присоединение этих областей к русским владениям, с введением там нашего управления и с устранением бухарского правительства от всякого участия и навсегда как в делах управления, так и в расходах на него» [13]. При этом он подчеркивал, что если управление будет вверено начальнику и офицерам Памирского отряда, то расходы будут гораздо меньше, чем у бухарского правительства. Необходимо лишь получить письменное уведомление эмира о добровольной передаче этих районов в ведение России, за что следует «даровать ему какую-либо высочайшую милость».

К концу 90-х годов XIX в. вопрос о присоединении западных районов Памира к России, казалось, был решен. Как сообщал в то время командующий войсками Туркестанского военного округа военному министру Куропаткину, эмир высказал «желание передать нам Шугнан и Вахан в возможно скором времени и во всяком случае до введения налогов на население, так как управление этими провинциями представляет эмиру большие затруднения, которые должны еще более возрасти, когда с населения начнется сбор податей» [14].

Однако это решение не было тогда выполнено из опасения, что присоединение Западного Памира к России могло бы вызвать ответные территориальные претензии со стороны Великобритании. Туркестанский генерал-губернатор Духовский в докладной записке начальнику главного штаба Азиатской части В. В. Сахарову высказал мнение о нецелесообразности немедленного присоединения Памира к России. «Обстоятельства,—отмечал Духовский, — сложились так, что вопрос о немедленном включении Шугнана, Рушана и Вахана в пределы Рос-

[13] Там же, л. 53.
[14] Там же, л. 57.

сии является преждевременным. Домогательства Англии, направленные к захвату Раскема и Тагдумбаша, могли бы получить опору в факте присоединения к нам упомянутых бухарских владений и быть выставлены как необходимая в их пользу компенсация за расширение наших пределов. Мне представляется более целесообразным обождать с решением вопроса и двинуть его тогда, когда наши переговоры с Китаем против уступок Англии возымеют успех и внимание последней будет отвлечено в другом направлении, или же тогда, когда Англия добьется своих стремлений, каковое обстоятельство поставит нас в положение ищущих компенсаций...» [15].

Учитывая все это, политический агент в Бухаре В. И. Игнатьев счел нужным сообщить эмиру, что присоединение Западного Памира к России преждевременно, так как этот вопрос следует продумать серьезнее.

На вопрос бухарского Астана-кула диван-беги, следует ли начать сбор податей с населения западных районов Памира, В. И. Игнатьев неопределенно ответил, что решить это весьма сложно и потому нужен более осторожный подход. В то же время в своем донесении он отмечал: «Если признано необходимым оставить Памирское ханство еще на продолжительное время под бухарским управлением, то казалось бы справедливым разрешить бухарскому правительству начать сбор с жителей этих ханств налогов согласно данному нами эмиру обещанию» [16].

В конце концов эмир договорился с ферганским генерал-губернатором о сроках сбора налогов. Бухарское правительство при участии начальника Памирского отряда выработало указ о размере этих податей и порядке их взимания (см. Приложение).

В мае 1900 г. царские чиновники совместно с представителями эмира приступили к оповещению о сроках сбора налогов, но намерение бухарских чиновников не осуществилось.

В 1899 г. западные районы Памира постиг большой неурожай. Жители оказались в очень тяжелом положении — им не только нечем было платить налоги, но зачастую даже нечего было есть. В рапорте от 4 июля

---

[15] Там же, л. 58.
[16] Там же, л. 66.

1900 г. военному губернатору Ферганской области начальник Памирского отряда писал: «Неурожай прошлого года и тяжелые условия минувшей зимы были причиной тому, что уже с февраля месяца население Рушана, Шугнана и Вахана испытывает сильную нужду, доходящую в некоторых местах до настоящего голода»[17].

В донесениях указывалось, что крестьяне Рушана разбрелись по Шугнану и жили исключительно милостыней. Жители Вахана питались в основном корнями диких трав, их положение лишь несколько облегчалось помощью Лянгарского и Ишкашимского русских военных постов. Хорошо знакомые с обстановкой, царские должностные лица полагали, что при таких условиях собирать подати преждевременно. Начальник Памирского отряда считал, что было бы более разумным приступить к взиманию налогов лишь с осени будущего (1901) года, когда люди оправятся от пережитой голодовки[18].

При этом начальник Памирского отряда обращал серьезное внимание на то, что, воспользовавшись близостью границы, часть населения могла бы перейти в пределы других государств, а это явилось бы чувствительным ударом по престижу эмира и русских властей. Одновременно начальник Памирского отряда считал необходимым подействовать на эмира в том смысле, чтобы его администрация избегала злоупотреблять штрафами, так как она пользовалась этим правом в самой широкой мере, налагая штрафы даже за ничтожные поступки, что приводило иногда «провинившихся» к полному разорению[19].

Несмотря на создавшееся в конце 1902 г. тревожное положение в западных районах Памира, бухарские власти по-прежнему настаивали, чтобы им разрешили приступить к сбору налогов, ссылаясь на то, что население этих районов уже давно оправилось от неурожая и теперь было в состоянии вносить подати.

Вопрос этот поднимался эмиром не раз. Он настаивал на своей просьбе, указывая, что до сих пор не извлек из памирских бекств никакой пользы. «Тем не менее не тягость расходов на управление этой далекой окраиной вызывает настоящее ходатайство его высочества, а ис-

[17] Там же, л. 76—78.
[18] Там же.
[19] Там же, л. 80.

ключительно желание показать населению свою над ним власть и права взимания налогов и податей» [20].

Разрешение вопроса о сборе налогов, по мнению политического агента в Бухаре, имело большое значение для России, поскольку «рано или поздно, императорское правительство может признать своевременным включение Шугнана и Рушана в пределы империи, ...и тогда, так или иначе, придется обложить жителей податями» [21].

В марте 1903 г. эмирские чиновники, получив официальное разрешение от царской администрации, приступили к сбору налогов в Рушане, Шугнане и Вахане. Однако они с первых же дней натолкнулись на сопротивление жителей, которые никак не могли примириться с подобным решением. Об этом свидетельствует рапорт начальника Памирского отряда капитана Снесарева от 16 июня 1903 г.:

«Прибыв 8 июня с Восточных постов в Лянгар Кишт, я застал положение дел среди таджиков весьма серьезным... Я имею сведения, что жители Гунта и Шах-дары собираются бежать на наши Памиры, что часть скота ими туда уже перегоняется, жители Горона и Шугнана, в частях последнего возле Пянджа, готовы бежать в Афганистан, и, наконец, на тайных сходках ведется речь о том, что пора таджикам защищать самих себя и прибегнуть к своим мултукам (гладкоствольным ружьям.— *Б. И.*)» [22].

Столь тревожное положение в Западном Памире, по мнению капитана Снесарева, объяснялось ненавистью жителей к эмирской администрации и невозможностью для них примириться с тем, что русские отдали их во власть бухарских чиновников. Возмущение народа вызывалось взиманием зякета и методами его сбора, издевательствами и насилиями эмирских должностных лиц. При этом последние заявляли, что действуют с разрешения царской администрации.

«Смутное положение, — по словам Снесарева, — вызывается главным образом тем, что зякот бесчеловечно тяжел и введение его совпадает с тяжелым для таджиков годом» [23].

---

[20] Там же, л. 117.
[21] Там же, л. 119.
[22] Там же, л. 130.
[23] Там же.

Во всем Западном Памире в 1903 г. имелось 8427 голов крупного и 32 295 голов мелкого рогатого скота. На каждое хозяйство в среднем приходилось около 20 овец и коз — необходимое количество для обеспечения прожиточного минимума. Поэтому взимание зякета подрывало самую основу хозяйства. Зякет не полагалось брать с хозяйств, имевших менее 40 голов скота. Но крупный рогатый скот пересчитывали при этом на соответствующее число баранов (из расчета пять баранов за одну голову крупного рогатого скота). Так, если у хозяина было 25 баранов и три головы крупного рогатого скота, то это количество приравнивалось к 40 головам скота, и один баран подлежал изъятию.

В то же время, из-за продолжительной зимы запасы кормов истощились. По этой причине начался падеж скота, особенно мелкого.

Население Западного Памира потеряло от бескормицы более 50% скота.

Уцелевший скот был крайне истощен, и даже зажиточные крестьяне не могли провести распашку полей с обычной тщательностью и не имели надежды получить хороший урожай. Беднякам же вообще не на чем было пахать свои земли. В этих условиях сбор зякета был совершенно непосильным бременем для жителей Вахана, Шугнана и Рушана.

Между тем население Западного Памира должно было также платить поземельную подать — ушр, взимавшуюся в размере одной десятой урожая. Ее брали с пшеницы, ячменя, хлопка, урюка, орехов и т. д.

Кроме того, население Западного Памира было обязано ежегодно вносить эмиру крупную сумму денежного налога или отдавать на эту сумму продукты и предметы ремесла, причем принимались они по очень низким расценкам. Например, цена шкурки куницы была определена в 1 руб. 40 коп., а фактически она стоила в два раза дороже. Чашка масла в пять с четвертью фунтов оценивалась на 80 коп. дешевле действительной цены и т. д. Трудовые массы, занимавшиеся в основном земледелием и скотоводством и оторванные от рынка, как правило, не могли рассчитываться с эмирскими чиновниками деньгами, и последние, пользуясь этим, почти даром забирали продукты и изделия ремесла, без которых было трудно обойтись в быту и хозяйстве.

Если не считать отходничества, единственным источником приобретения денег местным населением был Памирский отряд, который в 1903 г., например, купил у жителей фураж, муку, дрова, мясо, масло и другие продукты на 10 тыс. руб. Из этой суммы более 4 тыс. руб. было изъято у населения бухарскими чиновниками под видом различных поборов, штрафов и т. д.

Местные феодалы, в частности духовные (ишаны и пиры), также жестоко эксплуатировали народ. Они, помимо сбора $^1/_{10}$ части годового дохода в пользу Ага-хана, обязывали своих мюридов (т. е. приверженцев) время от времени делать им подарки. Кроме того, крестьяне должны были безвозмездно работать на полях ишанов и пиров. «Мюриды тех селений, где не было «шо»-ских земель (т. е. земель ишана. — *Б. И.*), обязаны были поочередно, по требованию ишана, высылать определенное количество рабочих рук для обработки «шо»-ской земли, расположенной вокруг его двора. В селении Тавдем... примерно половина пахотной земли (25—30 *га*) принадлежала ишану. Менее половины «шо»-ской земли обрабатывали слуги ишана, так называемые «мунжанцы»... остальную часть «шо»-ской земли обрабатывали крестьяне из других селений, причем ишан устанавливал очередность и сроки работы для каждого селения» [24].

Рассказывая о положении трудящихся в Рушане, характерном и для всего Западного Памира, капитан Снесарев писал: «Находясь далеко от постов Памирского отряда и имея около себя бека (жители. — *Б. И.*), давно уже фактически перешли в бухарское хозяйствование. Результаты яркие: хозяйства очень мелкие, ибо нет расчета заводить их в более широких размерах (все равно все отберут), народ ходит в рубище, мужчины идут в разные стороны и даже нанимаются в работники к шугнанским таджикам, тоже беднякам, женщины ниспадают до проституции, что среди таджиков почти не наблюдается. Во всей Рушанской волости нет ни одного богатого, только 12 средних, остальные 320 бедных. В Бартангской волости ни одного богатого, средних всего 2, остальные 332 бедных и 4 безземельных. Не может быть лучшей

---

[24] З. Бахрамов, *Земельные отношения в Шугнане в конце XIX—начале XX в. (1895—1920 гг.)* (Сб. «Очерки по истории Таджикистана», т. I, Сталинабад, 1957), стр. 60.

картины бухарского грабительства, и это в ту пору, когда бухарцы не имели права чего-либо брать».

В таких условиях, когда население Западного Памира было доведено почти до полного разорения и «когда, — по словам капитана Снесарева, — народное хозяйство потрясено... и требует особой заботливости и снисхождения властей, начинается бухарское грабительство, на официальном языке именуемое — «зякетом». Удивляться грешно, что чаша терпения народного переполнилась, и он, уподобясь оробелому стаду, готов бежать с насиженных мест и от отцовских могил на Памиры и в Афганистан. Я склонен ожидать на Западном Памире больших несчастий».

В своем прошении от 5 июля 1903 г. жители Вахана писали начальнику Памирского отряда: «От нового бека пришла бумага от 26-го мая месяца, с таджиков он снова пожелал зякот, он будет брать $^1/_{10}$ с зернового хлеба, с баранов $^1/_{40}$, с рогатого скота $^1/_{40}$, с лошадей $^1/_{40}$ и с верблюдов тоже $^1/_{40}$, и еще с трех домов 2 шт. рогатого скота, 4 барана, 2 халата «чекмен» и семь (кусков) материи «карбас», 27 фунтов масла, 2 выделанные шкуры. 1 (скат) лошадиных подков, 5 фунтов мыла и табаку и еще ... 5 фунтов масла и трехдневных мардикеров, которые бы постоянно работали без денег, и бухарские нукеры, куда бы ни поехали на лошадях бедняков, денег бы не платили. Народ таджикский до того беден, что в других странах никто не поверит. Во время владычества афганцев никто в народе не имел одежды («обвязывать поясницу»), были до того бедны, что оставались без пищи; снова в подчинении Бухаре идет такое количество притеснений и тирании, что никто не может найти себе ни пояса, ни куртки (полукафтана) на тело, ни хлеба для еды. Такого зякота дать не можем. После этого еще просят деньги. Все мы народ ваханский обращаем лицо к Вам, просим Вас, чтобы Вы довели до начальства нашу просьбу... чтобы от власти русской дали бы нам землю, чтобы не уйти нам с этой земли, хотя бы и помереть пришлось и голодать, если же нам не судьба, то все мы, тотчас поднявшись, пойдем под власть Афганистана» [25].

В связи с напряженной обстановкой начальник Памирского отряда дал указания западным постам, как по-

---

[25] ЦГВИА, ф. 400, д. 291, л. 132.

ступать в случае народного восстания, массового перехода границы и т. д. При этом рекомендовалось «при первой же возможности доверчиво идти в средину толпы и увещевать ее, добиваясь обещания ожидать...». Оружие разрешалось применять лишь в безвыходном положении [26].

Создавшаяся обстановка вызывала всеобщее недовольство населения не только против бухарских властей и местных феодалов, но также и против поддерживавших их русских чиновников. Начальник Памирского отряда капитан Снесарев писал: «... таджик верил и ждал, но теперь глаза его открыты, и пришло время должной оценки со стороны народа наших слов и действий. Она будет не в нашу пользу и потому на пользу наших врагов-соседей. Пройдет немного лет и из расположенного к нам горного народа, отдохнувшего и успокоившегося, получится оборванная и оголенная жалкая группа, потерявшая к нам веру и доброе чувство, а среди обездоленных и безлюдных кишлаков этого народа нам придется идти, как по стране неприятельской».

В связи с усилившимся сопротивлением трудящихся масс деспотическому режиму эмира царская администрация с целью ослабить напряженное положение, создавшееся на Западном Памире, решила оказать противодействие чрезмерным притязаниям бухарских чиновников. Встревоженный не на шутку происходившими на Западном Памире событиями, туркестанский генерал-губернатор 30 июня 1903 г. послал политическому агенту в Бухаре барону Черкасову специальное письмо, в котором рекомендовал предложить эмиру «принять нужные меры к успокоению умов среди памирского населения, дав на то нужные указания своим бекам, и если оно (т. е. бухарское правительство. — *Б. И.*) не признает возможным и на этот год совершенно избавить население от податей, как это сделано русским правительством для соседнего киргизского населения (ввиду тяжелого его положения в текущем году), то по крайней мере настолько уменьшить размеры сбора и ослабить способ его взимания, чтобы переход от бывших льгот к взиманию податей произошел по возможности безболезненно» [27].

---

[26] Там же, л. 131.
[27] ЦГВИА, ф. 400, д. 291, л. 126.

В то же время ферганский военный губернатор не без ведома командующего войсками Туркестанского округа направил официальное указание начальнику Памирского отряда, чтобы он ни под каким видом не вмешивался в дела бухарских чиновников в вопросах взимания податей с местного населения.

По мнению туркестанского генерал-губернатора, о чем он доносил начальнику главного штаба Азиатской части В. В. Сахарову: «деятельность русской военной власти на Памирах должна ограничиваться лишь успокоением умов местного населения». 7 августа 1903 г. туркестанский генерал-губернатор сообщал В. В. Сахарову, что он дал указания начальнику Памирского отряда не принимать от населения никаких просьб и жалоб в отношении податей и строго соблюдать данную ему инструкцию.

Однако произвол эмирских властей во главе с Мирза Юлдаш-беком и вызванное этим повсеместное недовольство жителей западных районов Памира вынудили туркестанского генерал-губернатора направить туда дипломатического чиновника Половцева. В его задачу входило тщательное расследование положения на Западном Памире, особенно в Вахане, где происходили открытые выступления против бухарской администрации.

Половцеву было поручено разъяснить населению, что оно обязано подчиняться всем требованиям своего законного «государя» эмира бухарского и что всякое отступление от исполнения народом верноподданического долга не встретит ни поддержки, ни даже сочувствия русских [28].

Доклад прибывшего на Западный Памир Половцева свидетельствовал об исключительно тревожном положении в этом районе: «Враждебное отношение таджикского населения к бухарской администрации, — писал он, — настолько обострилось, что окончательное закрепление его под властью эмира повело бы к поголовному выселению жителей, каковое явление имело бы для русских интересов крайне нежелательные последствия» [29].

Половцеву, как сообщал туркестанский генерал-губернатор Иванов, временно удалось «водворить порядок» в Вахане, в котором доведенное до отчаяния население из-

---

[28] Там же.
[29] Там же, л. 164—165.

гнало бухарских чиновников; однако народ там успокоился лишь на время и при малейшем поводе мог снова восстать против эмирских властей. По этим соображениям туркестанский генерал-губернатор указывал на необходимость устранить бухарскую администрацию в западных районах Памира и присоединить их к России. Таким образом, напряженное положение, вызванное произволом эмирских чиновников, вынудило царские власти в 1904 г. снова возвратиться к тому же вопросу, который был уже поставлен перед ними несколько лет назад.

К этому времени жители Западного Памира, доведенные до отчаяния самоуправством эмирских властей, все чаще стали обращаться к царской администрации с жалобами на притеснения бухарских чиновников и просьбами о включении края в состав России. В одном из заявлений, полученном 26 июля 1904 г. секретарем политического агентства в Бухаре от населения Шугнана и Вахана, говорилось: «Докладываем, что мы, вследствие жестоких притеснений чиновников эмира, бежали на Памирский пост. Первое из злоупотреблений бухарцев относительно нас состоит в том, что зякетчи, назначенные для взыскания с нас податей, по прибытии к нам без ведома нашего разбили ограды на пастбищах, пересчитали женщин и скот и, вопреки справедливости, взяли по одному барану с двадцати, а у кого двадцати не было, то по одному с десяти. По шариату следует брать одного барана с сорока, у нас же взяли по одному с семи. Во-вторых, кроме «ушра» (поземельной подати, взимавшейся в размере $^1/_{10}$ урожая. — *Б. И.*) и зякота, у нас взяли с каждых домов по 2 коровы, 2 чекменя, 4 барана, 25 фунтов масла, 7 кусков маты, 2 шкуры куниц, 2 пары подков и 5 фунтов мыла в пользу казны. Кроме того, приказано было амлякдарам брать масло, баранов, ячмень, вьючных животных и рабочих бесплатно. В-третьих, бухарские чиновники начали совершать безнравственные поступки, требуя себе мальчиков и женщин. У нас такие безнравственные поступки — вещь неслыханная, и мы, не стерпев этого, убежали. В-четвертых, за отобранных у нас баранов, масло, муку, ячмень, клевер, дрова и вьючных лошадей, взятых под грузы или почту, нам не платят ни копейки. В-пятых, за назначение наукером или аксакалом берут по 100 рублей, затем вскоре отрешают от должности, назначают других

и вновь берут за каждое назначение по 100 рублей. Если случится между двумя жителями спор из-за земли, дело решают и берут с выигравшего его около 50 рублей и выдают ему купчую. На следующий год вновь возбуждают это же самое дело, с проигравшего его берут 60 рублей и уничтожают купчую. Такие случаи бывали неоднократно. Что же касается беспричинных штрафов, битья, оскорблений и других жестокостей по отношению к нам, то им нет и счета. Главная же наша жалоба на то, что по отношению к нашей религии не прекращаются преследования: ее поносят и грозят всех нас обратить в мусульманство, говоря, что мы, как неверные, не можем ничем владеть. В Российском государстве спокойно живут язычники, христиане, мусульмане, евреи, и все беспрепятственно исповедуют каждый свою религию. Бог создал 73 религии, и если из них только нашу преследуют и поносят, то лучше уже нам всем умереть, чтобы не видать и не слыхать чинимых над нами жестокостей» [30].

В связи с массовыми прошениями и постоянными жалобами на бухарских чиновников по предписанию политического агентства в Бухаре от 15 июня 1904 г. на Памир был командирован барон Черкасов, который в беседе с местными жителями выявил факты вопиющего произвола бухарской администрации. По его мнению, одной из основных причин, постоянно вызывающих массовое недовольство населения, были религиозные преследования. Сунниты-бухарцы считали исмаилитов-памирцев кафирами (неверными). Пользуясь этим, шугнанский, ваханский и рушанский беки не соблюдали ни обычного права, ни шариата и делали все, что им заблагорассудится. Черкасов отмечал, что жители жаловались на угрозы бухарских властей всех их обратить в суннитов. В противном случае, по словам эмирских чиновников, горным таджикам нечего ждать снисхождения.

Черкасов писал: «Всюду население обращалось ко мне с жалобами, устными и письменными, на всякие беззакония и жестокости бухарских властей, хотя присланные ко мне навстречу наукеры (местные уроженцы, состоящие на службе бека) всячески старались запугивать народ и не допускать до меня жалобщиков, а также распространяли про меня разные злостные сплетни». Местное

---

[30] Там же, л. 164.

население заявляло: «Мы охотно готовы платить зякет (здесь вообще налоги. — *Б. И.*) с продуктов земледелия, со скота и с товаров в размере, установленном шариатом ($2^1/_2$%), но мы не можем по состоянию своему платить в виде зякета 20—25%, как требуют того с нас бухарцы». Начальник Памирского отряда подполковник Арсеньев подтвердил все эти жалобы и признал, что народ разорен и угнетен до последней крайности [31]. Единственным выходом из создавшегося положения, по мнению Черкасова, было удаление бухарской администрации из Шугнана, Рушана и Вахана.

Более подробную характеристику разорительной политики эмирского правительства дал Черкасов в отчете о своей командировке в западные районы Памира. Он указывал: «В результате девятилетнего хозяйничанья бухарских чиновников в припамирских бекствах получилось разорение и крайнее озлобление населения».

Обстановка к моменту прибытия барона Черкасова на Западный Памир была тревожной. Уже на русском посту в Мургабе он застал 106 таджиков из Шугнана, Рушана и Вахана, бежавших от произвола эмирской администрации в пределы Ферганского военного губернаторства. Социальный состав беженцев был неоднороден. Наряду с бедняками среди них находились даже крупные собственники, такие, как Азиз-хан — крупнейший землевладелец долины Шах-дары, Сейид Юсуф Али-ша — глава исмаилитов Шугнана и др.

По настоянию барона Черкасова часть жителей вернулась в свои кишлаки, но бухарские власти жестоко отомстили им за побег. В кишлаке Поршинев 4 августа 1904 г. многих беженцев, попавших в руки шугнанских чиновников, избили нагайками, а затем подвесили со связанными на спине руками на деревья, где они висели все время, пока бек обедал в тени этих деревьев. Наукары отобрали у истязуемых платье, деньги и мелкие вещи. Для освобождения этих несчастных из Хорога были вызваны казаки, но бек пришел в негодование и протестовал, когда они освободили наказуемых.

Черкасов сообщал, что «случай четвертого августа страшно взволновал население Шугнана, и мне немало трудов стоило успокоить таджиков уверениями, что рус-

---

[31] Там же, л. 162.

ское правительство сумеет на будущее время оградить их от подобных варварских выходок бухарских администраторов». Он счел нужным предупредить шугнанского бека, что в случае повторения аналогичных явлений будут приниматься меры вплоть до его замены «более разумным и добросовестным правителем».

Нельзя не отметить, что немало злоупотреблений совершали также царские власти. Как начальник Памирского отряда, так и постовые офицеры исполняли административно-полицейские функции. За невыполнение своих приказаний они нередко сажали людей в тюрьму, избивали. При передвижении отряда каждый населенный пункт обязан был поставлять лошадей, подготавливать помещения для постоя, съестные припасы, дрова и т. д. В случае невыполнения, жителей подвергали репрессиям.

Таким образом, гнет бухарского эмира в западных районах Памира дополнялся гнетом царских властей. Черкасов отмечал: «При существующем положении вещей таджики испытывают гнет двух властей, каждая из которых только налагает на них обязанности, но не признает никаких прав их, даже и та власть, к которой они чувствуют инстинктивное влечение — власть русская... Припамирские бекства в тот момент, когда я видел их, были страною дикого произвола правящих, ужасающей бедности и полного бесправия управляемых. Нужно все колоссальное добродушие таджика, органическое отвращение его ко всяким насильственным действиям и горячую его привязанность к убогой своей родине, чтобы в течение 9 лет переносить столь варварский режим».

В общем девятилетнее пребывание населения Западного Памира под властью бухарского эмира было поистине ужасающим.

Русское правительство, опасаясь волнений и восстаний среди местных жителей, признало необходимым предпринять более решительные меры для упорядочения управления краем.

Политический агент в Бухаре Лютш в донесении от 30 октября 1904 г., характеризуя систему бухарского правления на Памире, писал: «Бухарские власти в Шугнане, Рушане и Вахане не хуже и не лучше властей в других частях ханства. В далеком Припамирье власти эти чувствуют себя лишь свободнее, ибо какой-либо контроль за ними почти невозможен. Помимо всякого рода

поборов натурою и деньгами, шугнанские чиновники позволяют себе разного рода незаконные и возмутительные действия, затрагивающие честь населения, которое уже неоднократно восставало против своих притеснителей» [32]. Ко всему этому нужно прибавить, что бухарские чиновники неоднократно пытались заставить таджиков исповедовать суннизм, чем еще более ожесточали их.

Как сообщал Лютш, «таджики по-прежнему враждебно относятся к своим властям и время от времени устраивают демонстрации, желая этим доказать свое недоверие к властям, а также вызвать, вероятно, к себе сочувствие наших памирских властей» [33].

По сведениям барона Черкасова, население, не находя выхода из тяжелого положения, специально обратилось за советом к духовному главе исмаилитов в Бомбее Агахану. Он через своих ишанов рекомендовал памирским таджикам обратиться к царскому правительству с просьбой принять их в русское подданство.

Одновременно эмир, чувствуя себя не в силах подавить все возрастающее недовольство населения, был вынужден выразить царскому правительству желание «добровольно» передать эту область в управление России. По словам Лютша, бухарский куш-беги официально обратился к нему с заявлением о добровольной передаче этих областей России.

Бухарские власти, чувствуя приближение конца своего владычества, с каждым днем все более и более усиливали эксплуатацию народа.

Эмир, некогда обещавший выделить средства на исправление дорог и принять меры к урегулированию взаимоотношений между своими чиновниками и местным населением, теперь под предлогом скорого перехода Западного Памира к России отказался от своих намерений, что вызвало еще большее возмущение жителей.

Продолжая борьбу против бухарской администрации, население Вахана, Рушана и Шугнана все надежды возлагало на русских, видя в них своих освободителей. Жители использовали малейший повод, чтобы заявить о своем желании принять русское подданство. С такой просьбой они обращались даже к отдельным путешествени-

---

[32] Там же, л. 156.
[33] Там же, л. 158.

кам, в частности к Федченко. С этой же целью население посылало своих представителей в Ташкент.

Учитывая все это, туркестанские власти сочли нужным предпринять решительные шаги в отношении присоединения этого края. Генерал Тевяшев, временно исполнявший должность туркестанского генерал-губернатора, заявил политическому агенту в Бухаре о необходимости присоединения западных районов Памира к России.

Как мы уже указывали, эмир соглашался отказаться от управления краем. При этом, стремясь не подорвать окончательно свой, уже сильно пошатнувшийся, престиж, эмир заявил, что отдаленные от центра и населенные враждующими между собой суннитами и исмаилитами западные районы Памира никогда не могли слиться с остальными частями Бухары. Поэтому, по словам эмира, дальнейшее пребывание их под бухарским правлением могло лишь породить в будущем постоянные заботы о поддержании порядка. Эмир уверял Лютша, что решение вновь поднять вопрос о передаче этих районов императорскому правительству обдумано им и он пришел к глубокому убеждению в необходимости такого решения [34].

Великобритания пыталась использовать в своих выгодах недовольство населения Западного Памира. Английские агенты для достижения своих целей опирались в основном на богатую верхушку Вахана, а также на высшее исмаилитское духовенство Шугнана и Рушана.

Английские разведчики и миссионеры, проводя враждебную агитацию среди населения Западного Памира, пытались нанести ущерб русским интересам. Они использовали в своих выгодах главарей исмаилитов и различных религиозных сект, а также тех лиц, которые эмигрировали из Вахана в районы английской сферы влияния, как например бывший ваханский мир Али Мардан-ша. Начальник Памирского отряда штабс-капитан Кивекэс сообщал 1 декабря 1901 г. ферганскому военному губернатору, что Али Мардан-ша «действовал на ваханцев в нежелательном для нас смысле через своих эмиссаров, которые настраивали население в пользу англичан» [35].

Пользуясь напряженным и неопределенным положением на Западном Памире, исмаилиты, подстрекаемые

---

[34] Там же, л. 168.
[35] Там же, л. 171.

английскими агентами, усилили религиозную пропаганду в крае, склоняя жителей к переселению в соседние страны.

Основываясь на донесениях барона Черкасова, капитана Снесарева и Половцева, Лютш писал:

«Жители (Вахана. — *Б. И.*) намерены пробраться по родственным им селениям афганского Вахана в Читрал, где будут искать покровительства английских властей, в случае если Россия будет по-прежнему от них отворачиваться. Невольно заставляет предполагать, что эти горцы действовали в данное время не без совета извне» [36].

По данным начальника Памирского отряда, «эмиссары... ишана (британского агента Шазада Лаиса.— *Б. И.*) уговорили зебакских жителей (в Афганистане. — *Б. И.*) подписать составленное в Читрале прошение о том, что они желают вступить в английское подданство» [37]. Указанные лица не ограничивались действиями только в Афганистане, «они посылали своих эмиссаров в соседние припамирские бекства... слух о тайных... сношениях шугнанского бека Ишан-кула с ишаном Шазада Лаисом мог бы быть объяснен именно тем, что эмиссары из Читрала действовали слишком смело и уверенно и внушали беку опасения за благополучие во вверенной ему области» [38].

Согласно донесению надворного советника Колоколова из Кашгарии от 29 декабря 1904 г. англичане приехали через Читрал в Кабул к эмиру Хабибулле-хану с предложением уступить им местность Пяндж в Вахане, где они собираются построить укрепления. При этом в виде вознаграждения афганскому эмиру предложили местность Эшкаман в Читрале. На обратном пути в Читрал англичане пытались воздействовать на местных феодалов, чтобы они ходатайствовали перед эмиром о передаче им местности Пяндж в Вахане. Одновременно они обратились к кашгарским властям с просьбой разрешить им построить укрепления в Тагдумбаше и поставить там свой гарнизон. Таким образом, к 1904 г. экспансия Англии в странах, соседних с Памиром, снова усилилась, иностранные агенты все чаще стали появляться в Западном Памире.

---

[36] Там же.
[37] Там же, л. 173.
[38] Там же.

Необходимость присоединения Западного Памира диктовалась и тем, что там с каждым годом все больше усиливалась деятельность английских агентов, стремившихся укрепить свое влияние в этих отдаленных районах эмирата.

Постоянные волнения населения и неспособность бухарских властей справиться с ними, а также усиление активности англичан ускорили окончательное решение вопроса о присоединении Западного Памира. Если раньше, в 1899 г., генерал-губернатор Туркестана Духовский счел нужным заявить, что расширение территории России в Средней Азии не соответствовало русским интересам, то теперь обстановка изменилась. Недовольство жителей бухарскими властями, их массовые прошения на имя царской администрации, бегство многих семейств в Туркестан и Афганистан и, наконец, английская экспансия вынудили русское правительство опять вернуться к вопросу о присоединении западных районов Памира.

В конце 1904 г. эмир отозвал шугнанского бека в Бухару и приказал гиссарскому беку командировать в западные районы Памира особого чиновника, который во всем должен был подчиняться начальнику Памирского отряда. Таким образом, управление Шугнаном, Рушаном и Ваханом фактически перешло к царским властям.

В начале 1905 г. в Ташкенте было созвано совещание о принятии в русское подданство жителей Западного Памира. В нем участвовали от Туркестанского генерал-губернаторства генерал-лейтенант Сахаров, от политического агентства в Бухаре барон Черкасов, а также начальник Памирского отряда штабс-капитан Кивекэс. На совещании, учитывая политическое положение, было решено произвести переход от бухарского управления к русскому «негласно и без формальных передач». Это объяснялось необходимостью создать видимость сохранения существовавшего положения на Западном Памире, чтобы не допустить обострения русско-английских отношений. Признавалось также необходимым учредить в этой области должность махрама (наместника), который должен был назначаться на год бухарским эмиром и находиться под контролем начальника Памирского отряда. Место жительства махрама определялось в Хороге.

Что касается сбора налогов с местного населения, то комиссия постановила продолжать их взимание, считая,

что подати призваны напоминать жителям об их государственном подданстве. При этом налог должен был быть установлен только на скот, зерновые и бобовые и взиматься не натурой, а деньгами. Все остальные подати решено было отменить.

Таким образом, деспотическому правлению эмирских властей пришел конец. Жители, бежавшие ранее от притеснений бухарской администрации, теперь постепенно стали возвращаться на родину. В числе возвратившихся были и местные влиятельные исмаилиты: Юсуф Али-ша — поршиневский ишан, Сейид Мурсала — сучанский и др.

Присоединение к России сыграло прогрессивную роль в жизни народов Западного Памира. В частности, с ликвидацией произвола бухарских властей местное население получило возможность свободного выезда в русский Туркестан, что благоприятствовало сближению народов Западного Памира с другими народами Средней Азии, на которые большое влияние стали оказывать передовые идеи демократических кругов русского народа.

После присоединения к России в Шугнане, Рушане и Вахане увеличился сбор зерновых культур, чему способствовали расширение ирригационной сети и рост поголовья рабочего скота.

В то же время переход управления краем в руки начальника Памирского отряда в значительной мере укрепил положение России не только в западных районах Памира, но и в припамирских странах.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ТЕКСТ ПРИНЯТОГО В 1900 г. БУХАРСКИМ ЭМИРОМ УКАЗА О РАЗМЕРАХ И ПОРЯДКЕ СБОРА ПОДАТЕЙ С НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОГО ПАМИРА

«Размер и порядок взимания податей бухарским правительством с подвластного ему населения Рушана, Шугнана и Вахана.

Население Рушана, Шугнана и Вахана обязуется платить своему законному государю Его Высочеству Эмиру Бухарскому ежегодную подать, состоящую из хераджа, зякета, амалиота и других, указанных ниже видов денежной и натуральной повинности.

I. Херадж определяется одной десятой ($^1/_{10}$) частью сбора пшеницы, ржи, овса, ячменя, гороха, огородных овощей, тута, урюка, зегира, хлопка, клевера и крута.

Кроме того, с каждого пуда указанных выше предметов сбора уплачивается:

амлякдару пол ($^1/_2$) фунта,

и мушрупу (секретарь амлякдара—*Б. И.*) четверть ($^1/_4$) фунта.

II. Зякет определяется одной сороковой ($^1/_{40}$) частью скота: баранов, коз, (крупного.— *Б. И.*) рогатого скота и верблюдов.

III. В отношении амалиота все население Рушана, Шугнана и Вахана разделяется на четыре категории, в зависимости от ежегодно засевающегося количества пудов зернового хлеба (пшеницы, ржи, ячменя, проса).

На основании этого к первой категории принадлежат хозяйства, засевающие ежегодно 50 и более пудов хлеба. Ко 2-й категории — от 25 до 50 пудов, к 3-й категории — менее 25 пудов, к 4-й—лица, не имеющие земли.

Размер амалиота для лиц указанных выше категорий определяется нижеследующим:

А. С каждых трех (3) хозяйств первой категории ежегодно взимается:

1. Одна штука (крупного. — *Б. И.*) рогатого скота 1-го сорта ценою в 6 руб. 40 коп.

2. Одна штука (крупного. — *Б. И.*) рогатого скота 2-го сорта ценою в 3 руб. 20 коп.

3. Четыре барана стоимостью каждый в 1 руб. 20 коп.

4. Четыре чашки масла весом каждая в 5 фун. 24 золот. и стоимостью в 80 коп.

5. Штука местного сукна 1-го сорта ценою в 4 руб. 80 коп.

6. Штука местного сукна 2-го сорта ценою в 1 руб. 20 коп.

7. Одна кунья шкурка ценою в 1 руб. 40 коп.

8. Кусок маты ценою в 4 руб. 20 коп. и

9. Скат подков стоимостью в 80 коп.

Б. С каждых трех (3) хозяйств второй категории ежегодно взимается:

1. Одна штука (крупного. — *Б. И.*) рогатого скота ценою в 6 руб. 40 коп.

2. Три барана стоимостью каждый по 80 коп.

3. Три чашки масла стоимостью каждая в 60 коп.

4. Одна штука местного сукна ценою в 4 руб. 80 коп.

5. Одна кунья шкурка ценою в 1 руб. 40 коп.

6. Маты общей стоимостью в 3 руб. и

7. Пара подков стоимостью в 40 коп.

В. С каждых трех (3) хозяйств третьей категории ежегодно взимается:

1. Одна штука (крупного.—*Б. И.*) рогатого скота ценою в 3 руб. 20 коп.

2. Три барана стоимостью каждый в 40 коп.

3. Две чашки масла по 40 коп. каждая.

4. Штука местного сукна ценою в 1 руб. 80 коп.

5. Кусок маты ценою в 1 руб. 80 коп.

6. Одна кунья шкурка ценою в 1 руб. 40 коп.

7. Пара подков ценою в 40 коп.

Каждое лицо четвертой категории ежегодно вносит штуку местного сукна ценою в 1 руб. 20 коп.

Означенные выше предметы амалиота вносятся ежегодно натурой. При невозможности же этого уплачивается деньгами по вышеуказанной расценке, причем общая сумма ежегодно взимаемого амалиота (с одного хозяйства. — *Б. И.*) не должна превышать: для лиц первой категории 10 руб. 4 коп. (десять руб. четыре коп.), второй категории 6 руб. 75 коп. (шесть руб. семьдесят пять коп.), третьей категории 3 руб. 37 коп. (три руб. тридцать семь коп.) и четвертой категории — 1 руб. 20 коп. (один руб. двадцать коп.).

При этом курс денег, обращающихся среди населения Рушана, Шугнана и Вахана, определяется следующий:

Бухарская теньга=20 копейкам, персидская, афганская и английская рупия = 60 копейкам.

IV. Все мельницы Рушана, Шугнана и Вахана по количеству перемалываемого ими зерна делятся на три разряда, в зависимости от чего владельцы мельниц ежегодно уплачивают:

С мельниц 1-го разряда 2 руб. 50 коп. (два руб. пятьдесят коп.)

„ 2-го „ 2 „ (два руб.)

„ 3-го „ 1 „ 50 коп. (один руб. пятьдесят коп.)

V. При вступлении в брак жених уплачивает: а) при женитьбе на девушке — 2 рубля, б) при женитьбе на вдове или разведенной — 1 рубль.

VI. При тяжбах гражданского характера, подлежавших разбирательству бека или суда казиев, судебные издержки взыскиваются с виновной стороны в размере 10% иска.

VII. Права шугнанского бека в наложении на преступников денежных штрафов и размеры последних по каждому роду возможных преступлений должны быть точно определены и регламентированы Его Величеством Эмиром.

VIII. Кроме изложенных выше видов и размеров податей, поступающих в казну Бухарского Правительства, население Рушана, Шугнана и Вахана обязывается еще нижеследующими повинностями в отношении шугнанского бека лично:

1. Поставить необходимое количество топлива (дров) и осветительных припасов (мундал) в местожительства шугнанского бека, причем: в Кала-и-Вамар дрова и мундал доставляются поочередно кишлаками Рушана, а в Хорог — кишлаками Шугнана, Гунта, Шахдары и Дармарахтского аксакальства. Население же Вахана поставляет дрова Бухарскому чиновнику, проживающему в кишлаке Зунг.

2. Ежемесячно доставлять беку по 5 фунтов мыла местного производства, собирая его со всех кишлаков Рушана, Шугнана и Вахана.

3. Каждый житель Рушана, Шугнана и Вахана обязывается беку бесплатной работой не более, однако, трех (3) дней в году и притом не во время посева или уборки хлеба.

4. Во время поездок бека или по требованию последнего для официальных лиц, приезжающих из Бухары и Памиров, население Рушана, Шугнана и Вахана обязано в пределах этих ханств поставлять лошадей или носильщиков под вьюки, а на речных переправах — турсуки.

5. Шугнанскому беку предоставляется право пользоваться в пределах Рушана, Шугнана и Вахана всеми свободными землями («султани») с тем, однако, чтобы из этих земель производился надел лицам, переходящим на постоянное жительство в Бухарские пределы из Афганистана и других соседних стран, а также тем бухарским подданным Рушана, Шугнана и Вахана, кои пожелают сами увеличить количество запахиваемой ими земли.

IX. Подати с населения взимаются ежегодно осенью, начиная с октября, после окончательной уборки хлеба.

X. Взимание податей в каждом кишлаке должно производиться амлякдаром не иначе, как в присутствии мушрупа, волостного управителя, местного казия и кишлачного аксакала, кои и выдают квитанцию каждому лицу в отдельности в удостоверение внесенной им подати.

XI. Чины местной Бухарской администрации обязываются при взимании податей избегать каких бы то ни было насильственных мер.

XII. Изложенные выше правила вступают в законную силу по утверждении их Его Высокопревосходительством Туркестанским Генерал-Губернатором и Его Высочеством Эмиром Бухарским, о чем и должны быть уведомлены Начальник Памирского отряда и Шугнанский бек.

Но прежде взимания податей Бухарское Правительство обязывается привести в точную известность количество населения Рушана, Шугнана и Вахана и определить земельный надел на каждого бухарско-подданного жителя означенных ханств» [1].

---

[1] ЦГВИА, ф. 400, д. 291, л. 76—78.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр

Предисловие 3

Глава I. Политико-административное устройство Восточной Бухары после присоединения ее к Бухарскому эмирату 7

Глава II. Налоговая система Бухарского эмирата . . . 35

Глава III. Положение трудящихся Восточной Бухары . . 53

Глава IV. Восстание Восе 72

Глава V. Бухаро-афганские отношения 86

Глава VI. Западные районы Памира под властью Бухары и переход их в управление царской администрации 100

Приложение 127

Боходур Искандарович *ИСКАНДАРОВ*

ИЗ ИСТОРИИ БУХАРСКОГО ЭМИРАТА
(Восточная Бухара и Западный Памир
в конце XIX века)

Утверждено к печати
Редакционным советом востоковедной литературы
при Отделении исторических наук
Академии наук СССР

Редактор издательства *А. И. Демин*
Художник *Н. В. Еремина*
Художественный редактор *Л. С. Эрман*
Технический редактор *А. К. Красная*
Корректоры *Е. Г. Григорьева* и *М. М. Хасман*

*

Сдано в набор 7/IV 1958 г. Подписано к печати 7/VI 1958 г. Т-05738
Формат 84×108 1/32 Печ. л. 4,125 Усл. п. л. 6,77 Уч.-изд. л. 6,94
Тираж 1500 экз. Зак. тип. 840.
Цена 4 р. 15 к.

*

Издательство восточной литературы
Москва, Центр, Армянский пер., 2.

*

Типография Издательства восточной литературы
Москва И-45, Б. Кисельный пер., 4.

4 р. 15 к.